

С О В Е Т С К А Я Т Ю Р К О Л О Г И Я

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

◆
БАКУ - 1987

1

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 1

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ

БАКУ — 1987

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, З. А. АХМЕТОВ, Н. А. БАСКАКОВ,
М. З. ЗАКИЕВ, С. Н. ИВАНОВ, С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ,
Х. Г. КОРОГЛЫ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Г. З. РАМАЗАНОВ,
И. С. СЕИДОВ (заместитель главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
Б. Ч. ЧАРЫЯРОВ, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор).

Ответственный секретарь — Н. Г. НАДЖАФОВ.

Адрес редакции: 370143, Баку-143, просп. Нариманова, 31, Академгородок.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Н. А. БАСКАКОВ

ОГУЗСКИЙ АРЕАЛ В ИСТОРИИ КОНСОЛИДАЦИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Ареальная общность языков — это исторически сложившаяся под влиянием различных лингвистических и экстралингвистических факторов общность языков, имеющих одинаковые структурные признаки.

В истории развития и формирования тюркских языков известны многие ареальные объединения конкретных как родоплеменных и средневековых, так и национальных тюркских языков.

Сами тюркские языки, как группа родственных языков, выделились в результате ареальной консолидации и интеграции из обширной алтайской семьи языков, благодаря характерным общим чертам, интегральным признакам, сохранив при этом генетические связи с другими группами алтайской семьи — в первую очередь с монгольским, а затем — тунгусо-маньчжурскими и корео-японскими языками.

Последующей второй фазой ареального расчленения уже самих тюркских языков стало разделение их в I—II веках н. э. на две большие группы, на два ареала, что было вызвано образованием из многоплеменного союза хунну двух ветвей — западных и восточных хунну. Следы ареальной консолидации тюркских родоплеменных языков и интеграции их в две группы восточных и западных тюркских языков сохранились на всех структурных уровнях — фонетическом, лексическом и грамматическом, хотя географические границы между восточными и западными тюркскими языками к тому времени уже в значительной степени стерлись.

Третья историческая фаза ареального членения тюркских языков уже в большей степени сохранила следы как реальных географических границ, так и весьма четких признаков по всем структурным уровням, составляющих определенные, четко выраженные нормы для каждого ареала. При этом сохранились также и следы прежних ареальных отношений, то есть генетических связей с родственными группами других алтайских языков и разделения их на западные и восточные. К этому периоду ареального членения тюркских языков относятся такие родоплеменные ареалы тюркских языков, как болгарский, огузский, кыпчакский, карлукский, уйгурский и киргизо-кыпчакский, сохранившие до настоящего времени четко очерченные географические границы и соответствующие для каждого ареала языковые признаки по всем основным структурным уровням.

Четвертый исторический период в развитии тюркских языков характеризуется процессами ареальной интеграции и дифференциации их по географическим регионам — на территории Советского Союза на языки:

1) западных районов СССР, 2) Кавказа, 3) Поволжья, 4) Сибири; и в зарубежных странах на языки: 1) Турции, 2) Китайской Народной Республики, а также ареалы тюркских языков Ирака, Ирана, Афганистана.

Последний, пятый, период ареального членения тюркских языков народов СССР характеризуется образованием национальных языков населения соответствующих республик и автономных областей Советского Союза и некоторых упомянутых выше зарубежных регионов.

Одним из исторических ареалов, сохранившим как свои границы, так и общие языковые особенности, является огузский, охватывающий Малую Азию, часть Балканского полуострова, южную Молдавию, Азербайджан, Туркмению, северные районы Ирана, часть Ирака, Сирии и Афганистана. Он представлен следующими основными языками: азербайджанским, турецким, туркменским и гагаузским.

Огузский ареал, характеризующийся специфическими чертами фонетики, лексики и грамматики, помимо перечисленных выше основных языков, охватывает также множество различных изолированных диалектов, либо входящих в диалектные системы основных огузских языков, либо таких, отношение которых к тому или иному основному языку еще не установлено. На этих языках и диалектах говорят различные этнические группы и племена огузского происхождения, проживающие главным образом в Сирии, Ираке, Иране и Афганистане. Так, например, как показало изучение племенного состава тюркского населения Северного Ирана, на диалектах этого региона говорят такие крупные племена и роды туркмен, как йомуды, гёклены, нохурлы, теке, ата и др.

Особый интерес представляют изолированные огузские племена и этнические группы, входящие в родовые объединения с самоназваниями: карапахи, или терекеме, каракоюнлу, дюнбюллю, или чарыхчи, качары, айрымы, баяты, афшары, кашкайцы, баиндир, игдир, имрели, халаджи и другие, материалы по языку которых частично уже собраны исследователями.

Некоторые из перечисленных этнических групп проживают и на территории Советского Союза, главным образом в Закавказье. К ним относятся каракоюнлы, качары, айрымы, шахсевены, баяты и афшары, проживающие на территории Азербайджанской ССР, и карапахи, или терекеме, проживающие в Армянской ССР. Планомерное изучение диалектов этих районов по существу находится только в начальной стадии. В настоящее время обнаружены исследования грузинских и армянских диалектологов: Н. Н. Джанашия, В. Гудиашили, В. Т. Джангидзе и др.

В 1952 году во время пребывания в Калининском районе Армянской ССР нам удалось познакомиться с особенностями азербайджанского диалекта народности терекеме, или карапахов, живущей в селениях: Кара-Иса, Эвлю, Иль-Мазлу, Союз-Булах, Сарйар, Кызыл-Шафах, Демирчиляр, Кара-Кала, Кызыл-Даш и др. Поводом для этого послужило привлечение наше внимание само название народности—«карапапах» или «карапах», весьма близкое по значению к этническому названию «каракалпак». Данный вопрос приобрел еще больший интерес в связи с выдвинутой турецким исследователем З. Валиди теорией об общем происхождении этих народностей. Однако записанные тексты и диалектологические наблюдения над языком карапахов, а также сохранившиеся у этой народности родовые названия и этнографические особенности уже сейчас позволяют заключить, что каракалпаки и карапахи в этногенетическом отношении далеки друг от друга, так же как и их общеплеменные объединения огузов и кыпчаков. В настоящее время

мя терекеме, или карапахаи, и по языку, и по происхождению считают себя азербайджанцами.

В Турции, по утверждению турецких ученых, «карапахаи» чаще называют оседлую часть этого племени, живущую в районах Карса и Ахиска. Название же «терекеме» принадлежит кочевникам этого же племени. Известны и другие названия, или, вернее, прозвища этого племени, данные ему турками. Из них чаще других употребляются следующие: безбаш, гагаван, чинчават. В составе терекеме, или карапахов, живущих в районе Карса, существует еще группа «мюрид», которая, однако, представляет собой скорее религиозную секту.

Следует отметить, что огузский ареал в процессе более тесной консолидации, под влиянием вторичных экстралингвистических факторов расширился позже на подареалы: огузо-туркменский — на востоке, огузо-сельджукский — на юге и огузо-булгарский — на западе. Эти подареалы также характеризуются специфическими чертами по соответствующим маргинальным зонам, отличающимся на Западе и на Балканах значительным влиянием главным образом славянских языков; на востоке — наличием смешанных огузо-кыпчакских диалектов, подвергавшихся влиянию иранских языков среднеиранской эпохи, и на юге — воздействием языков: на Кавказе—иранских, в Малой Азии—греческого.

Несмотря на территориальную протяженность распространения огузских языков, они образуют компактный регион с маргинальными зонами соседних ареалов — болгарского, кыпчакского, карлукского, уйгуро-огузского и киргизо-кыпчакского.

Одной из очередных задач исторической диалектологии тюркских языков является изучение и выявление точных границ этих исторических ареалов, сведения о которых приводятся в ряде специальных исследований. Тюркологи располагают некоторыми историческими сведениями начиная с VI—VIII веков. Здесь прежде всего следует указать на диалекты древнеогузского, древнекиргизского и, в особенности, древнеуйгурского языков, енисейско-орхонские рунические надписи и древнеуйгурские памятники согдийского, брахми и арабского письма, по которым, хотя и фрагментарно, можно судить о некоторых границах географического распространения особенностей этих языков и диалектов. Ряд исследований в этом направлении уже осуществлен, например, И. А. Батмановым, А. Н. Кононовым и А. ф. Габэн.

Относительно более точные и достоверные сведения о географическом распространении, а также характере тюркских языков и диалектов XI—XII веков содержатся в «Дивану-лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари касательно огузских, кыпчакских, карлукских и, в меньшей степени, некоторых других тюркских языков и диалектов главным образом Средней Азии и Восточной Европы. Наконец, более полную характеристику и сведения о распространении болгарских, огузских, кыпчакских, карлукских, уйгурских и киргизо-кыпчакских языков и диалектов содержат памятники XVI—XIX веков и живая диалектная речь современных тюркских языков, позволяющие установить и картографировать границы их соответствующих ареалов.

До настоящего времени все специфические особенности болгарских, огузских, кыпчакских, карлукских, уйгурских и киргизо-кыпчакских языков полностью не изучены, равно как не установлены точно их ареалы. В связи с этим нередко делаются необоснованные выводы об отношении тех или иных явлений и фактов разных уровней языка к различным исторически сложившимся племенным общностям.

Вместе с тем современные тюркские языки и диалекты представляют собой результат многовекового взаимного контактирования и смешения,

поэтому отдельные частные особенности одних, например, огузских диалектов, встречаются в кыпчакских или других языках, а кыпчакские элементы — в огузских или карлукских и т. д. В силу этого отношение того или иного языка или диалекта к огузским, кыпчакским и другим языкам должно определяться не частными, отдельными особенностями, а комплексными изоглоссами групповых признаков.

Применение предварительно разработанных комплексных групповых изоглосс уже на основании существующих данных позволяет наметить некоторые более или менее точные ареалы болгарских, огузских, кыпчакских и прочих языков и диалектов и определить маргинальные зоны наречий со смешанными признаками.

Точные и всеобъемлющие фонетические, лексические и грамматические комплексные групповые изоглоссы, разработка которых является неотложной задачей, помогут не только установить границы распространения соответствующих тюркских языков, но и выявить своеобразные индикаторы, позволяющие отнести тот или иной язык или диалект к какой-либо группе и исключающие ошибочные выводы в определении языков по отдельным частным признакам.

Системные, комплексные изоглоссы с большей достоверностью раскрывают исторические связи языков и диалектов между собой и исключают случайное их объединение по отдельным явлениям и фактам, возможное при использовании только частных, отдельных несистемных изоглосс. Так, системная комплексная изоглосса для огузских языков и диалектов определяется на основании следующих основных признаков: 1) в фонетической структуре: а) звонкие согласные *d, g* вместо *t, k* — в начале слова и *g, γ* вместо *k, q* — в конце слов: *dil* 'язык', *gel-* 'приходить', *beg* 'господин', *day* 'гора'; б) выпадение начального *b* в слове *bol-* > *ol-* 'быть'; 2) в грамматическом строе: а) формы причастия на *-muş/-miş, -ap/-ep* (вместо *-ap/-gen* — в других языках); б) активизация масдара *-taq/-tek* вместо *-yş/-iş, -ıw/-üw* — в других языках; в) фонетически редуцированные формы родительного падежа *-up/-ip* вместо *-pu/-pi* и винительного падежа *-u/-i* вместо *-pu/-ni*; г) долженствовательная форма на *-malı/-meli* и т. д.; 3) в словарном составе: некоторые особенности лексики по отношению к другим группам тюркских языков, например: *qurt* 'волк', *el* 'рука', *ijgi* 'хороший' и т. д.

Наличие же в других тюркских языках тех же, пусть единичных, признаков характеризует не прямое их отношение к огузской группе, а лишь адстратное или субстратное влияние последних, или некоторые, хотя генетические и общие, но частные явления, не составляющие полной системной комплексной изоглоссы.

Системные, комплексные изоглоссы, таким образом, позволяют более точно определить границы ареалов и маргинальных зон отдельных групп, подгрупп и конкретных языков и диалектов.

Итак, основной очередной задачей лингвогеографических исследований является подготовка диахронических ареальных исследований, уточняющих границы ареалов языков и диалектов по исторически сложившимся их группировкам. Для этого прежде всего необходимо подготовить соответствующие ареальные, исторические, диалектные атласы, при составлении которых возникнут следующие проблемы:

1. Разработка характерных для каждого ареала основных системных комплексных изоглосс, определяющих специфику данного ареала по всем основным уровням языка: фонетическому, лексическому и грамматическому, то есть огузского, болгарского, кыпчакского и других ареалов.

2. Установление дополнительных изоглосс, характеризующих групповые связи языков между собой внутри данного ареала, например, для

подгрупп: огузо-туркменской, огузо-булгарской, огузо-сельджукской или кыпчакско-булгарской, кыпчакско-половецкой, кыпчакско-ногайской и проч.

3. Определение системных изоглосс, характеризующих специфику конкретных языков в составе каждой группы и подгруппы.

4. Разработка дополнительных изоглосс, определяющих маргинальные зоны с характерными явлениями интерференции межареальных, межгрупповых и межязыковых особенностей по всем уровням языка.

Успешное разрешение всех упомянутых выше задач позволило бы исследователям тюркских языков с большей определенностью соотносить все явления тюркских языков с соответствующими тюркскими языками тюркских племенных объединений, уточнить существующие классификации, а также получить объективный исторический материал для различного рода ареальных, сравнительно-исторических и историко-типологических исследований.

Я З Ы К О В Ы Е С В Я З И

Р. А. ЮНАЛЕЕВА

ТЮРКИЗМЫ В СИСТЕМЕ ЗАИМСТВОВАНИЙ
РУССКОГО ЯЗЫКА

Существует мнение, что заимствования занимают особое место в лексико-семантической системе языка. В момент вхождения иноязычное слово в известной степени механически переносится в язык-рецептор и лишь в процессе освоения, подстраиваясь к фонетико-морфологическим и семантическим нормам последнего, изменяет свою звуковую оболочку и смысловый объем. Это, наряду с другими показателями, и дает основание считать данную лексему заимствованной. Отсюда термин «заимствованное слово» является определением слова с точки зрения этимологической, то есть его генетической диахронии; с точки же зрения синхронии—это, по существу, «обычное» слово, приравняемое к исконному, поскольку оба они характеризуются одинаковыми парадигматическими и синтагматическими свойствами. Убедительным подтверждением этого является тот факт, что, помимо подключения заимствований на равных правах с исконными словами к фонетико-морфологической системе, они вписываются в лексико-семантический организм языка, выступая звуковой оболочкой определенного значения для образования новых сем. Поэтому, думается, что термин «заимствованное слово» применим к иноязычным словам только в период их вхождения в заимствующий язык или по той или иной причине еще не утратившим своей иноязычности, по отношению же к уже освоенным словам он является в известном смысле условным.

Значительным этапом в постановке и решении ряда проблем заимствований в последние десятилетия явилась монография ленинградских ученых «Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII в. Языковые контакты и заимствования» [1]. Заметный вклад в изучение иноязычных слов в составе русской литературной лексики XVII—начала XX века внесли книги «История лексики русского литературного языка конца XVII—начала XIX века» [2] и «Лексика русского литературного языка XIX—начала XX века» [3].

Однако в названных работах основное внимание уделяется западноевропейским заимствованиям, ориентализмы же вообще и тюркизмы в частности не затрагиваются. А между тем для русской исторической лексикологии далеко небезразличны вопросы, связанные с определением удельного веса генетически различного происхождения иноязычных слов того или иного пласта русской лексики, история их функционирования и современного статуса, специфика заимствований из различных языков во взаимодействии с исконной лексикой, особенно-

сти различных по происхождению заимствований в процессе их освоения русским языком.

Ниже нами приводятся результаты историко-лексикологического изучения тюркизмов с учетом историко-этимологических и лексико-семантических факторов. Историко-этимологические показатели важны для определения языкового источника и времени заимствования того или иного иноязычного слова. Лексико-семантические признаки характеризуют по существу заимствованное слово, для которого материалы хронологико-генетической принадлежности являются лишь отправной точкой, началом его лексико-семантической истории в языке-рецепторе.

Существующие лексикографические и лексикологические сведения о тюркизмах лишь более или менее обстоятельно определяют язык-источник и хронологию вхождения слова. В лучшем случае они также классифицируют слова по тематическим группам и указывают признаки фонетико-морфологической и семантической освоенности тюркских по происхождению лексем. Однако важна прежде всего не столько констатация языкового источника и хронологического среза иноязычного слова (хотя значительность этого отнюдь не снимается), сколько важно выявление путей его проникновения, сферы и характера функционирования, системной лексико-семантической взаимосвязи заимствования с общим словарным составом русского языка.

Во все периоды функционирования русский язык, как и все другие языки, пополнялся за счет иноязычных слов. С изменением эпох, исторических условий, круга контактирующих языков изменялись и пласты воспринимаемой лексики.

Иноязычные слова, вошедшие в русский язык, были разнотемны. Однако в этой разнотемности прослеживается определенная специализация по языкам. Так, старославянизмы представлены в русском языке названиями преимущественно отвлеченных понятий; греко-латинские заимствования «легли в основу обозначений многих абстрактных понятий, обогатили нашу научно-философскую и политическую терминологию» [4, с. 84]; влияние галлицизмов было сильно в сфере политической, исторической, торговой, правовой, дипломатической лексики, в литературе [2, с. 62]; немецкие слова обогатили военную, профессионально-техническую и административную лексику русского языка; заимствования из английского (и голландского) дополнили морскую лексику, а также спортивную терминологию; итальянские слова проникли в сферу искусства и т. д.

Заимствования из этих и других языков в той или иной степени дополнили русский язык и обозначениями предметов быта (ср. лат. *комната, цемент*; польск. *кофта, сбруя*; немец. *шляпа, кран*; голл. *брюки, зонтик*; франц. *котлета, багаж*; англ. *джерсер, кекс* и т. д.). Однако в основном западноевропейизмы характерны для общественно-социальной, военно-дипломатической, научной и культурной сфер русской жизни. Тюркизмы, в отличие от этих заимствований, представлены преимущественно названиями, относящимися к быту¹.

В то же время западноевропейским заимствованиям в целом присуща сравнительно узкая сфера функционирования. Для них в XVIII—начале XIX века, как и в петровский период, характерна «размытость» границ значения, «неопределенность набора простейших смыслов». Для тюркизмов эта «типичная семантическая черта заимствований периода вхождения» [1, с. 243] была не столь ощутимой. В отличие от западно-

¹ Можно назвать также слова коневодческой лексики, товаро-денежных отношений, номенклатуры растений и животных.

европейских заимствований, употреблявшихся в «обобщенном и нерасчлененном значении, из которого лишь в дальнейшем выкристаллизуются другие, более частные, конкретные, узкие значения и оттенки» [1, с. 255], тюркизмы входили в русскую языковую сферу в подавляющем большинстве в качестве однозначных слов, обозначавших конкретные, широко распространенные бытовые реалии.

Западноевропейские заимствования проникали в русский язык «почти исключительно путем письменным—главным образом через такие сферы, как газета и научные стили речи» [5, с. 56]. Основным приток тюркизмов (главным образом по XVII в.) происходил устным путем, характерным для заимствований «приблизительно до конца XVIII в.» [5, с. 56].

Иноязычные слова, вошедшие письменным путем, так или иначе подчинялись графическим нормам воспринимающего языка, которые, хотя и имели некоторые колебания, все же были более типизированы и унифицированы по сравнению с устным воспроизведением. Поэтому западноевропейские заимствования относительно быстро стабилизировались «под влиянием нормализующего воздействия речи письменной» [1, с. 182].

Устный путь проникновения, отражая произносительные нормы, по-разному проявившиеся на различных территориях, неизбежно привел к многообразию вариантов заимствований. Поэтому многим тюркизмам присущи варианты формы. Причем для тюркизмов, вошедших в литературную речь (или бывших когда-то в литературном употреблении), вариантность характерна прежде всего в период вхождения и на первом этапе функционирования (ср. *чемодан, чамадан, чумадан; тасма, тьясма, тесма, тесьма; хилат, холат, халат; саадак, сагайдак, сайдак; армяк, ормяк, ярмяк, ирмяк; каптан, каптана; ковтан, кофтан, кафтан* и т. п.). Во многих случаях разницей в произношении форм объясняется тем, что заимствования были результатом разноязыковых контактов. Для диалектных тюркизмов пестрота форм отмечается и в настоящее время (ср. *елань, алань, ялань; кумган, кулган, комган, курган, кунган; кумач, кумак; бахча, бакча, бакша, бохча, бокча* и т. п.), что убедительно иллюстрирует ненормированность устной речи в практике функционирования.

В разнообразных лексико-семантических изменениях, происходящих в русском литературном языке, начиная с первой трети XVIII века и в последующем, особенно показательным был процесс развития переносных значений, характерный как для исконно русских, так и для заимствованных слов. Тюркизмам, как и западноевропейским заимствованиям, свойственны изменения в семантике, способствующие выходу слова за пределы первоначальной сферы функционирования. Однако между теми и другими заимствованиями отмечаются различия в направленности этих изменений: среди западноевропейских заимствований наблюдается активное передвижение из сфер специальных в общий язык, среди тюркизмов — напротив, происходит перемещение в сферу специальной терминологии. Западные европеизмы, будучи в большинстве обозначениями отвлеченных, зачастую научных понятий, приобретали способность использоваться «как конкретные, бытовые представления об этих понятиях» [2, с. 104], ср. *квадрат, куб, цилиндр* и др. Так, слово «брюки» вошло в русскую обиходную речь из морского языка, слово «галстук» первоначально было известно в военной среде и т. д. Тюркизмы же, поддаваясь общей языковой тенденции семантического преобразования, будучи по своей исходной семантической позиции бытовыми словами, приобретали переносные значения и проникали в пре-

дела различных терминологических систем, в сферу отвлеченных понятий и представлений. Например, *серьги* 'украшение' → 'отростки у петуха и курицы под шеей', 'цветы'; *колпак* 'вид головного убора' → 'абажур', 'сачок для ловли рыб', *кайма* 'деталь одежды', 'узкая полоса чего-либо'; *штаны* 'вид одежды' → 'соединение дымоходов', 'форма обшивки корабля' и т. д.

Проникновение тюркизмов в русский язык происходило в условиях, отличных от условий вхождения западноевропейских заимствований. Для процесса заимствования из западноевропейских языков характерна дублетность наименований, лексическая избыточность. Иным было положение с тюркизмами, которые, являясь названиями новых, входящих в повседневный быт реалий (*сундук, амбар, стакан, чулки, тулуп, карман* и др.), заполнили свободные ячейки номинационной шкалы. Поэтому тюркизмы во «внутрипластовом» плане явились и долгое время были единственным средством номинации и результатом лексико-семантической недостаточности. В дальнейшем, вживаясь в русский язык, обрстая переносными значениями, тюркизмы в «межпластовом» плане начали утрачивать свою монопольность как лексемы и пополняли ряды лексико-семантической избыточности. Явление лексической избыточности, таким образом, коснулось тюркизмов лишь позднее, с притоком западноевропейцев, которые в ряде случаев оказались более жизнеспособными (см. синонимические ряды: *башмак—ботинок; штаны—панталоны—брюки*). Поэтому не случайно даже пуристические настроения, возникшие со второй половины XVIII века, были направлены против западноевропейцев; «заимствования старого времени из древних языков пересмотру, как правило, не подвергались: они считались пришедшими в язык по необходимости и обогатившими его» [2, с. 171]. К числу последних относились и тюркизмы. Небезынтересным в этом отношении является подача старых тюркизмов в лексикографических источниках. Так, в Рукописном лексиконе первой половины XVIII века многие из них представлены в качестве вокабул, не требующих каких-либо комментариев: ср. *аршин, барыш, бахрама, башмаки, вьюк, денги, кирпичь, товар, толмач* и т. п. [6, с. 33, 34, 35, 71, 86, 139, 397, 398]. Более того, некоторыми тюркизмами как вполне освоенными русским языком комментировались и толковались значения соответствующих слов: клеть — *амбар* кладовой, кляча — *лошадь*, майтя — *епанча*, терем — *чердак* и т. п. [6, с. 141, 142, 172, 396]. Степень освоенности ряда тюркизмов была столь основательной, что замена их западноевропейскими словами воспринималась как неоправданный акт. Так, в свое время В. Н. Татищев считал, что не иначе, как «на дурацкую руку» заменили «епанчу плащом» [7, с. 89].

К концу XVIII века в лексико-семантической системе русского языка отчетливо проявляется процесс архаизации, утраты ряда значений и самих лексем, вызванный тенденцией к преодолению избыточности словарного состава. Тюркизмы полностью отражали этот процесс, распространившийся прежде всего на старые заимствования. Причем для тюркских заимствований характерна была не только архаизация значений, но и последующая утрата самих лексем (ср. *толмач, епанча, клобук, миндер* 'подушка', *тамга* 'клеймо', *тафья* 'шапочка', *терлик* 'вид кафтана', *ям* 'почтовая станция' и т. п.). Основная причина была внеязыковая: ослабление активности и выход из употребления ряда тюркизмов был предопределен устареванием самой реалии; менее характерным был процесс замены тюркизмов словами другого генетического пласта (типа *башмаки—ботинки, штаны—брюки*).

В целом для западноевропейских заимствований характерна сти-

листическая стабильность, для тюркизмов (в особенности названий одежды) — лексико-семантическое смещение. Большинство тюркизмов как номинации новых реалий первоначально функционировали в качестве нейтральных слов. В дальнейшем часть из них, обозначавшая устаревшие или устаревшие предметы, стала приобретать стилистическую окраску. Процесс устаревания реалии вызвал развитие у тюркизмов отрицательно-оценочного значения (ср. *кабак* 'о шуме, беспорядке', *азям* 'рваная одежда', *балахон* 'не по размеру широкая одежда' и т. п.). Развитие переносных значений, повлекшее переход тюркизмов в разряд других тематических групп, породило также варианты русских параллелей эмоционально-уничижительного характера (ср. *бирюк* 'нелюдимый человек', *ишак* 'упрямый', *колпак* 'простак', *епанча* 'неряха', *азям* 'оборванец' и т. п.).

Среди тюркизмов (и, в частности, тематической группы названий одежды) выделяются лексемы неодинаковой степени освоения обозначаемого ими понятия. Некоторые тюркизмы не ощущаются как чужеродные, являя собой лексическое наследие русского языка, иноязычное происхождение которых выявляется только на уровне этимологизации. В этой группе тюркизмов выделяются две разновидности. В первую входят обозначения широко употребительных реалий, лексемы, активные в словообразовательном отношении, являющиеся производящей основой широкого словообразовательного гнезда; они стилистически нейтральны и фразеологически продуктивны, выступая компонентом устойчивых оборотов русского языка. Среди них имеются слова, до настоящего времени сохраняющие статус основного, а порой единственного средства номинации данной реалии. К этой разновидности тюркизмов можно причислить: *лошадь, товар, деньги, стакан, балалайка, кандалы, кирпич, утюг, чугун, колпак, сарафан* и др. Сюда примыкают также тюркизмы, с точки зрения современного восприятия относящиеся к историзмам, сфера их активного употребления замкнута временными рамками использования обозначаемой ими реалии (например: *кутаз* 'украшение в виде шнура', *киса* 'кошелек', *ишшак* 'металлический шлем', *чебыги* 'вид обуви' и т. п.).

Вторая разновидность первой группы тюркизмов представлена лексемами, которые не воспринимаются как заимствования, но они не столь широко употребительны и носят преимущественно диалектный или разговорно-просторечный характер (например: *рундук* 'ларь', *елань* 'поляна', *кизьяк* 'навоз в форме кирпича', *саман* 'измельченная солома', *бахилы* 'вид обуви', *башка* и др.).

Хотя впоследствии судьба тюркизмов первой группы сложилась по-разному, в определенный период их употребление было узואльным. Они-то и составляют разряд собственно заимствованных слов, в отличие от части тюркизмов, обозначавших реалии, не вошедшие в быт.

Неосвоенность реалии привела к неосвоенности самих слов, употребление которых стало окказиональным, ситуативным. Эти тюркизмы относятся к числу экзотизмов в русском языке и составляют вторую группу тюркских заимствований. Строго говоря, большинство заимствованных слов — исторически экзотизмы, ибо времени вхождения их в лексическую систему языка предшествует период, когда обозначаемая реалия еще осознается чужой. Это в особенности относится к названиям конкретных предметов, и в частности одежды. Сказанное касается как поздних, так и ранних заимствований, что не только логически увязывается, но и фактически доказывается маркированной на первых порах подачей тюркизмов; они сопровождаются в тексте и словарях отсылкой к более понятной, общеупотребительной лексеме. Например, «...под Азо-

вом две *коланчи* взяли, сиречь башни...» [8, с. 52—53]; «*кадык*—горло, *казак* — имя татарск. р. беглец, *камышь*—татарск. тростник, *орда* — татарск. народ, войско, *табор*—р. обоз» [6, с. 135, 136, 145, 394].

Первоначально новая вещь воспринимается как чужая, и поэтому ее обозначение экзотично. Впоследствии, начиная использовать эту реалию, привыкая к ней, носитель языка вводит в речевой обиход и ее название, так или иначе приспособлявая его к нормам языка. Постепенно происходит перемещение экзотизма через ступень первоначально окказионального употребления в разряд заимствованных слов. Обрастая грамматическими и семантическими дериватами, такие слова в дальнейшем перестают осознаваться как заимствования, прочно входят в синонимический ряд лексем, а порой становятся единственным языковым средством номинации (например: *халат*, *фата*, *кайма* и т. п.).

Среди экзотизмов имеются слова различного свойства. По характеру употребительности одни из них являются экзотизмами-историзмами (*шишак* 'вид шлема', *бутурлык* 'доспехи на ноги всадника'), другие—экзотизмами-архаизмами (*калауз* 'карман', *чарыки* 'обувь из сыромятной кожи'), третьи — экзотизмами-диалектизмами (*джиак* 'узорчатая обшивка ворота, рукавов', *белдемчи* 'женская юбка с разрезом от пояса'). Среди диалектных тюркизмов выделяется разновидность, характеризующаяся активным употреблением в определенном языковом регионе (ср. *очпочмак* и *чэк-чэк* 'вид кушанья', *ичиги* 'вид обуви' и т. п.). Примером перехода межрегионального экзотизма в общеречевую единицу или во всяком случае в элемент широкого использования могут служить тюркизмы: *белешчи*, *тюбетейка* и т. п.

Особый класс тюркизмов, занимающих своего рода промежуточное положение между первой и второй группами, составляют лексемы, имеющие широкое распространение и довольно активно употребляемые, но сохраняющие иноязычность, воспринимаемые как чужеродные для русского языка ввиду несвойственности русскому быту самой реалии (*гарем*, *чапан*, *папаха* и т. п.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Е. Э. Биржакова, Л. А. Войнова, Л. Л. Кутина. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л., 1972.
2. «История лексики русского литературного языка конца XVII—начала XIX века», М., 1981.
3. «Лексика русского литературного языка XIX—начала XX века», М., 1981.
4. А. В. Калинин. Лексика русского языка, М., 1966.
5. Л. П. Крысин. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968.
6. «Рукописный лексикон первой половины XVIII в.», Л., 1964.
7. Письмо В. Н. Татищева В. К. Тредиаковскому. — В кн.: С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов. Хрестоматия по истории русского языка. Ч. II, вып. 2. М., 1948.
8. «Записки И. А. Желябужского с 1662 по 2 июля 1709 г.», СПб, 1840.

А. Б. КУБАТОВ

О ЛЕКСИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТАХ ШАХДАГСКО-ЛЕЗГИНСКОЙ ОБЩНОСТИ В КУБИНСКИХ ГОВОРАХ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА

История многовековой культуры человечества свидетельствует о том, что ни один язык не развивался изолированно, а неизбежно вступал в контакты с другими языками, в результате которых происходило взаимообогащение этих языков.

Относительно лексических элементов лезгинского и шахдагских¹ языков в кубинских говорах азербайджанского языка в лингвистической литературе почти никаких сведений не приводится². Нам удалось собрать материал в основном среди носителей азербайджанского языка селений Алпан, Сусай, Герай, Узунмеше, Каладюз, Кюркун, Кюпчал, Качреш, Испик, Мохудж, Юхари Легер и других Кубинского района Азербайджанской ССР. Как показывают факты, многие слова, зафиксированные нами в этих говорах, по происхождению восходят к лезгинскому и шахдагским языкам, причем часть из них не нашла отражения в диалектологическом словаре азербайджанского языка³.

Носители дагестанских языков еще с древнейших времен имели тесные контакты с тюркоязычным населением Азербайджана. Об этом свидетельствуют как лингвистические, так и исторические данные. То же можно сказать и о носителях лезгинских говоров кубинского диалекта и шахдагских языков. В этих языках и говорах в настоящее время имеется определенное количество тюркских слов, не встречающихся в современном азербайджанском языке и в его диалектах и говорах. Например: *šutI* 'кноп', *kapI* 'косточка от фруктов' и т. п. Наряду со словами типа *sirt* 'утес, скала' встречаются слова, сохранившие более старую форму: ср., например: *jeb* 'веревка' (ср. азерб. *ip*), *gazap* 'котел' (ср. азерб. *gazan*) и т. д.

В результате исторически сложившихся многовековых культурных,

¹ В лингвистической литературе термин «шахдагские языки» (будугский, хиналугский, крызский) относится к языкам, распространенным в северо-восточной части Азербайджана.

² На наличие слов иберийско-кавказского происхождения в некоторых диалектах и говорах азербайджанского языка в лингвистической литературе указывалось неоднократно, см., например: *М. Ш. Ширалиев*. Азербайжан диалектолоджиасынын эсаслары. Баку, 1967, стр. 350—352; *В. Л. Гукасян*. Взаимоотношения азербайджанского и удинского языков. Автореф. докт. дисс., Баку, 1973; *Н. С. Джидалаев*. К характеристике тюркско-дагестанских языковых контактов. Автореф. докт. дисс. Баку, 1972; *А. М. Асланов*. Взаимоотношения азербайджанского и цахурского языков. Автореф. канд. дисс., Баку, 1965; *А. Б. Кубатов*. Лексические взаимоотношения азербайджанского и лезгинского языков. Автореф. канд. дисс., Баку, 1973.

³ «Азербайжан дилинин диалектолоджи лугъети». Баку, 1964.

хозяйственных и бытовых связей, а также территориальной общности в кубинский диалект азербайджанского языка проник ряд лезгинских, будугских, крызских, хиналугских слов, составлявших специфический раздел его лексики: названия предметов домашнего обихода, хозяйственной деятельности.

Влияние шахдагских языков (а также лезгинского) на некоторые говоры кубинского диалекта азербайджанского языка, как правило, ограничивается областью лексики и фонетики. В лексике такие слова образуют особый пласт. Влияние иберийско-кавказских языков на фонетическую систему кубинских говоров азербайджанского языка можно проследить на речи жителей селений Качреш, Кюпчал, Герай, Сусай, Куркун, Узунмеше, Хурай, которая заметно отличается от речи носителей всех остальных говоров того же диалекта азербайджанского языка. Влиянием иберийско-кавказских языков объясняются нижеследующие фонетические особенности: 1) нарушение (или отсутствие) звуковой гармонии в качрешском, куркунском, сусайском, мохуджском, хурайском, кюпчалском говорах; 2) употребление в этих говорах смычно-гортанных звуков *tI*, *pI*, *kI*, *çI*, *çI*, нехарактерных для тюркских языков. Подобные звуки поначалу произносились только в заимствованных словах, однако в дальнейшем они появились и в ряде собственно азербайджанских слов.

Заемствование определенного количества слов из лезгинского и шахдагских языков со звуками, отсутствующими в фонетической системе тюркских языков, в том числе и азербайджанского, привело к тому, что в речи жителей азербайджанских селений Качреш, Испик, Кюпчал, Куркун, Хурай, Сусай, Герай, Узунмеше, Мохудж и других появились смычно-гортанные звуки *tI*, *pI*, *kI*. Эти звуки встречаются и в азербайджанских словах (*kI*): *ajukI adam* 'сообразительный человек', *nakIara* 'барабан', *kIamçi knut*; (*pI*): *sapIun* 'мыло', *platIrun* 'патрон', *plIşik* 'кошка'; (*tI*): *armutI* 'груша', *säntIäl* 'сандал', *plIntI* 'неопрятный'.

Из лезгинского и шахдагских языков в кубинские говоры азербайджанского языка были заимствованы большей частью слова, относящиеся к различным сторонам жизни и быта людей, а также к явлениям природы, в том числе названия частей тела и болезней человека, продуктов питания, домашней утвари, домашних и диких животных, птиц, растений, обычаев и обрядов и т. д.

Лексические элементы лезгинского и шахдагских языков⁴ в кубинских говорах азербайджанского языка распределены ниже по соответствующим семантическим группам. Приведем некоторые из них.

Названия птиц: *kerekil* 'сорока' (ср. шахдагск. *kägäkäl*, лезг. *kerekul*, азерб. *sagsayan*), *tIabas* 'витютень' (ср. лезг. *tIapIas*, азерб. *alabaxta*), *tIib* 'сова' (ср. крыз. *tIub*, лезг. *tIib*, азерб. *bajguš*), *turtur* 'перепел' (ср. лезг. *turtur*, азерб. *bildirçin*), *galgala* 'дятел' (ср. шахдагск. *kIvargalag*, лезг. *kIvarkIvalag*, азерб. *açaždälän*).

Названия животных: *gurzul* 'щенок' (ср. крыз. *kurçIul*, лезг. *gurçIul*, азерб. *küçük*), *kaç* 'сука' (ср. лезг. *kaçI*, буд., хин. *kāç*// *kaç*, азерб. *ganžug*), *gib* 'лягушка' (ср. крыз. *gub*, лезг. *gib*, азерб. *gurbaya*), *gügür* 'еж' (ср. лезг. *güyür*, крыз. *kIüyer*, азерб. *kirpi*).

Названия насекомых и других живых существ: *šündüg* 'улитка' (ср. лезг. *šükIünt*, азерб. *ilbiz*), *žiž* 'стрекоза' (ср. буд. *žiž*, лезг. *çIicl*, азерб. *çäjirtkä*), *buřbuřa* 'кровосос' (ср. лезг. *buřu-*

⁴ Установление того, к каким языкам—шахдагским или лезгинскому—восходит то или иное заимствование, бывает весьма затруднительно, поскольку эти языки родственны между собой.

buу, азерб. mozalan), хенсі 'клещ' (ср. хин., крыз. хинсі, лезг. хенсі, азерб. gānā), ved 'комар' (ср. лезг. vetI, азерб. туутууа), рере 'жук' (ср. крыз. рере//рере, азерб. böžäk), mirkiž 'оса, дикая пчела' (ср. лезг. mukI-tunc, азерб. žug aru).

Названия продуктов питания и различных видов пищи: gagal 'сыр (круглый, кусками)' (ср. лезг. kkal, крыз. klakIal, азерб. jumgu pendir), gažug 'сало (застывшее)' (ср. хин., буд., крыз. qāžig, лезг. xIucug, азерб. donmuş pij jaуу), хара 'суп (густой)' (ср. лезг. харIa, азерб. syjug), čitqar 'лепешка' (ср. крыз., хин. čitqar, лезг. čitqar, азерб. lavaš) и др.

Названия болезней и экскрементов животных: tur 'сыпь на лице' (ср. крыз. tIug, лезг. tIug, азерб. üzdä särki), yuc 'опухоль' (ср. лезг. yucI, азерб. šiš), yäg 'слюна' (ср. буд., хин. yeg, крыз. yegү, азерб. aуuz suju), sar 'помет крупного рогатого скота' (ср. лезг. sarI, азерб. iribujnuzlu hejvanlaryn rejni), zah//сах 'моча животного' (ср. лезг., крыз., хин. сах, азерб. mal sidiji).

Названия дикорастущих и культурных растений: geggil 'ковыль' (ср. лезг. gekekül, шахдагск. geklekIil, азерб. jovšan), cik 'бузина' (ср. лезг. cikI, крыз. cfikI, азерб. baldyrgan), cyam 'ежевика' (ср. шахдагск. čiyam, лезг. cyam, азерб. böjürtkän), žuku 'шиповник' (ср. лезг. žiki, азерб. itburnu), suхIub//suxIub 'калина' (ср. шахдагск., лезг. сuxIumpI, азерб. başунауажу), g'ilamb 'репа' (ср. лезг., шахдагск. gilampI, азерб. turp) и др.

Названия частей тела (человека и животных): gančal 'мизинец' (ср. лезг. kIaпčIal, шахдагск. qačan tIil, азерб. čäčälä bar-mag), yud 'кулак' (ср. лезг. yud, шахдагск. xid, азерб. jumrug), garab 'кость' (ср. лезг. kIarab, шахдагск. kläräpI, азерб. sümük), dugun 'почка' (ср. лезг., шахдагск. durklun, азерб. böjräk), düdügül 'зоб' (ср. лезг., шахдагск. tlütIüklul, азерб. činādan) и др.

Названия элементов построек: qarI 'потолок' (ср. лезг., шахдагск. kIav, азерб. tavan), gaz 'ступенька лестницы' (ср. лезг., kIa-sar, азерб. pilläkанып ајауу), haqa 'ниша в очаге' (ср. лезг., шахдагск. haqa, азерб. ožagda üstüne gazan gojulap сyxуnty).

Слова, связанные с различными отраслями хозяйства: gat//gad 'закрома из прутьев' (ср. лезг., шахдагск. kIatI, азерб. čubug kändi), gam 'санные полозья' (ср. лезг., буд. qam, азерб. kiršä tajy), xiväl 'подушки на ярме' (ср. хин., крыз., лезг. xevelag, азерб. bojundurug jasduуу), gärt 'овечья шкура для сидения' (ср. лезг., хин. qärkI, азерб. üstündä oturmağ ücün gojun dārisi).

Названия времен года: хиб 'самое холодное время зимы' (ср. лезг., крыз. хиб, азерб. guşyn ān sojug dövrü), tiš 'период зимы, примерно с 6 по 25 февраля' (ср. лезг., буд. tiš, азерб. fevralyn 6-dan 25-nä qädärki müddät), turugun 'период весны, примерно с 4 по 19 апреля' (ср. лезг., хин. tIuruklun, азерб. argelin tāxminān 4-dān 19-nä qädärki dövrü).

Слова, обозначающие различные признаки и качества: gānzil 'голый' (ср. лезг. kIecil, азерб. сyIrag), pügčöh 'мятый' (ср. крыз., лезг. pügčükI, азерб. äzik), хipär 'худой' (ср. крыз., лезг. хIipес, азерб. aruq), üžü 'пересоленный' (ср. лезг., буд. üclü, азерб. čox duzlu), misgi 'скупой' (ср. шахдагск., лезг. misgi, азерб. хāsis) и др.

Многие лезгинские и шахдагские слова в кубинских говорах азербайджанского языка обозначают конкретные предметы. Любопытно отметить, что значение этих слов в азербайджанском литературном языке передается иногда описательно: žağž 'сухая тонкая ветка' (ср.

шахдагск., лезг. *carci*, азерб. *nazik guru budag*), *xiväl* 'подушка на ярме' (ср. лезг., хин. *xevelag*, азерб. *bojundurug jasduyu*) и др.

В говорах и диалектах азербайджанского языка отсутствуют в основном собственно крызские лексические элементы. Однако любопытен, на наш взгляд, следующий пример: слово *vaḡankägä* 'челнок', употребляется в говорах Кедабекского района Азербайджанской ССР в форме *väḡānkalān*⁵. Установлено, что данное слово образовалось от крызских *vaḡān* 'вверх' и *kägān* 'вниз'. В ковроткацком станке, как известно, челнок перемещается вверх и вниз.

В топонимии Кубинского района Азербайджанской ССР имеется значительное количество географических названий, которые легко этимологизируются на основе фактов иберийско-кавказских и иранских языков. Это объясняется не только простым заимствованием из последних языков, но и длительными и интенсивными контактами носителей этих языков.

По своему происхождению эти топонимы делятся на три следующие группы:

1. Привнесенные топонимы. К ним относятся лезгинские топонимы: *Зизик*, *Муругоба*, *Харахоба*, *Гедейзейхур*, *Зейхуроба*, *Енизейхур* и др. Эти села были основаны выходцами из дагестанских сел *Зизик*, *Муруг*, *Харах*, *Зейхур*. Села *Лазали* и *Кюснет* (в *Куткашенском* районе Азерб. ССР) были основаны выходцами из сел *Лаза* и *Кюснет* в *Кубинском* районе⁶.

2. Топонимы, образованные от антропонимов с добавлением терминов, означающих поселения: *оба*, *бина*, *кенд*, *хур*⁷ и т. д.

3. Топонимы, образовавшиеся на почве лезгинского языка (*Gelenxig*, *Kixig*, *Zejxig*, *Azixig*, *Ukiḡ*, *Xiḡaḡ*, *Xiḡal* и др.). Многие из них дошли до нас уже в искаженном и фонетически измененном виде⁸.

Лезгинское влияние нашло отражение также в топонимии Кубинского района. По мнению специалистов, первый компонент гидронима *Gudjaḡ* восходит к лезгинскому *qvəd* 'два' и азербайджанскому *jaḡ* 'склон'. Лезгинские слова участвуют в образовании микротопонимов. Чаще всего это названия пастбищ, родников, ущелий, холмов и т. д., окружающих села *Качреш*, *Кюпчал*, *Алпан*, *Испик*: *Suvaḡ* (название скалы в селе *Алпан*) 'свойственный горе' (ср. лезг. *suḡ* 'гора', -*ap*—суффикс родительного падежа); *Uḡalviḡ* (пруд в селе *Качреш*) 'пруд пнявок' (ср. лезг. *ḡval* 'пнявка'; *viḡ* 'пруд, озеро').

На языке крызцев, будугцев и хапутлинцев слово *kiḡ* означает

⁵ «Азербайжан дилинин диалектологи дугәти», стр. 100.

⁶ В свою очередь село *Лаза* в *Кубинском* районе образовано выходцами из села *Лаза* в *Дагестане*.

⁷ Например: *Azixig* от *Naži* и лезг. *xig* 'село'. Интересно происхождение лезгинского *xig* 'село, аул', встречающегося в близких значениях в ряде языков (ср. лезг. *xig* 'село, пашня, посевная площадь'; аварск. *xig* 'пашня, поле'; перс. *xig* 'вилла, дворец'; татск. *xog* 'подошва возвышенности, место, равнина'; тюркск. *gug* 'равнина'; азерб. *xug* 'рисовая плантация'; древнегреческ. *xog* 'участок, угодье, поместье, поле, поселение').

⁸ *Gulixoba* (от лезгинского *gul* 'задняя сторона', *ix* 'предел местности' и азербайджанского *oba* 'селение'); *Ukiḡ* (полная форма *Ukiḡvas*—от лезгинского *ukiḡ* 'кривая' и *vas* 'река'); *Piḡal* (от лезгинского *piḡ* 'святилище' и *al* 'окончание местного падежа'); *Kalanxig* (от лезгинского *kal* 'ущелье', *ap* 'окончание' и *xig* 'село'); *Xiḡal* (от лезг. *xig* 'село' и *al* 'окончание местного падежа'); *Zejxig* (от лезг. *saḡ* 'новый' и *xig* 'село'); *Suvaḡal* (от лезг. *suḡa* 'гора' и *äl* 'ущелье') и т. д.

«вода», на что уже обратил внимание ряд исследователей в связи с этимологизацией гидронима «Кура»⁹.

В области ономастики встречается ряд азербайджанских мужских и женских имен, заимствованных у лезгин, сахуров, аварцев: Guzi — мужское имя в с. Алпан (лезг. qüzü 'пожилой, взрослый'); Dukkaj — женское имя в с. Мохудж (цах. dukkviĵ 'кукушка'); Turtur — женское имя в с. Качреш (лезг. turtur 'перепел, перепелка'), Misida — женское имя в с. Куркун (аварск. misid 'золото') и т. д.

---

⁹ А. Ахундов. Этимология слова Кура (Кур). — «Ученые записки Азгосуниверситета им. С. М. Кирова», № 10, Баку, 1956; Кемал Алиев. О названии реки Кура. — «Доклады АН Азерб. ССР», Баку, 1959, № 4.

И. Г. ДОБРОДОМОВ

ОБ ОДНОМ ТЮРКИЗМЕ В ДИГОРСКОМ

Дигорское слово *burdæp* 'метель' В. И. Абаев сопоставлял с абхазским *a-færtæn* 'буря, метель' и высказал осторожное предположение: «слово, по-видимому, тюркского происхождения» [1, с. 312]. Это предположение впоследствии не получило развития, и позже В. И. Абаев писал: «Отбросив суффиксальное -æp, получаем *burd-*, что производит впечатление прош. причастия от глагола **bug-* наличного в *læ-būg-up/ læ-bog-up* 'рваться', 'бросаться на кого-либо'. Основа *bug-* сближается с русск. *буря*, др.-инд. *bhug-* 'двигаться', 'биться', 'трепетать', лат. *fugo* 'неистовствую' и др. Появление суффикса -æp объясняется, может быть, контаминацией с тюрк. *bugan, bugaγan* 'метель'» [2, с. 273].

Недостатком новой этимологии (при незавершенности первой!) является объяснение огласовки дигорского слова *burdæp* с помощью иронского глагола *læ-būg-up*, а не дигорского же *læ-bog-up*, не говоря уже о натяжках в области словообразования и в семантических сопоставлениях этимологизируемого имени и привлеченного к этому глагола.

Важно учесть, что параллели к дигорск. *burdæp* имеются и в других языках Северного Кавказа, среди которых заслуживает внимания адыгейск. *фыртын* 'буря, метель' (контекстная форма *фыртынэ*), этимологизируемое следующим образом: «Как и абх. *а-фартын, а-фыртын* 'буря', 'ураган' усвоено из тюркских языков, ср. тур. *firtina* 'буря', 'шторм'. В турецком слово считается заимствованием из ит. *fortuna*—то же. Сюда же русск. *фуртуна*, укр. *хвортуна* 'буря', болг. *фортуна* 'буря', 'ураган' и др.» [4, с. 201].

Этот морской термин средиземно-черноморского бассейна уже привлекал внимание исследователей: возникший в среде итальянских моряков как эвфемистическое название морской бури (на базе латинск. *fortuna* 'судьба, счастье') он получил широкое распространение во многих языках и за пределами Южной Европы [3]. Известно это слово также и в тюркских языках: тур. *firtina, firtuna*, азерб. *фыртына* 'буря', узб. книжн. *пйртана* 'шторм, бурия' (огласовка отражает взаимодействие с исконным *бурон* 'буран, бурия, вьюга'), ног. *буртана* 'бурия, шторм; тайфун, вихрь'.

В основу дигорского названия *burdæp*, скорее всего, легла именно ногайская форма.

ЛИТЕРАТУРА

1. В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. Т. I. М.—Л., 1949.
  2. В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.—Л., 1958.
  3. Б. Л. Богородский. Об одном морском термине «Хождения за три моря» Афанасия Никитина (*фурсговина—буря*). — «Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена». Т. 130. Л., 1957.
  4. А. К. Шагиров. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. П.—И. М., 1977.
-

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

И. Л. КЫЗЛАСОВ

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ
ДРЕВНЕХАКАССКОЙ ОБЩИНЫ

(НОВЫЙ РУНИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК НА СРЕДНЕМ ЕНИСЕЕ)

В 1976 году в долине р. Уйбат (Хакасия) Л. Р. Кызласов обнаружил неизвестный науке рунический памятник. Текст был нанесен на врытую возле юго-восточного менгира боковую плиту восточной стороны ограды кургана Узун оба. Этот позднеатагарский курган IV—III веков до н. э. привлек внимание ученых в 1887 году. В конце XIX века пять археологических экспедиций изучали выбитые на камнях рисунки и обнаруженную Булановым надпись (Узун оба I)¹, получившую в тюркологии название «Четвертого памятника с Уйбата» (Е 33). В 1895 году А. В. Адрианов произвел раскопки кургана². Однако ни один из специалистов не заметил тогда другую древнехакасскую надпись Узун оба II, которая является седьмым руническим памятником с р. Уйбат³.

Кабинетное изучение этой дотоле не известной науке надписи выявило еще одну интересную страницу в истории ее исследования. Ее текст удалось отождествить со сделанной на глаз зарисовкой 1784 года, выполненной царскими чиновниками, собиравшими среди местных жителей сведения о древних надписях по распоряжению иркутского и колыванского губернатора Якоби, который, в свою очередь, выполнял правительственный приказ. Поэтому в 1785 году интересующая нас копия вместе с тремя другими⁴ была направлена в Санкт-Петербург, где с ними ознакомился П. С. Паллас. Ученый издал их в 1793 году⁵. В 1818 году Г. И. Спасский вновь воспроизвел среди других текстов эту надпись в приблизительной перерисовке пером с таблицы П. С. Палласа⁶. Вполне понятно, что после определения языковой принадлежности рунических памятников Енисея в конце XIX века и начала их филологического изучения неточные и, в силу этого непонятные копии XVIII века не использовались исследователями. В ряде случаев они были с трудом отождествлены с известными по оригиналам письменными памятниками. Такой оказалась и судьба копии надписи Узун оба II, выполненной в 1784 году. Впервые обнаруженный учеными в 1976 году, неизвестный науке текст помог установить источник и происхождение старинной прорисовки. Настоящая статья и посвящена публикации и анализу этой надписи.

Ширина курганной плиты с текстом Узун оба II—2,36 м, толщина—0,18 м. Она возвышается над поверхностью почвы на 0,67 м. Грань с надписью обращена на восток (рис. 1), поэтому надпись хорошо видна голько в начале дня (особенно в 10—11 часов). Текст, занимающий площадь 0,42×0,36 м, начинается от поверхности земли и состоит из четырех строк, написанных снизу вверх и читаемых справа налево.

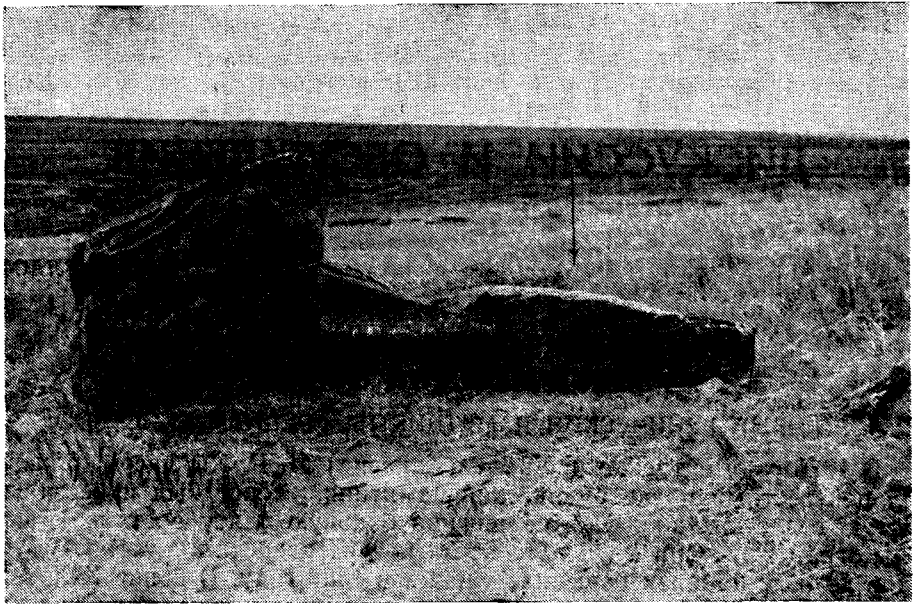

Рис. 1 — Угловой юго-восточный камень ограды кургана и плита с надписью Узун оба II (место расположения текста отмечено стрелкой).

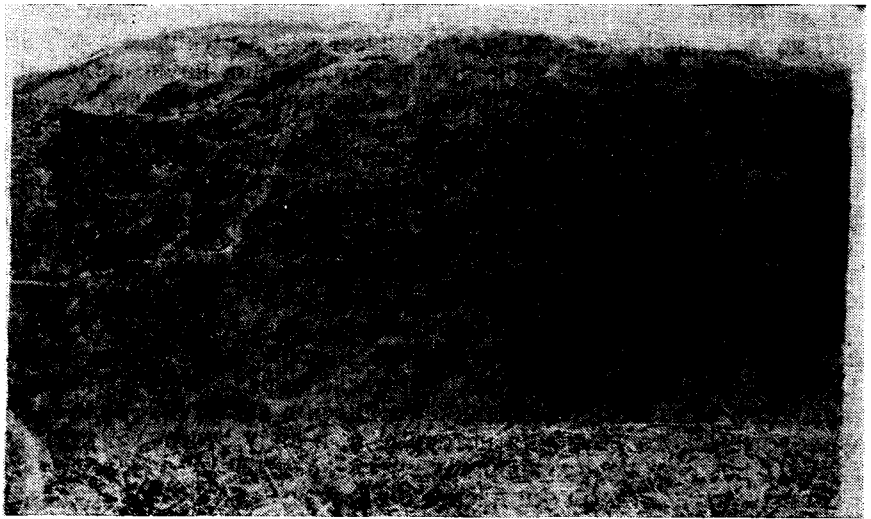

Рис. 2 — Общий вид надписи Узун оба II.

Выбитые точечным способом буквы (высотой 6—8 см) сохранились хорошо, однако руны наносились на неровную поверхность, на которой ранее уже были какие-то рисунки или знаки (рис. 2, 3).

Транслитерация

- (1) t¹t¹r¹:y¹l²i:
- (2) igčn²: b²er²ü(ö)r²
- (3) kimiz
- (4) kü(ö) l²ü(ö)r²

Транскрипция

- (1) t^a t^a ryy^e li
- (2) iq^a uč n berür
- (3) ^e kimiz
- (4) külür

Перевод

- (1) Община Татара (или: Община, предводительствуемая Татаром).
 (2) Приносит дары (духу-) хозяину
 (3) Наши посевы
 (4) (Им) оберегаются

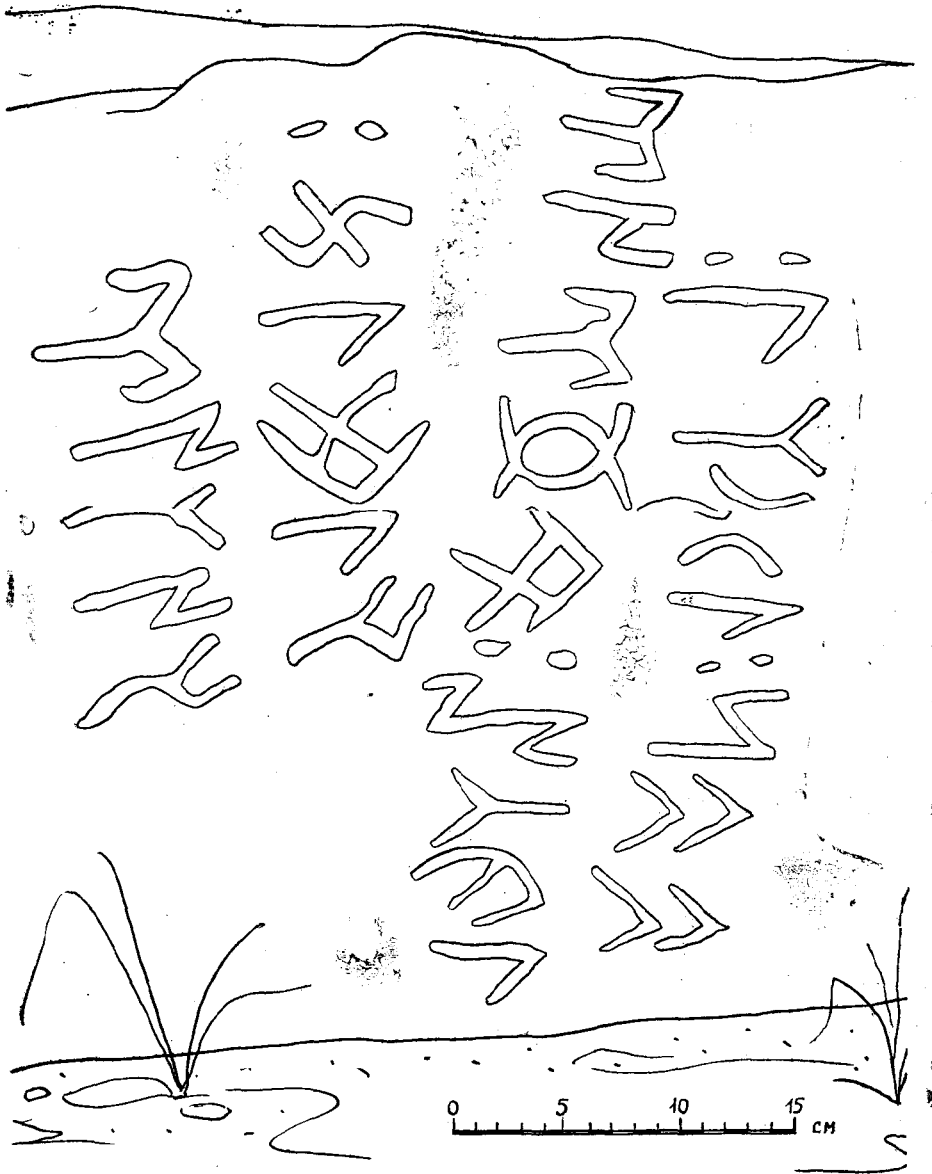

Рис. 3 — Прорисовка текста Узун оба II.

Разбор

1.1. Первое слово нами читается: tatar (оформленное аффиксом родительного падежа -уу). Сомнительно, что здесь оно приведено в значении этнонима⁷. В памятниках рунического письма написание

этого слова, правда, аналогично написанию в узунобинском тексте. Однако всюду, где речь идет о татарах, данное слово выступает вместе с числительным, тогда как в уйбатском памятнике этого нет [ср.: otuz tatar — дважды в надписях Кюль-Тегина (КТБ, 4, 14; через орхонскую «t») и на одном из енисейских памятников—Усть-Элегест (Хербис-Баары, Е 59), строка 4⁸; toquz tatar — дважды в эпитафии Моюн-Чура (МЧ, 13, 15) и раз — на стеле Могиляна (Мог., 34)]. К тому же для обозначения этнической принадлежности эля в тексте не требовалось употребления такого синтаксического приема, как согласование (ср., например: ...türgeš el ičinte—Е 37, 3; ...tabyač ilinā qylyntym. Türk budun... — Тон, 1). Употребленная в публикуемой надписи изафетная конструкция tatarγu eli, первый член которой стоит в родительном падеже, а второй—имеет аффикс принадлежности третьего лица, весьма определенно указывает на то, что это не этноним, а имя собственное, и что упоминающийся здесь эль принадлежал некоему Татару. Похожее по звучанию мужское имя до сих пор встречается у саяно-алтайских народов, особенно тувинцев.

1. 2. Второе слово первой строки el(il) (имеющее аффикс принадлежности третьего лица -i) общеизвестно. В тюркоязычных текстах I и начала II тысячелетия н. э. оно учеными понимается как «племя», «народ», «племенной союз», «государство»⁹. Однако подобное значение этого термина, на наш взгляд, не подходит для перевода узунобинской надписи. Нет сомнения, что здесь термин «эль» обозначает сельскую общину. Такое значение слова il (как и парного сочетания il bodun, иногда и bodun) установлено для уйгурских юридических документов XII—XIV вв.¹⁰

2.1. Термин igä 'хозяин' у средневековых тюркоязычных народов употреблялся как в прямом значении «имущий человек», так и в переносном в значении «дух», «владеющий» той или иной местностью (горой, тайгой, рекой и т. д.) или (в текстах мировых религий) стихиями, всем миром, вселенной. До сих пор этот термин встречался главным образом лишь в восточно-туркестанских литературных памятниках, выполненных уйгурским письмом¹¹. В енисейских надписях это слово впервые прочитал Д. Д. Васильев в одной из наскальных надписей Тепсея (Е123), где оно было начертано одной руной g¹². В публикуемой надписи зафиксирован начальный гласный этого термина. В различных фонетических формах это слово сохранилось у многих народов до наших дней¹³. В терминологии традиционных суеверий оно еще недавно бытовало и у хакасов, обозначая прежде всего две категории «духов»: горных (таҕ ээзи) и водяных (суҕ ээзи).

2. 2. Второе слово строки — распространенный послелог ičip 'для', 'ради'; 'из-за'. В рунических текстах известны три формы написания его: ičip, ičp и čp. Если первые две разнописи, согласно сводке тюркологов Киргизии, известны и в орхонских, и в енисейских надписях, то последняя форма, зафиксированная на данном памятнике, характерна лишь для енисейских текстов¹⁴. Выступая в изучаемой надписи в сочетании с существительным igä, послелог указывает на духа—«хозяина» как на лицо, ради которого совершается действие, выраженное последующим глаголом.

2. 3. Глагол beγ- 'давать, вручать, даровать'¹⁵ употреблен в форме причастия настоящего-будущего времени, образованного с помощью аффикса -ür и выступающего в качестве сказуемого. Известная до сих пор в трех текстах енисейских памятников (Е 28, 30, 48), эта глагольная основа написана без обозначения гласной. Аналогичное написание зафиксировано и в памятниках орхонского письма¹⁶. На рассмат-

риваемом памятнике впервые зафиксировано полное написание этой основы.

3. 1. Слово, образующее третью строку, понимается нами как отглагольное существительное *ekim* 'посев', оформленное аффиксом принадлежности первого лица множественного числа. Приходится предположить либо фонетический переход *ekim+imiz (ibiz) > ekim+iz*¹⁷, либо особенность написания ^e*kim*ⁱ (m)iz.

4. 1. Глагол *kü-* 'охранять, оберегать'¹⁸ выступает здесь в пассивном залоге (-l-) и употреблен в форме причастия настоящего-будущего времени (-*ür*). Насколько известно, в памятниках рунической письменности глагольная основа *kü-* встречается впервые. Как и в случае с глаголом *beg-*, причастная форма на *-ür* употреблена здесь в своем основном значении постоянно повторяющегося действия.

Исторические выводы

Надпись Узун оба II—уникальный памятник енисейской письменности. Это первый древнехакасский текст, повествующий о земледельческом жертвоприношении в средневековом южносибирском государстве, с важных сферах его социально-экономической и духовной жизни.

Учитывая многозначность термина *el (il)* в современных тюркских языках¹⁹ и особенности конкретного исторического процесса при определенных общественных формациях, историки не раз обращались к вопросу о содержании понятия «эль», анализируя различные источники²⁰, в основном эпитафийного характера. Их изучение по чтениям В. В. Радлова привело С. В. Киселева к выводу, что «эль имеет как бы два значения. С одной стороны, это вся кыргызская аристократия в целом, то же, что и „вечный эль” орхонских тюрков. Его возглавляет кыргызский каган... С другой стороны, это лишь эль данного „витязя”, локальная группа знатных, вероятно, родственников между собой... Можно видеть, что помимо родственников в эль входили дружинники-клиенты богатого аристократа... и дружинники-огланы, конная молодежь... Эль в широком смысле — это организация степной аристократии, возглавляемая на Енисее каганом кыргыз. В узком же значении это аристократический род того или иного народа»²¹. Анализируя новые переводы енисейских текстов и исследуя по письменным источникам этносоциальные особенности древнехакасского государства, Л. Р. Кызласов получил подтверждение основных выводов С. В. Киселева. По его мнению, «эль» древнехакасских надписей — это своеобразный синоним аристократического рода «кыргыз», находившегося у власти в древнехакасском государстве. Такой вывод вполне согласуется с особенностью употребления термина *el* в енисейских текстах. Для современников, граждан одного государства, слово «эль» не требовало никакой расшифровки. Поэтому имя рода кыргыз не писалось²².

Закономерное отсутствие сочетания термина *el* с этнонимами в рунических надписях бассейна Енисея является косвенным подтверждением предлагаемого нами понимания слова *tatar*. Вместе с тем так же необычно сочетание этого термина и с личным именем. Последнее объясняется тем, что публикуемая узунбинская надпись знакомит нас со вторым, новым для енисейских памятников значением термина *el*. Оказывается, так же как и уйгуры XII—XIV веков, средневековые хакасы называли «элем» и сельскую общину. Надо полагать, что такое содержание термина не случайно выявилось в древнехакасском тексте, не являющемся эпитафией. Неоднократно отмечавшаяся в литературе своеобразная оторванность надгробных надписей от разговорной речи,

их языковая архаичность, объясняющаяся своеобразием этого жанра, возможно, не единственная причина возникновения данной ситуации. Вполне вероятно также, что памятник Узун оба II хронологически моложе древнехакасских эпитафий и время его создания близко к периоду, представленному указанными уйгурскими аналогиями. Полагаем, что это XI—XII века.

Согласно уйгурским юридическим документам, сельская община в Восточном Туркестане могла распоряжаться земельными наделами своих членов, перераспределяя и даже продавая их²³. На существование подобной же формы общинного землевладения в древнехакасском государстве указывает, с нашей точки зрения, и узунобинская надпись. Во-первых, в ней речь идет о земледельческом жертвоприношении, в котором община предстает перед «духом-хозяином» как единый проситель, землями которого и распоряжается «хозяин». Во-вторых, в тексте упоминаются «наши посевы», то есть посевы, опять же принадлежавшие общине, как единому целому. Напомним, что в таежных районах Саяно-Алтайского нагорья земли, пригодные для земледелия, еще в начале нашего века считались коллективной собственностью общины-сёока. Фактически у каждой семьи были свои наследственные пашни, но в переговоры с любым посторонним лицом, заинтересованным в покупке или аренде поля, вступала община, которая и получала плату²⁴. Видимо, и в таком важном деле, как молебны о посевах, обращенные к «духу-хозяину», община выступала как единый собственник пахотных угодий.

Существование в древнехакасском государстве высокоразвитого пашенного земледелия, основанного не только на богарном, но и на искусственном орошении, — факт, давно установленный и как востоковедами-лингвистами, изучавшими исторические документы, так и сибиреоведами-археологами, исследовавшими материальную культуру прошлого²⁵. Однако новое свидетельство этого впервые позволяет проникнуть в область культовых представлений и действий средневековых хакасов, связанных с извечным беспокойством хлеборобов за будущий урожай.

Народы Южной Сибири еще в недавнем прошлом верили в существование «духов-хозяев» природных объектов и стихий: гор, рек, озер и т. п. Как отмечалось, термин, обозначающий таких духов, встречается и в нашем руническом памятнике. Таким образом, и тысячу лет назад характерная особенность местного шаманизма — анимизм был распространен среди населения древнехакасского государства. Термин *igä* (и его фонетические варианты) в значении «дух-хозяин» известен едва ли не всем тюркоязычным народам и, вероятно, может восходить еще к периоду их историко-культурной общности. Семантическая близость этого термина с *ed* 'имущество', 'добро', 'благо' и *edgü* 'добро', 'благо'²⁶, возможно, указывает на то, что он возник в глубокой древности, когда имущество человека (или коллектива) считалось одним из необходимых условий его существования. Пожалуй, это не позволяет с полной уверенностью утверждать, что для слова *igä* значение «человек-хозяин» было первичным, а «дух-хозяин» производным²⁷. Первоначально такого разделения значений вообще могло не быть: мир людей не осознавался в отрыве от мира духов, хотя каждому из них принадлежало свое «имущество». С развитием имущественных отношений иным содержанием наполняется и термин «владелец», а вместе с этим изменился и «статус» «духа-хозяина»²⁸. Южносибирские этнографические материалы показывают, что духи часто изображаются в антропоморфном виде, с рогулькой вместо головы. На саяно-алтайской почве эта их иконогра-

фическая особенность, возможно, восходит к периодам, предшествовавшим появлению не только тюркоязычного населения, но и любых «исторических» этнических образований, уходя корнями в каменный век²⁹.

Публикуемый текст не только первое достоверное свидетельство поклонения «духу-хозяину», зафиксированное памятниками енисейской письменности, он дополняет также сведения о функциях духов-хозяев в воззрениях древних хакасов. «Хозяин» вспаханного поля — новая фигура среди традиционно охотничьих «хозяев» гор и тайги. Появление такого духа, своеобразной земледельческой пары для хозяина скота (*мал-ээзи*) Изых-хана, в древнехакасском пантеоне — прямое следствие пятнадцативекового (к рубежу I и II тысячелетий н. э.) существования здесь земледельческой традиции.

В этнографической литературе нам не удалось найти сообщений об этом духе³⁰. Есть лишь краткое упоминание («Покровителю растений и посевов посвящаются голубые кони») ³¹ духа, относящегося к другому ряду потусторонних сил, — так называемым *тёсям* (*тёс*) — духам-хранителям. 18 июля 1892 года в улусе Усть-Камыштинском Н. Ф. Катанов записал «Слова к покровителю хлебных растений» — сложный текст шаманской молитвы, обращенной к такому *ас тёс'у*. Из этого текста следует, что посвящаемая духу-покровителю лошадь, как и в других подобных случаях, обмывалась молоком, а ее хвост и грива украшались белыми и синими лентами³². Именно так освящались кони, приносившиеся в жертву и некоторым «духам-хозяевам», например, горному *таг-ээзи*. Вопрос о традиционных для хакасских верований духах (*тёс* и *ээ*) подробно не изучался, поэтому мы не можем здесь сослаться на те формы поклонения, которые известны для *ас тёся*, коль скоро речь в руническом тексте идет о духе-хозяине (*igä*).

И все же традиционная культура хакасов представляет определенные возможности для восстановления средневекового ритуала общинного жертвоприношения «духу-хозяину» вспаханного поля. На Среднем Енисее до недавнего прошлого сохранялось одно из главных общинных молений — так называемый *тигир тайыг* (*тигир тайаны*). Этим ежегодным праздником поклонения небу, проводившимся на вершине горы в июньское полнолуние и сохранившим ряд пережитков первобытно-общинного строя, руководил всеми уважаемый человек («выберут человека, который благословит это», «шамана тут не бывает» — говорили хакасы Н. Ф. Катанову, указывая на отличия от жертвоприношений духам гор, рек и т. д.)³³. Этот человек от лица всех присутствующих просил у неба всеобщего и семейного благополучия, обилия пищи, здоровья, роста поголовья скота и умножения рода людского. Культ цветущей природы находил отражение в обряде посадки на горе священной березы (*пай хазын*) — символа мирового древа. В *тигир тайыг'е* участвовало все мужское население одного или нескольких поселков (женщины и девушки на вершину горы не допускались).

Наиболее вероятно, что публикуемую надпись Узун оба II оставили в ходе некоего сезонного земледельческого праздника представители одной из средневековых сельских общин, владевшей землями в бассейне Уйбата. Содержание текста позволяет полагать, что этот коллективный ритуал происходил поздней весной, после вспашки и засева полей. Одна из дальневосточных хроник X века «Тайпинхуаньюйцзи», повествующая о древних хакасах, уточняет и календарную дату, сообщая: «В 3-ю луну постоянно пашут и сеют»³⁴. На этот же лунный месяц указывает и Синь Таншу (XI в.): «Хлеб сеют в третьей, а убирают в девятой луне»³⁵. Таким образом, зафиксированный узунбинским текстом

праздник справлялся в конце апреля—начале мая. (В хакасском народном календаре май носил название «месяца вспашки пашен»³⁶). Основные земледельческие работы в то время выполняли мужчины («Женщины предаются всякого рода занятиям, а мужчинам остается лишь работать на пахоте и жатве», — сообщал о населении древнехакасского государства ал-Идриси в середине XII в.)³⁷. Видимо, они и участвовали в весеннем молении, целью которого было обеспечение будущего урожая. Здесь приносились дары духу-хозяину местности. Все эти черты сближают средневековое общинное празднество с сохранившимся у хакасов коллективным молением небу. Другая важная отличительная особенность *тигір тайыҕ*, сопоставимая с содержанием узунбинского текста, это то, что от лица присутствующих молится не шаман, а наиболее уважаемый мужчина. В связи с этим обращает на себя внимание то, что в средневековой надписи подчеркнута принадлежность общины эля мужчине по имени «Татар». Надо полагать, что именно он и возглавлял здесь древнее ритуальное действие, выступая от имени соплеменников. Нельзя не отметить простоту указанного в тексте имени, лишеного каких-либо титулов, отличавших представителей правящего класса древнехакасского государства. Перед нами первое известное имя общинного старосты древнехакасского государства (еще недавно у саяно-алтайских народов руководитель общины носил название «пастых», этимологически наиболее близкое русскому «начальник», «глава»).

Укажем и на важное типологическое сходство сопоставляемых коллективных молений. Оба они происходили в местах, согласно народным представлениям, наиболее близких к обители божественных сил: *тигір тайыҕ*, посвященный небу, — на вершине горы, а жертвоприношение «хозяину пашни» (если угодно, *тарлаҕ тайыҕ*), как об этом свидетельствует расположение памятника Узун оба II — на самой ниве. Подобная близость двух ритуальных празднеств, с учетом ранее отмеченных сходных черт, позволяет предположить, что и характер даров, некогда приносимых духам на берегах Уйбата, был традиционным. Наиболее вероятно, что они состояли из жертвенного мяса (скорее всего шкуры с головой и конечностями овцы какой-либо определенной масти) и молочного или хлебного вина (Синь Таншу: «Вино квасят из каши»), которым кропили огонь костра.

Восстановление основных черт средневекового ритуала общинного земледельческого жертвоприношения «духу-хозяину» засеянного поля позволяет выявить среди отмеченных этнографами традиционных обычаев саяно-алтайских народов (без указания того духа, которому посвящалось действие) сохранившиеся пережитки древнего обряда, отмеченного руническим памятником Узун оба II.

Полностью приводим здесь единственную краткую запись, относящуюся к традиционной культуре хакасов-таежников (сагайцев): «Здесь, как и в притаежной зоне, среди ряда сеоков, потомков переселенцев из Шорской тайги, сохранился архаический обряд под названием „үрен курту Тайыҕ“ (т. е. обряд семенного червя) (правильнее: *үрен хурты тайыҕ*. — И. К.), характерный в прошлом для шорцев. Он состоял в том, что по окончании весеннего сева всем улусом курили вино и распивали его в течение 3—4 дней на пашне, прося „духов-покровителей“ избавить урожай от поедания червем, довольно часто губившим посевы в сырой таежной местности. Осенью, когда убирали урожай, из первого обмолоченного зерна нового урожая снова выкуривали в каждом хозяйстве вино и пили его всем улусом, угощая и чествуя им и „хозяев“ гор»³⁸.

В приведенном отрывке прослеживаются черты, тождественные восстановленным особенностям средневекового обряда. Единственное отличие состоит в том, что письменный памятник находится не в сырой тайге, а в сухой Уйбатской степи, и суть обряда здесь не могла сводиться к мольбе о защите посевов от червей.

Таково новое свидетельство удивительной живучести древних народных представлений и ритуалов. Аборигенное земледелие, вытесненное из степных районов бесчисленными войнами и нашествиями, все же уцелело в подтаежной зоне. Вместе с ним сохранились, как видим, и некоторые особенности ритуалов тысячелетней давности.

Следует, на наш взгляд, отметить присущую узунобинскому тексту определенную художественную выразительность. Налицо конечная гла-

УЗУН-ОБА II

ПЛАНИ ПРОФИЛЬ РАСКОПА

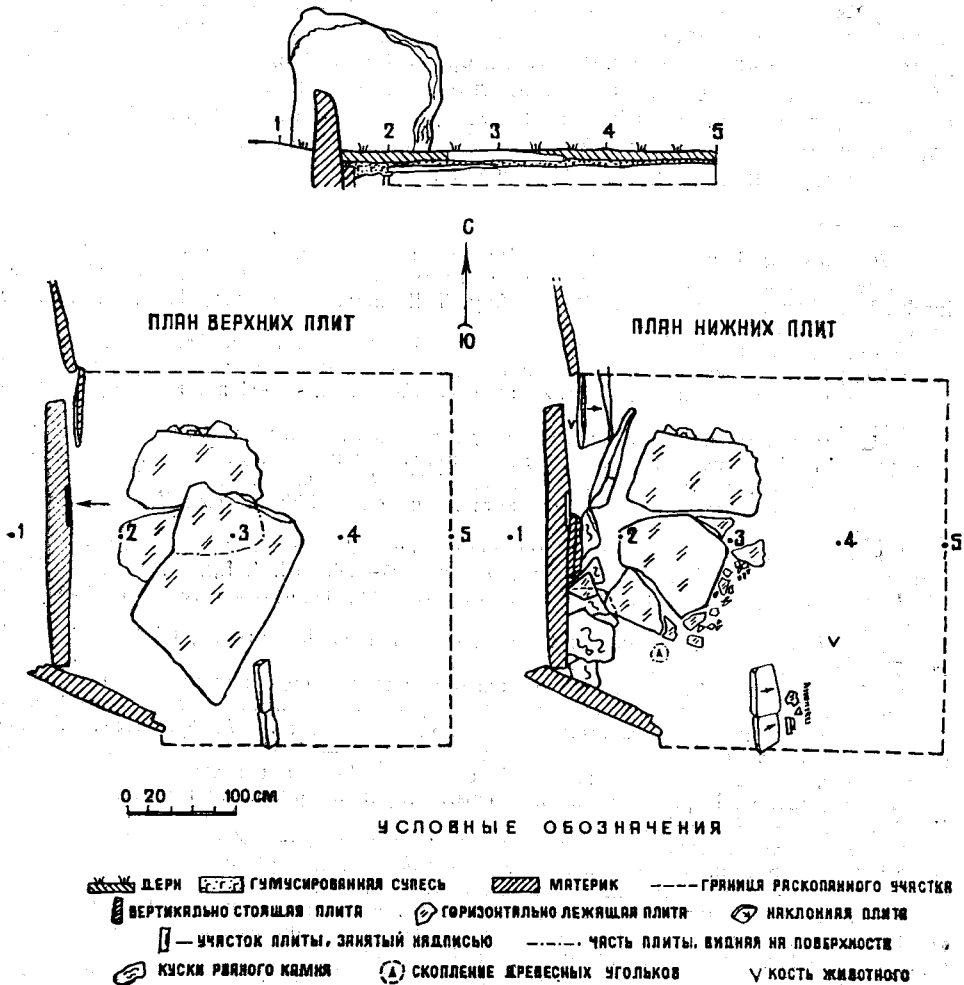

Рис. 4 — План и профиль контрольного раскопа перед памятником Узун оба II.

гольная рифма *berüg—külüg* при относительной уравниности 2 и 3—4 строк в слоговом отношении (соответственно 6 и 5 слогов)³⁹. Первая строка (*tataryu eli*) несколько утяжеляет текст, однако нетрудно заметить, что и она пятисложна. Надпись в целом в слоговом отношении выглядит следующим образом: 5—6—5. Вряд ли подобное композиционное размещение текста случайно. Давно замечено, что в енисейских текстах часто явно ощутима связь с произведениями устного народного творчества. Возможно, что и в строках 2—4 текста Узун оба II мы встречаемся с «цитатой» из средневекового культового фольклора, с устойчивым выражением традиционного молитвенного обращения к духу, использованного в надписи «общинной Татара». К сожалению, записи культового фольклора саяно-алтайских народов весьма немногочисленны и сравнительный материал отсутствует⁴⁰.

Участок перед плитой с надписью Узун оба II в 1980 году был нами раскопан. Близ плит ограды на камнях-контрфорсах обнаружен обломок трубчатой кости крупного рогатого скота, а на грунте выявлены остатки небольшого кострища (рис. 4). Все это может относиться и к периоду сооружения самого кургана, то есть к концу тагарской культуры раннего железного века. Однако результаты контрольных раскопок не противоречат и предлагаемому прочтению текста и основным восстанавливаемым чертам совершавшегося здесь в средневековье обряда. Вместе с тем они не позволяют археологически точно датировать этот эпиграфический памятник. До детальной разработки палеографии енисейских надписей текст Узун оба II, вероятно, следует, как отмечалось, относить к XI—XII векам.

¹ Д. Клеменц. Рецензия на книги: *Inscriptions de l'Jenissei, recueilliés et publiés par Société finlandaise d'archéologie*; Helsingfors, 1889; *Studien über die Suljekfelsen Inschriften, Eine polemische Schrift, von Aug. Tötterman*, Helsingfors, 1889; В. Радлов. Сибирские древности. Т. I, вып. 1, СПб., 1888.—«Известия Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества», т. XXI, № 2, Иркутск, 1890, стр. 65.

² Подробное описание кургана и историю его изучения см.: И. Л. Кызласов. Древнехакасские надписи на плитах кургана Узун оба. — «Советская тюркология», 1985, № 1.

³ «Шестым памятником с Уйбата» следует считать плиту с эпитафией, обнаруженную М. И. Боргояковым в 1963 году и опубликованную В. Я. Бутанаевым в «Ученых записках Хакасского НИИЯЛИ» (вып. XVIII, Абакан, 1973).

⁴ Одна из них была выполнена с текста Узун оба I (E33). — см.: И. Л. Кызласов. Указ. раб.

⁵ P. S. Pallas. Von einer in Sibiren gefundenen unbekanntnen Steinschrift. — «Neue Nördische Beyträge», St. Pbg., 1793, Bd. V, стр. 237—245, Pl. I, fig. II. Надпись Узун оба I была скопирована и издана (Pl. I, fig. III) в перевернутом виде (верх камня — справа).

⁶ Г. [И]. Спасский. Древности Сибири. — «Сибирский вестник», СПб., 1818, ч. 1, стр. 77—78, табл. III, рис. 3.

⁷ Об изменении этнического (этно-лингвистического) содержания названия «татары», в домонгольское время обозначавшего тюркоязычное, а позднее (прежде всего по китайским источникам) — монголоязычное население, см.: Л. Р. Кызласов. Ранние монголы. К проблеме истоков средневековой культуры. — В кн.: «История и культура Востока Азии», т. III, Новосибирск, 1975, стр. 172; «Мэн-да бэй-лу» (Полное описание монголо-татар). Перевод, введение, комментарии и приложения Н. Ц. Мункуева. М., 1975, стр. 89—94, 96—97, 135.

⁸ А. М. Щербак. Новая руническая надпись на камне. — «Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ», вып. IX, Кызыл, 1961; A. Šerbak. L'inscription runique d'Oust-Éléguiste (Touva). — «Ural-Altäische Jahrbücher», v. 35, fas. b, 1964.

⁹ С. Е. Малов. Словарь. — В кн.: В. В. Радлов. Памятники, уйгурского языка. Л., 1928, стр. 264; его же. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 379; его же. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959, стр. 91; «Древнетюркский словарь», Л., 1969, стр. 168, 169; A. von Gabain. Alttürkische Grammatik. 3 Auflage. Wiesbaden, 1974, стр. 337; «Land, Reich, Herrschaft, Stamm».

Первоначально традиционное для рунологии восприятие значения термина *el* вынудило нас отказаться от чтения первой строки текста как сочетания *tataruγu eli* (И. Л. Кызласов. Древнехакасские надписи кургана Узун оба как исторический источник. — В кн.: «Проблемы археологии и этнографии Сибири». Тезисы к региональной конференции. Иркутск, 1982, стр. 120—121).

¹⁰ А. Н. Бернштам. Уйгурские юридические документы. — В кн.: «Проблемы источниковедения», III. М.—Л., 1940, стр. 81, 83—84; Д. И. Тихонов. Термины *эль* и *будун* в древних уйгурских документах. — В кн.: «Исследования по истории культуры народов Востока». М.—Л., 1960; *его же*. Хозяйство и общественный строй уйгурского государства X—XIV вв. М.—Л., 1966, стр. 185—188; Л. Ю. Тугушева. Деловые письма уйгуров из коллекции А. Грюнвелделя. — В кн.: «История и культура Центральной Азии», М., 1983, стр. 210, 212—214, 217—218. Ср.: В. В. Радлов. Памятники уйгурского языка (документы 24, 68, 88).

¹¹ «Древнетюркский словарь», стр. 204, 205.

¹² Д. Д. Васильев. Еще о древнетюркской эпиграфике Енисея. — «Советская тюркология», 1977, № 2, стр. 79—80.

¹³ Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. Т. I, М., 1974, стр. 237—241.

¹⁴ «Древние тюркские диалекты и их отражение в современных языках», Фрунзе, 1971, стр. 80, 135, №№ 1466, 1467, 1484.

¹⁵ «Древнетюркский словарь», стр. 95.

¹⁶ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952; «Древние тюркские диалекты...», стр. 37, № 163.

¹⁷ Ср. в алтайском языке аффикс принадлежности 1-го лица множественного числа *-is*. (А. М. Щербак. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Имя. Л., 1977, стр. 73). При анализе употребления аффикса принадлежности 1-го лица множественного числа в литературе не удалось найти примеров с «м» («б») в абсолютном конце слов.

¹⁸ «Древнетюркский словарь», стр. 322.

¹⁹ Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. Т. I, стр. 339—343.

²⁰ Сводку основных мнений см.: Г. А. Федоров-Давыдов. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973, стр. 44—45.

²¹ С. В. Киселев. Древнехакасский «эль». — В кн.: «Записки Хакасского НИИЯЛИ». вып. I. История, этнография, археология. Абакан, 1948, стр. 32. Ср.: *его же*. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 503—504, 594—596.

²² Л. Р. Кызласов. История Тувы в средние века. М., 1969, стр. 93.

²³ Л. Ю. Тугушева. Указ. раб., стр. 210, 212—213.

²⁴ См., например: Л. П. Потапов. Очерки по истории Шории. М.—Л., 1936, стр. 135—136, 243—245.

²⁵ Сводку материалов см.: Л. Р. Кызласов. История Тувы в средние века, стр. 116—119; ее дополняет сообщение в XIII главе «Китаб-ал-бад' ва-т-та'рих» («Книга творения и истории») ал-Макдиси, созданной в 966 г.: «У них имеются посевы и деревья» (В. М. Бейлис. Народы Европы в кратком описании Мутххара ал-Макдиси (X в.). — В кн.: «Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы», т. II, М., 1969, стр. 306).

²⁶ Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков, т. I, стр. 240.

²⁷ Там же, стр. 239.

²⁸ Об изменении содержания образа горного духа хакасского фольклора см.: И. Л. Кызласов. Гора-прародительница в фольклоре хакасов. — «Советская этнография», 1982, № 2.

²⁹ Л. Р. Кызласов, Н. В. Леонтьев. Народные рисунки хакасов. М., 1980, стр. 67—68, табл. 47 (1).

³⁰ Бегло упоминаются подобные духи в элементах культуры других тюркоязычных народов, например ногайцев и карачаевцев: «В традиционной демонологии ногайцев, — пишет Р. Х. Керейтов, — значительное место занимают духи-хозяева — *ие*. Это *сүв иеси* — хозяин воды, *сүв анасы* — мать воды; *уьй иеси* — хозяин дома, *ер иеси* — хозяин земли, *ковк иеси* — хозяин неба. Относительно двух последних духов конкретных представлений пока зафиксировать не удалось... По поверьям карачаевцев, каждый участок земли имел своего духа — «хозяина» (*джер ийеси*)» (Р. Х. Керейтов. Мифологические персонажи традиционных верований ногайцев. — «Советская этнография», 1980, № 2, стр. 125—127).

³¹ Н. Ф. Катанов. Среди тюркских племен. VI. Минусинские татары. — «Известия Русского географического общества», т. XXIX, вып. VI, СПб., 1893, стр. 537—539.

³² Н. Ф. Катанов. Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. Часть IX. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагосов. Тексты. СПб., 1907, № 49, стр. 587—588. (В кн.: «Переводы», стр. 569—570). Моления о посевах иной раз во время жертвоприношения обращались хакасами к *цебу* или горному духу (Н. Ф. Катанов. Указ. раб., «Переводы», № 373, стр. 385; № 109, стр. 594). Еще в 30-е годы XX века сеятель, взяв первую горсть зерна, обра-

щался с мольбой прямо к солнцу. Слова такой традиционной молитвы Еремея Кильчичакова были сообщены мне в мае 1980 года М. Е. Кильчичаковым: «Дай, чтобы был урожай, бог-создатель!» (Говоря это, Е. Кильчичаков крестился на солнце. — И. К.). Пусть родится зерно, хотя бы на прокормление наших домашних тараканов, мышек, малых детушек. Ну, если больше уродится, то, может быть, и нам достанется. Дай, боже!».

³³ Н. Ф. Катанов. Указ. раб.—«Переводы», № 307, стр. 364; № 373, стр. 381—385. Ср.: Г. Спасский. Описание обитателей Сибири. Народы, кочующие вверх реки Енисея. — «Сибирский вестник», 1818, ч. I, стр. 91—93; А. П. Степанов. Енисейская губерния, Ч. II, СПб., 1835, стр. 83; И. Каратанов. Черты внешнего быта качинских татар. — «Известия Русского географического общества», т. XX, вып. 6, СПб., 1884, стр. 655—656; А. А. Кузнецова, П. Е. Кулаков. Минусинские и ачинские инородцы. Материалы для изучения. Красноярск, 1898, стр. 55; Е. К. Яковлев. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея. Минусинск, 1900, стр. 101—103.

³⁴ Н. В. Кюнер. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока, М., 1961, стр. 58.

³⁵ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I, М.—Л., 1950, стр. 351.

³⁶ Н. Ф. Катанов. Указ. раб., «Тексты» № 304, стр. 378 (*кыра тартчан айы*, современное написание: *хыра тартчан айы*); *его же*. Сагайские названия тринадцати месяцев года. — «Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», т. XIV, вып. 2, Казань, 1897: «5. *Кыра айы* — месяц пашни (начало в апреле или мае)»; «Хакасско-русский словарь», М., 1953, стр. 19.

³⁷ Л. Р. Кызласов. История Тувы в средние века, стр. 116.

³⁸ Л. П. Потанов. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII—XIX вв.). Абакан, 1952, стр. 204. (Источник сведений остался неуказанным).

³⁹ См.: Л. Р. Кызласов. Младописьменные литературы народов Сибири и исторические основы их формирования. — «Известия СО АН СССР. Серия общественных наук», 1982, № 6, вып. 2, стр. 127.

⁴⁰ Земледельческие заговоры, как известно, представляют собой весьма важную часть культовой сезонной практики многих народов. См., например: Л. Н. Майков. Великорусские заклинания. — «Записки Русского географического общества по отделению этнографии», т. II, СПб., 1869, стр. 527—530, №№ 276—284.

С. Г. КЛЯШТОРНЫЙ

ДЕВЯТАЯ НАДПИСЬ С УЙБАТА

Публикуемая в настоящем номере журнала И. Л. Кызласовым надпись, открытая еще два столетия назад, впоследствии затерянная и вновь открытая Л. Р. Кызласовым в 1976 году, на наш взгляд, является одной из интереснейших находок енисейской руники за последние годы. Как считает И. Л. Кызласов, это седьмая уйбатская надпись, тогда как, согласно регистрации енисейских памятников Д. Д. Васильевым, — это девятая надпись с Уйбата¹.

И. Л. Кызласов сумел распознать и точно воспроизвести все рунические знаки надписи, правильно прочитал и транскрибировал некоторые слова, справедливо отметив, что надпись не является эпитафией. Тем самым, по нашему мнению, И. Л. Кызласов проделал нужную и важную для первичной публикации памятника работу. Однако чтение и толкование надписи преподносятся автором как несомненные и окончательные, и поэтому он без малейших колебаний, делает на основе текста обширные исторические заключения, вплоть до определения форм общинного землевладения в «древнехакасском государстве» и установления в этом же государстве «сезонного земледельческого праздника»². Между тем весь накопленный в тюркологии опыт чтения лапидарной енисейской эпиграфики не дает оснований для исключения альтернативных чтений.

Первая строка надписи читается И. Л. Кызласовым как *tataryu eli* 'община Татара', причем *-yū* объясняется как показатель родительного падежа в составе изафетной конструкции. Для такого чтения И. Л. Кызласов пренебрег наличием двоеточия-словоразделителя между именем и предполагаемым падежным аффиксом. Подобное чтение в рунике допускается, но каждый раз требует соответствующего объяснения. Здесь ситуация осложняется тем, что сочетание знаков, принимаемое И. Л. Кызласовым за аффикс, не только отсекается словоразделителем от предшествующего слова (имени), но и слито с последующим, что было бы вполне обычным, если бы *-yū* оценивалась как самостоятельная лексическая единица, а не как аффикс.

Вторая сложность не орфографическая, а морфологическая. Не очень убедительно рассмотрение *-yū* как аффикса родительного падежа. Обычным показателем генитива в рунике является *-nin/-in*. В орхонике зафиксирован случай выпадения конечного *-n* и появления на его месте *-γ* как показателя генитива³, однако в енисейской рунике таких примеров нет⁴.

Возникает и третья — ономастическая — трудность интерпретации И. Л. Кызласовым первой строки надписи. Этноним может, конечно, фигурировать в составе имени или титула, но в древнетюркской ономастике нет ни одного достоверного случая, когда бы этноним, без

иных атрибутов и дополняющих его титулов, заменял личное имя. Слово *tatar* здесь явно фигурирует в своем обычном значении. Отсутствие перед словом *tatar* атрибутирующего его числительного не является контраргументом, так как наличие числительного в составе этнонима для руники альтернативно; ср. *toquz oʻyuz* и *oʻyuz* (Тон. 15, 22), *üç qarluq* и *qarluq* (КТБ 41, 42), *toquz bajarqu* и *bajarqu* (Терхин, 12, 13).

Четвертая трудность интерпретации И. Л. Кызласовым той же строки — терминологическая. «Нет сомнения, — пишет он, — что здесь термин *эль* обозначает сельскую общину». Но подобное значение термина *e1* в рунике отсутствует. Ссылка на уйгурские юридические документы XII—XIV веков неправомерна, так как в уйгурском Турфанском княжестве с его системой орошаемого земледелия оазисного типа и развитой городской культурой совершенно иными были и уклад жизни, и социально-экономические условия, а также, естественно, социальная и административная терминология, переосмыслившая применительно к своему времени и экологической сфере старые понятия, возникшие в Монголии и Южной Сибири.

Таким образом, при истолковании первой строки надписи, в которой И. Л. Кызласов прочел два слова, ему понадобились четыре весьма маловероятных допущения.

Во второй строке два последних слова прочтены И. Л. Кызласовым, по-видимому, верно, но чтение первого слова как *ig* (ä) невозможно без орфографического допущения. Ведь конечный гласный в профессионально исполненных рунических надписях всегда обозначался. В столь малой и тщательно исполненной надписи, как публикуемая, трудно предполагать элементарную ошибку писца.

Чтение единственного слова в третьей строке самим И. Л. Кызласовым обозначено как допущение («приходится предположить...»).

Наконец, чтение И. Л. Кызласовым единственного слова в четвертой строке как глагола *kü-* ('охранять, сберегать') в страдательном залоге, образованном с помощью аффикса *-l*, как мы полагаем, совершенно недопустимо, ибо страдательный залог в этом случае был бы образован с иным аффиксом (*-n*)⁵.

Очевидно, что все эти замечания вкупе опровергают систему чтения и истолкования девятой Уйбатской надписи, предложенную И. Л. Кызласовым, и тем более ее историко-этнографическую интерпретацию.

Рассмотрим возможность чтения надписи без предвзятого подхода к тексту и грамматике древнетюркского языка.

При чтении первых двух строк необходимо иметь в виду, что слова с начальным *i-/y-* чаще всего имеют в тюркских языках альтернативный спирантизованный анлаут. Трудно сказать, является ли такая вариативность следствием диалектальных различий или же иных закономерностей, но в любой системе древнетюркского письма число подобных случаев очень велико. Ограничимся для иллюстрации несколькими примерами из «Древнетюркского словаря»:

ig ~ *jig* 'болезнь',
ig ~ *jig* 'веретено',
igid- ~ *jigid-* 'поддерживать, поднимать',
ilik ~ *jilik* 'костный мозг',
imlä ~ *jimlä* 'моргать',
in ~ *jın* 'пора',
inčkä ~ *jınčkä* 'тонкий',
ydlı ~ *yudly* 'пахучий',
yuč ~ *yuč* 'дерево'.

С учетом сказанного нам представляется наиболее приемлемым следующее чтение девятой Уйбатской надписи:

- (1) t^a t^a r:(j)уу^e li:
- (2) (j)ig^u č^u n:berür
- (3) ^e kimiz:
- (4) külür

Наибольшую трудность представляет осмысление второго слова первой строки — (j)уу. В тюркской лексике оно известно как фонетический вариант jaуу 'враг', 'враждебный'. Сознвая определенную условность этой интерпретации в руническом тексте, полагаем, что ее все же нельзя исключить из числа возможных вариантов. При чтении (j)уу как самостоятельного слова (для того оно и отделено словоразделителем от предыдущего) возникает синтаксически безукоризненная изафетная конструкция второго типа; ср., например, аналогичную конструкцию в надписях Кюль-Тегину и Бильге-кагану: türk yduq jeri suby 'тюркская священная Земля-Вода'. Во второй строке форма jig, наряду с jäg 'добро, благо', обычна для руники (КТм4, Тон. 37, Е24).

В остальном и лексика, и грамматика памятника вполне обычны и трудностей для интерпретации не представляют.

Перевод:

- (1) Татарский враждебный(?)эль
- (2) ради (своего) блага выплачивает (дань, откуп).
- (3) Мы оба (этому)
- (4) радуемся.

Палеографически надпись не может быть отнесена к числу ранних⁶. Ее более точная датировка определяется скорее содержанием, нежели какими-либо иными особенностями. Упоминание здесь «Татарского эля» связывает девятую Уйбатскую надпись с памятником из Хербис Баари, герой которого в возрасте двадцати семи лет ходил в поход на токуз-татар⁷. Когда же енисейские кыргызы вели успешные войны с токуз-татарами?

Большая надпись в честь Кюль-Тегина впервые упоминает татар (отуз-татар) в связи с похоронами первых тюркских каганов [вторая половина VI века (КТб, 4)]. В той же надписи отуз-татары упомянуты в качестве врагов отца Кюль-Тегина — Ильтерес-кагана (умер в 691 г.); они вместе с кыргызами оказываются в перечне союзников токуз-огузов (КТб, 14). Очевидно, до конца VII века политические интересы татар и кыргызов совпадали. В 723—724 годах татары (токуз-татары) вместе с токуз-огузами поднимают восстание против Бильге-кагана (БКб, 34). И, наконец, в конце 40-х годов VIII века вместе с многими огузскими племенами токуз-татары восстают против уйгурского Элетмиш Бильге-кагана, но терпят поражение⁸. Таким образом, в VII—первой половине VIII века татары придерживались той же политической ориентации, что и кыргызы, и являлись их прямыми или эвентуальными союзниками. Еще одно замечание: если в описании событий VI—VII веков татары именуются «тридцатью татарами», то во всех надписях VIII века они поименованы «девятью татарами». Быть может, в изменении названия нашел отражение распад первоначальной группировки татарских племен.

Вплоть до разгрома Уйгурского каганата в 840 году енисейскими кыргызы таттары оставались вассалами уйгурских каганов. Во всяком случае, в перечне уйгурских князей и их союзников, содержащемся в колофоне пехлевийского манихейского сочинения «Махрнамаг», обнаруженного в Турфане, упомянут и глава татар, носивший титул апатегин (*tatār arā tqīn*)⁹. Колофон датируется 825—832 годами¹⁰. Примерно в это же время, в связи с событиями 842 года, таттары (*дада, дадань*) впервые были упомянуты в китайском источнике — письме китайского высокопоставленного чиновника Ли Дэ-юя к уйгурскому вождю Ормузду¹¹. Таттары названы в числе союзников уйгуров.

Под натиском кыргызов, вместе с токуз-огузами, часть татар уходит в Ганьсу и Восточный Туркестан. И сразу же этноним *tattara*, *ttattaram* *jsa* появляется в хотано-сакских документах IX—X веков¹². К 965 и 981 годам относятся упоминания о ганьсуйских татарах в китайских документах из Дуньхуана. Их тесный союз с турфанскими токуз-огузами (уйгурами) отмечает персидская география X века «Худуд ал-'Алам»¹³. Еще одна группа татар, по сообщению Гардизи (XI в.), переселяется на берега Иртыша и участвует в создании племенного союза кимаков (IX—X вв.)¹⁴.

Все эти сведения позволяют отнести время враждебных действий енисейских кыргызов против «Татарского эля» к IX—X векам, то есть к периоду уйгуро-кыргызских войн в Монголии и Присаянье и последующих кыргызских походов в Восточный Туркестан. Таков возможный исторический фон двух енисейских рунических памятников — девятой Уйбатской надписи и надписи из Хербис Баари.

¹ Д. Д. Васильев. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л., 1983, стр. 27.

² О разном в названиях государства енисейских кыргызов в современной исследовательской литературе см.: Ю. С. Худяков. Кыргызы на Енисее. Новосибирск, 1986, стр. 10—36.

³ Т. Tekin. A grammar of Orkhon Turkic. Bloomington, 1968, стр. 126—127; А. Н. Кононов. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв., Л., 1980, стр. 160—161. В обоих случаях приводится один и тот же единственный пример.

⁴ И. А. Батманов. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959, стр. 106; см. также: В. Г. Кондратьев. Грамматический строй языка памятников древнетюркской письменности. Л., 1981, стр. 45—46.

⁵ А. Н. Кононов. Грамматика..., стр. 177—178; И. Н. Шервашидзе. Формы глагола в языке тюркских рунических надписей. Тбилиси, 1986, стр. 35—36.

⁶ Об особенностях ранних енисейских надписей см.: С. Г. Кляшторный. Стелы Золотого озера. К датировке енисейских рунических памятников. — «Turcologica. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова», Л., 1976, стр. 258—267.

⁷ A. Særbak. L'inscription runique d'Oust-Elegueste (Тоува). — UAJ, vol. 35, 1964, стр. 145—146. О названии надписи см.: Д. Д. Васильев. Корпус... стр. 33.

⁸ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, М.—Л., 1953, стр. 35, 89 (надпись Моюн-чур); С. Г. Кляшторный. Терхинская надпись. — «Советская тюркология», 1980, № 3, стр. 92—94.

⁹ F. W. K. Müller. Ein Doppelblatt aus einem manichäischen Hymnenbuch (Mahrna-mag). Berlin, 1913, стр. 9.

¹⁰ В. А. Лившиц. Согдийский язык. — «Основы иранского языкознания. Средне-иранские языки», М., 1986, стр. 358.

¹¹ P. Pelliot. L'édition collective des oeuvres des Wang Kouwei. — «TP», t. 26, 1929, стр. 125—126.

¹² H. B. W. Bailey. Turks in Khotanese texts. — «JRAS», 1939, стр. 88; idem. A. Khotanese text concerning the Turks in Kantsou. — «AM», t. I, 1949, стр. 49.

¹³ V. Minorsky. Hudud al-'Alam. London, 1937, стр. 47, 94, 270.

¹⁴ Б. Е. Кузиков. Государство кимаков IX—XI веков по арабским источникам. Алма-Ата, 1972, стр. 41—42.

Г. ДЕРФЕР

МАХМУД КАШГАРИ: АРГУ, ХАЛАДЖ

1. Материалы известного «Дивана» Махмуда Кашгари (в дальнейшем—МК), крупнейшего тюркского филолога XI века, показывают, что ему были более или менее известны следующие ветви тюркских языков: огузская (oƷuz, t¼rk¼m¼n), кыпчакская (qyřcaq), уйгурская (точнее, его собственный караханидский диалект и др.), аргу, чувашская (bul-yaƷ, suvaƷ). Автором в его труде¹ приводится много примеров из этих языков, особенно в оригинале (стр. 24—28). Анализ представленных Махмудом Кашгари некараханидских примеров позволяет выявить следующее:

а) Не все малознакомые ему тюркские диалекты Махмуд Кашгари знал в равной степени: лучше других он знал наиболее близкий ему огузский материал, что подтверждается многочисленными примерами из его «Дивана», например:

карлук. — 1 пример,	барсган — 2 примера,
огуз. — 53,	уч. — 1,
уйгур. — 4,	тухси — 3,
ягма — 7,	хотан — 1,
куч. — 1,	йемек — 3,
к¼нч¼к. — 4,	булгар. — 1,
чигиль. — 4,	туркм. — 1,
аргу — 9,	кай — 1,
ытлык — 1,	татар. — 1,
кыпчак. — 13,	чумул — 1 (стр. 164).

б) Из приведенной таблицы видно, что следом за огузскими примерами (к которым, впрочем, можно было бы причислить и туркменские) Махмуд Кашгари (по убывающей) приводит более всего кыпчакские, а также аргу. Однако кыпчакским Махмуд Кашгари именовал два различающихся языка: 1) болгарский диалект, в котором (стр. 27) «нога» у болгар, суваров, йемеков и кыпчаков называется azaq (при др.-тюрк. адаq)². Это, очевидно, форма, предшествующая современному чувашскому ига 'нога'³; 2) однако в том же кыпчакском на этой же странице говорится также, что у них «нога» называется (как и у огузов) aƷaq. Далее Махмудом Кашгари приводятся примеры: qaƷuƷ 'береза', qaƷuƷ 'тесть', 'свояк', вместо qaƷuƷ, qaƷuƷ. Данный кыпчакский может, по-видимому, соотноситься с современным кыпчакским, в котором, как и в огузском, рано произошло изменение -d->-j⁴.

в) Махмуд Кашгари обычно выделяет только формы, отличающи-

еся от форм его собственного диалекта, которые он считал нормой. Таким образом, если Махмуд Кашгари не приводит специально особой формы, то следует предположить, что караханидская форма относится также и к другим тюркским языкам.

г) Легко заметить⁵, что формы, отмеченные у Махмуда Кашгари, напоминают фотографии с размытым задним планом. Махмуд Кашгари приводит точную форму слова, когда хочет подчеркнуть его отличие от караханидского, но во всех остальных случаях формы подводятся им под караханидский образец. Приведем несколько примеров: на стр. 26 Махмуд Кашгари поясняет, что караханидскому *m-* у огузов (так же как у кыпчаков и суваров) соответствует *b-*. Он приводит также правильную форму *bān* 'я'. Там же, где он говорит о причастии на *-An* вместо *-GAN*, для огузского приводится им *mān* (вместо *bān*) *baḡan* 'я иду' (так на стр. 300). Когда он трактует огласовку перфектных форм, он приводит огузское *bardam* 'я пошел'⁶ (и аргу *bardum*, стр. 504), а там, где Махмуд Кашгари обращается к местоимению *bān*, он дает для собственно огузского неверную форму: *bardum* (стр. 26). «Верблюды», по Махмуду Кашгари, называется по-караханидски *tāwāj*. Для иллюстрации типично огузского перехода согласных *t->d-* он приводит форму *dāvā* (стр. 26). Это не мешает ему привести также огузскую форму *tāvā* (стр. 504), там, где показано выпадение *-j* (а между тем *tāgūl* 'не, нет' равнозначно древнеосманскому *dāgūl* и т. д.)⁷.

Учитывая эти факты, можно использовать данные Махмуда Кашгари с большей достоверностью.

2. Что же сообщает Махмуд Кашгари об аргу?⁸ На стр. 25 он пишет об этом языке: «Для аргу характерна „неправильность речи”» (*ḡikka*—под этим понимаются некоторые отклонения от караханидской речи). Язык аргу распространен в регионе между Исбиджабом и Баласагуном — около 400 км к северу от Кашгара. Поэтому Махмуд Кашгари высказывает относительно подробные суждения о языке аргу. Он сообщает, что население Исбиджаба, Тыраза (Таласа) и Баласагуна говорит и по-согдийски, и по-тюркски. Отсюда можно заключить, что аргу были тюркизированными согдийцами. Это подтверждается рядом согдийских заимствований в аргу, которые в большинстве современных тюркских языков не сохранились, так как были связаны с исчезнувшей старой культурой. Это *benāk* 'зернышко' (ср. перс. *banak*), *gizgi* 'морковь' (ср. перс. *gazar*), *kūžāk* 'локон' (так же и в «Кутадгу Билиг», ср. также перс. *kūž*), (*xijar*) *maḡaz* 'поденщик, батрак', из согд.; *tapa* 'кунжут' (ср. перс. *dāna*). Этноним *Xalač* из-за начального *X-* определенно не тюркский. Известны многие тюркские этнонимы с начальным *Qa-* (*Qaḡly*, *Qarluq*, *Qaj*, *Qajyū*), тогда как *X-* характерно для иноязычных имен (например: *Xotan*, которое, вероятно, согдийского происхождения: ср. ниже примеч. [17]).

Характеризуя аргу, мы учитываем принципы, изложенные в разделах I в, г, и сравниваем этот язык с остальными тюркскими языками. Прежде всего отметим, что оправдан принцип Махмуда Кашгари, заключающийся в том, что при совпадении форм с караханидскими он не приводит никаких иллюстраций⁹. Если, для примера, на стр. 563 дается характерная для аргу (для его «неправильной речи») форма аориста *qaqu-jug*, то следует помнить, что в действительности аорист основ на гласный обычно оканчивался на *-r* не только в караханидском; формы подобного типа встречаются и в древнейших среднекыпчакских и древнеосманских текстах. Если Махмуд Кашгари в этом случае не приводит для огузских и кыпчакских языков никаких данных, то объясняется это тем, что формы в них совпадают с караханидскими. Если же

переход $t > d$ - приводится только для огузских, то это означает, что в кыпчакских языках по сей день t - в общем сохраняется (так было и в волжско-булгарском языке в XIII—XIV веках, а сейчас—в чувашском). Когда Махмуд Кашгари приводит форму *qurt* 'волк' как характерную огузскую, то следует заключить, что в других языках, как, например, в караханидском, «волк» обозначается словом *bögi*. И, действительно, слово *bögi* характерно почти для всех неогузских языков. Рассмотрим данные Махмуда Кашгари:

а) «Я пошел» (стр. 504) в караханидском звучит *bardum*, в огузском *bardam* (= *bardäm*), а в аргу—*bardum*; ср. также аргу *keldüm* 'я пришел'. Никаких данных для кыпчакского и болгарского языков нет, поэтому вероятнее всего = *bardum*. Ср. среднекыпчакское *bardum*¹⁰.

б) Формы с d - приводятся только для огузского языка (стр. 26): *dävä* 'верблюд' соответствует караханидскому *täväj*, также кыпч., сувар. *tävä*¹¹, среднекыпчакскому *tävä* (но староосман. *dävä*). Соответственно для аргу следует принять t .

с) «Я» в караханидском *män*, в огузском, кыпчакском, суварском *bän*. Ср. также староосманское *bän*; в современном чувашском p - перед носовым обычно сохраняется, например, в *pän* (др.-тюрк. *bin*) 'тысяча'. Возможно, что и в настоящем кыпчакском языке XI века b - еще существовал (но в среднекыпчакском уже *män*); в восточноогузском форма *män* подвержена колебаниям¹². Для аргу соответственно употребительно было бы *män*.

д) *adaq* 'нога' (так же как уже рассмотренные *qaduq*, *qadup*, стр. 27) трактуется следующим образом: в огузском *ajaq*, между тем как в (настоящем) кыпчакском (ср. также в обоих языках *ajüq* 'медведь' соответствует караханид. *abuq*), напротив, в болгарском и в настоящем кыпчакском *azaq*. Ср. к тому же староосманское, среднекыпчакское *ajaq*, современное чувашское *uga*; уже в волжскобулгарском исходный падеж — на *-gan* < *-dan*. Для аргу, соответственно, принимается $-d$. (Это можно установить на ряде слов из аргу, например: *qobuzlan*- 'жениться на вдове' при караханидском *qobuz*).

е) Караханидскому $-j$, $-j$ - в аргу соответствует $-n$, $-n$ - (см. стр. 26), караханид. *qoj* 'овца', *šuyaj* 'бедный', *qaju* 'какой' в аргу соответствуют *qön*, *šuyän*, *qanü*. Согласно стр. 279, *köp*- 'гореть' = караханид. *köj*-, согласно стр. 193, караханид. *qajaq* 'сливки' = аргу, болгар. *qanaq*. Для болгарского ср. чуваш. *täm* 'глина' = среднетюркск. *töj* (с типичным болгарско-чувашским соответствием $-t$ = общетюркск. $-n$). Для огузского и кыпчакского можно было бы восстановить $-j$ (-); ср. здесь же среднекыпчакское *qoj*, *qajsy* < *qajusy*, *köj*-. С другой стороны, в современных огузских языках (турецк. *koyn*, азерб., туркм. *qojyn*, хорасанскотюркское в общем *qojyn*). Но, возможно, что Махмуд Кашгари слышал форму, похожую на хорасанскотюркскую и неправильно разделил ее: *qoj-yn* (с притяжательным суффиксом 3-го лица единственного числа винительного падежа). Подобное явление встречается в тюркских языках довольно часто¹³. Древнетюркская форма звучит *qoi* и т. д.

ф) Согласно Махмуду Кашгари, на огузской и кыпчакской почве $-y$ - выпадает в следующих примерах: *šimyuq* 'чомга (птица)', *tamyaq* 'глотка' > *šimiq*, *tamaq*. Ср. староосманское *damaq*. Для настоящего кыпчакского выпадение $-y$ - нехарактерно (ср., например, среднекыпчак. *jalyan* 'ложь', соответствующее староосм. *jalan*). Здесь опять можно вспомнить о болгарских кыпчаках. Ср., например, волжскобулг. *bälü* 'памятник' = МК *bälgü*. Для аргу выпадение $-y$ -, $-q$ - вполне приемлемо.

г) Согласно Махмуду Кашгари (стр. 26), «нора» в караханидском *üt*, а в огузском *üd*. Здесь нашел отражение тот факт, что $-t$ (-), $-p$ (-),

-k(-), -q(-), -č(-) в огузских языках изменялись после долгого гласного на *d, b, g, γ, ž* (озвончались, а позднее в конце слова или же по аналогии снова часто оглушались), ср. староосм. *ad* 'имя' < *āt*, напротив, *at* 'лошадь' < *at* (в туркменском хотя и *āt* 'имя', но *ādum* 'мое имя'). Этот типично огузский признак не находит себе аналогов в других тюркских языках (во всяком случае он не первичен), но «имя» не только в караханидском *āt*, но также и в среднекыпчакском *at*, в чувашском — *jaĭ*. Мы устанавливаем для аргу *ūt, āt*.

h) Согласно Махмуду Кашгари (стр. 563), «нормальный» аорист от *qaqu* 'злиться' *qaqu-g*, а в аргу соответственно *qaqu-jur* — и так образовывались все аористы. Но это, по мнению Махмуда Кашгари, «неправильность речи». Видно, что малоизвестный Махмуду Кашгари собственно древнетюркский аорист (от глаголов с гласным исходом) на *-jur* на самом деле представлял собой просто древнейшую форму. Соответственным образом и мы должны принять для огузского и кыпчакского форму *-r*, что и соответствует действительности (среднекыпчак. *oxša-g* 'походить', а в староосманском тоже всегда *-r*).

i) Согласно Махмуду Кашгари (стр. 350), многие (но не все!) аргу произносят *tarup-duy* 'ты служил', *qaşig-duy* 'ты прогнал', то есть *-çy* (другими, вероятно, употребляется «нормальная» форма; ср. караханид. *tarup-duy*). Это позволяет заключить, что в других тюркских диалектах обнаруживается *-ŋ*; ср. в староосман. *-dUŋ* (например: *al-duŋ* 'ты взял'), среднекыпчакск. *-dyŋ* (*al-duŋ*), чуваш. *-ränl-tän*.

j) По Махмуду Кашгари (стр. 28), караханидскому *bağ-yı jēr* 'место, куда приходят' соответствует в огузском *bağ-asy jēr*. Соответственно этому было бы естественно для других тюркских языков *-GU*. В действительности *-AsV* типично для староосманского. Еще и сегодня возникает формы со значением «проклятия», типа *kör olası* 'пусть он ослепнет'. В других тюркских языках этому соответствует *-GUg*, очевидно, это образование от *-GU*. Ср., например, узбек. *kor bol-yur*. *-GU!* также распространено широко, даже в огузском. *-AsV* проникло и в некоторые другие тюркские языки (татарский, башкирский, чувашский) и отмечалось уже в среднекыпчакском.

k) По Махмуду Кашгари (стр. 511), «нет» (араб. *lajsa*) в аргу *dāy, bāy*, в огузском *tägül*. Возникает вопрос: употребительна ли соответственно в остальных тюркских языках караханидская форма *ärmäs*? В среднекыпчакском (мамлюкском) встречается форма *töjül*, которая существует и по сей день в кыпчакских языках (кумык. *tügül*). Вряд ли это заимствование из огузского (также и не из булгарского, ибо чуваш. *mağ* < *ärmäs*). Здесь опять обнаруживается многозначность слова *quf-şaq* у Махмуда Кашгари. Ср. в собственно центральных кыпчакских языках типа киргиз., казах., каракалпак. — *epeş*. Возможно, конечно, что Махмуд Кашгари имел в виду восточные кыпчакские формы; но, также возможно, что он просто упустил из виду кыпчакскую форму *tögül.

l) По Махмуду Кашгари (стр. 172), *qurt* у всех тюрков означает «червь», а у огузов — «волк». Ср. староосманское *qurt* (аналогично азербайдж., хорасанскотюрк.; в туркменском *qurt*; имеющееся же здесь *bögi* — вероятно, является заимствованием из какого-нибудь центральноазиатского тюркского языка); в среднекыпчакском же имеется *bögi*, как и в караханидском. (Во многих современных тюркских языках существуют различные табуированные формы). Для аргу устанавливается форма *bögi*.

m) В заключение должен быть назван еще один признак, не упомянутый Махмудом Кашгари, но являющийся своеобразным шиболетом

том для тюркских языков — притяжательная форма 3-го лица единственного числа для дательного падежа. Здесь староосманская и среднекыпчакская формы сливаются в -YпА (ср., например, среднекыпчакское 53v4) közinä 'его глазу'). Караханидская форма YпА (позднее в уйгурской группе в большинстве случаев >-iGA)¹⁴. Чувашская форма -AnA могла произойти из -YпА, так же как из -YпА. Форма аргу, как уже отмечалось, у Махмуда Кашгари не приводится.

3. Подытожим полученные результаты (см. ниже таблицу). Реконструированные формы даны в круглых скобках (в случае, если они у Махмуда Кашгари не указаны, но встречаются в других древних памятниках), а предполагаемые или неясные формы даны в прямых скобках.

	Караханид.	Кыпчак.	Огуз.	Булгар.	Аргу
a)	-dym	(-dum)	-däm	-dym	-dum
b)	tävāj(t-)	tävā(t-)	dāvā(d-)	tävā(t-)	(tävāj)(t-)
c)	mān	bān(?)	bān	bān	(mān)
d)	aḍaq(-d-)	ajaq(-j-)	ajaq(-j-)	azaq(-z-)	(aḍaq)
e)	qoj(-i)	(qoj)(-i)	(qoj)(-j-)	qanaq(-n-)	qon, qanaq(-n-)
f)	tamyāq(-γ-)	?	tamaq	[tamaq]	(tamyāq)
g)	üt	(üt)	üd	üt	(üt)
h)	аорист на r	(-r)	(-r)	(-r)	-jur
i)	-dyḡ	(-dyḡ)	(-dāḡ)	[dyn?]	-duy ~ duḡ
k)	ärmās	(ärmās)	dāḡül	[ärmaz]	day
l)	bōri	(bōri)	qurt	(bōri)	(bōri)
m)	-yḡa	-yna	-yna	?	?

4. Попытаемся установить современный язык, который удовлетворял бы всем тем признакам, которые Махмуд Кашгари устанавливает для аргу непосредственно (таковы пункты a), e), h), i), k) или косвенно (в других пунктах; через умалчивание—отождествление с караханидским). С самого начала бросается в глаза признак пункта «k»: сейчас существует только один тюркский язык, в котором значение «нет» передается словом day — халаджский. Проанализируем каждую форму в отдельности:

a) *-dum* в 1-м лице единственного числа перфекта. Типичный признак халаджского языка — соответствие *-u/-ü-* непервого слога для древнетюркского редуцированного гласного. Ср., например, также qagup 'живот' (в тюркских языках с неустойчивым гласным во втором слоге: qagpu 'его живот'). Гласный *-ü-* переходит в диалектах в *-i-* вследствие иранского влияния, однако *-u-* хорошо сохраняется: например, в Талхабе hāj-dum 'я сказал';

b) в халаджском все древнейшие слова имеют *t-* (также *k-*), например: tävä 'верблюд'¹⁵, но в диалекте Сурхада, между прочим, täväj;

c) «я» звучит в халаджском mān, аналогично — miḡk ~ miḡ 'тысяча';

d) «нога» именуется в халаджском haḍaq, также и многие слова с *-d, -d-*, например: küdān 'свадьба'. У Махмуда Кашгари *-d-* и *-ḍ-* чередуются довольно часто;

e) приведенным у Махмуда Кашгари словам в халаджском соответствуют qon 'овца', qāni 'какой', kiep- (и подобные) 'гореть', qapaq 'сливки';

f) сочетания с *-q-, -γ-* в халаджском сплошь и рядом сохраняются, например: в Талхабе nupurḡa 'яйцо' (азербайдж. yumurta), jalḡa 'лизать' (азербайдж. jala-), также käl-gāli 'чтобы прийти' и т. д.;

g) «нора» в халаджском называется hīt, «имя»—āt и т. д. (также ātum 'мое имя' и т. д.). Согласные в третьем слоге сохраняются, напри-

мер: *toruq-um* 'моя лодыжка' (в большинстве тюркских языков *toru-yum*);

h) аорист образуется в халаджском после гласного суффиксом *-jur, -jür*, например: *ba-šla-jur* 'начнет'. Подобную архаическую форму можно обнаружить на востоке тюркской языковой зоны, например в якутском: *bastŭg<bašlajur*. В любом случае среди западных тюркских языков халаджский являлся единственным (из известных Махмуду Кашгари), где все еще сохраняется форма *-jur*;

i) вероятно, в халаджском старый согласный *-ŋ-, -ŋ* развивался по-разному. В односложных словах диалектов функционировало частично *-ŋk*, частично *-n*. Формы типа *mip* 'тысяча', *jup* 'шерсть' обнаруживаются прежде всего на севере ареала. Во втором слоге многосложных слов, а также в односложных словах, сопровождающихся притяжательным суффиксом (как *soŋ* 'конец', *öp* 'перед'), выступает частично *-n-*, частично *-j-*, в зависимости от диалекта. Подобное развитие наблюдается также в аффиксах родительного падежа и притяжательности (второго лица). В некоторых халаджских диалектах *ŋ* в подобных случаях изменилось в *n*, но в притяжательном аффиксе второго лица и в перфекте (2-е лицо) обнаруживаются формы, восходящие, очевидно, к **-duç, *-düg*. Ср.: в Винарче родительный падеж *tipip* 'этого' аналогично *äline* 'его руке' (дательн.), *sänä* 'тебе'; но *alij* 'твоя рука', *käldij* 'ты пришел' (подобно *ällij* 'пятьдесят' < *ällüg);

j) в халаджском языке говорится *küog ol-yur* 'пусть он ослепнет' и т. п. (С. Тезджан собрал 87 примеров); имеются также формы типа *kälgilik-är* 'он должен прийти' < *käl-gülük ägür*, где *-gülük* также производное от *-yu, -gü*;

k) «нет» в халаджском *day*; это единственный из тюркских языков, где известно данное слово;

l) «волк» в халаджском *biegi* и т. п. И в других случаях, где в огузском имеются особые слова, халаджский имеет соответствия в карахандском и кыпчакском. Так, огузск. (туркм.) *dödaç* 'губа' = халадж. *ärün* (= МК *ärin*), огузск. (туркм.) *göbäk* 'пупок' = халадж. *kindik* (= др.-тюрк. *kindik*);

m) дательный падеж для халаджской притяжательной формы 3-го лица ясно показывает на исходное **-yŋa, *-iŋä*. Известны три типа: (1) *-ina* (так, например, в Винарче), (2) *-ija* (часто в Надирабаде), (3) *-ija* (с ясной назализацией как *i*, так и *j*, а иногда и следующего *a*, так, например, в Салафчигане). Здесь (2) является, очевидно, продвинутым вариантом случая (3); (1) находится главным образом на периферии халаджского языка: на севере и востоке центральной области, а также в Дагане и Винарче (на крайнем юго-востоке).

Здесь необходимо только отметить, что халаджский язык в области морфологии также полностью отличается от огузского, ср. формы типа *mändi'čä* 'у меня' = турец. *bende* (*män* 'я' — но в косвенных падежах с долготой *män-*, вставка древнетюркского суффикса *-di-* у местоимений, наконец, местный падеж на *-čä*). Точно так же халаджский имеет своеобразные формы повелительного наклонения¹⁶. Имеется и деепричастие на *-di*, которое в древнетюркском представлено только в отрицательной форме (*-mädi*, например: *käl-mä-di* 'не приходя'), есть деепричастие без флексии (оно похоже на повелительное наклонение в остальных тюркских языках) и т. д.

5. Теперь подведем итоги. Махмуд Кашгари показывает, что уже в XI веке тюркские языки имели ясно различимые ветви; у него представлена почти современная классификация тюркских языков. Это позволяет нам предложить следующее разделение тюркских языков:

караханидский (чигиль, барсган и тухси = современной уйгурской группе); огузский (= современной огузской группе), (истинный) кыпчакский (= современной кыпчакской группе), болгарский (суварский = современной чувашской группе), аргу (= современной халаджской группе). Язык халаджей ведет свое происхождение от аргу, который уже в XI веке четко отделился от других тюркских языков.

Ибн Хордадбех¹⁷ сообщает, что уже в IX веке халачи жили между Баласагуном и Исфиджабом. Там же Махмуд Кашгари отмечает проживание и аргу. Однако из его рассказа на стр. 623 следует, что халачи жили в степи, где позднее были основаны Талас, Исфиджаб и Баласагун. Они объединились в два племени, на некоторое время присоединившиеся к двадцати двум огузским племенам, но потом отделились от них и не считаются огузами.

Названия Аргу и Халаџ относились к одной и той же народности (как и *türkân*—*oğuz*). Фактически *argu* 'долина между горами', о чем Махмуд Кашгари пишет на стр. 76. Именно эти сведения объясняют и тесные древние контакты этой народности с огузами¹⁸. Вероятно, этим объясняется и существование слов типа *dām* 'крыша' в халаджском языке. Эти контакты и история халаджского языка будут рассмотрены в нашей следующей работе. Лингвистический материал может послужить ценным источником для изучения истории халаджей в Центральном Иране.

¹ Собрано в «Древнетюркском словаре» (Л., 1969, стр. 644—648) и в индексе «*Divânü Lûgat-it-türk Dizini*», Ankara, 1972, стр. 163—167. Однако диалектный материал представлен здесь не полностью. Далее материалы МК цитируются по факсимальному изданию Бесима Аталая: «*Divânü Lûgat-it-Türk*». *Tipkibasım*. «Faksimile», Ankara, 1941.

² Аналогичный пример встречается у МК с. 27: *qazup* 'тесть, свояк', при караханидском *qadup*. Следует учесть, что на карте Махмуда Кашгари кыпчаки фигурируют в двух местах: вблизи мест обитания огузов (настоящие кыпчаки) и вблизи болгарского Сувара.

³ G. Doerfer. *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen*. Bd. III. Wiesbaden, 1967, стр. 207—210. Древнетюркский титул *tuɖup* (в болгарском) хазарском языке XI века — *tuzup*, в Троицкой летописи 1230 года появляется уже как *трунове* (совр. чувашск. *tărăn*), ср. также *его же*. Bd. II, Wiesbaden, 1965, стр. 527f.

⁴ Так уже в древнейших кыпчакских памятниках: A. *Bodrogligeti*. A Forteenth Century Turkic Translation of Sa'di's *Gulistān*. Bloomington, The Hague 1973 *ajaq* и т. д. (Этот материал будет в дальнейшем именоваться «среднекыпчакским»).

Здесь выступают также типичная кыпчакско-огузская притяжательная форма 3-го лица для дательного падежа на *-yna*, например: *haqquna* (л. 60), форма принадлежности на *-ly* и т. д. В то же время в уйгурском словаре времени Минской династии XV века читаем—см.: *Louis Ligeti*. *Un Vocabulaire sino-ouïgour des Ming*. Budapest, 1966, стр. 125. См. также: G. Doerfer. *Das Vorosmanische*. — «*Türk Dili Araştırmaları Yıllığı, Belleten*», 1976, стр. 100.

⁵ См.: G. Doerfer. *Das Vorosmanische*., стр. 393f.

⁶ Эта форма, по всей видимости, точная (правильнее, однако, было бы *bardām*).

⁷ Ситуация здесь несколько сложнее, ведь *q-*, *t-* перед задними и передними гласными ведут себя по-разному, см.: G. Doerfer. Ein altosmanisches Lautgesetz im Kurdischen. — «*Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*», Bd. 62 (1969), стр. 250—263; *его же*. *Bemerkungen zu der sojonischen Anlautklusiven*. — «*Ural-altaische Jahrbücher*», Bd. 46 (1973), стр. 254—260.

⁸ Разумеется, здесь трактуется не весь словарь языка аргу, в котором имеется, как и во всех других языках, ряд местных выражений.

⁹ Следует, конечно, учитывать недостаточную осведомленность Махмуда Кашгари, которая особенно явно проявляется при описании им вперемежку отдаленных западнотюркских языков — кыпчакского и болгарского.

¹⁰ Так, например, *Gulistān*... стр. 220. Болгарский определить трудно из-за отсутствия соответствующего материала.

¹¹ Ср. в современном чувашском *tëve*. Многие чувашские древние тюркские термины вытеснены татарскими, волжско-финскими и русскими: так, в венгерском *tenget*

сохранилось болгарское соответствие древнетюркскому *tāqez*, однако в чувашском оно заменилось казанскотатарским *tinēs*.

¹² Ср.: *G. Doerfer. Das Vorosmanische...* (см. прим. 4), стр. 115—117.

¹³ См.: *G. Doerfer. Türkische and mongolische Elemente im Neupersischen. Bd. IV, Wiesbaden, 1975, стр. 552.*

¹⁴ Ср.: *G. Doerfer. Das Vorosmanische...* стр. 101.

¹⁵ См.: *Muyaddam. Güyishā-yi Wafs wa Aštīyān wa Tafraš. Teheran, 1318 h. š., стр. 155.*

¹⁶ См.: *G. Doerfer. Der Imperativ im Chaladsch.—«Finnisch-ugrische Forschungen», 1972. Bd. 39, стр. 295—340; его же. Neues zum Imperativ des Chaladsch.—«Journal of Turkish Studies», 1982, V. 6, стр. 63—83.*

¹⁷ Ср.: *Emel Esin. Butan-ı Halaç —«Türkiyat Mecmuası», 1972, 17, стр. 25—67, особенно о согдийско-халачских связях по О. И. Смирновой. В то же время халачи отмечены в Афганистане. Об их дальнейшей судьбе и местах обитания (Восточный Иран, Старый Хорасан, Индия) см. также: V. Minorsky. The Turkish Dialect of the Khalaj. — «Bulletin of the Society of Oriental Studies», 1940, 10, стр. 426—437; C. E. Bosworth. Khaladj—Encyclopaedia of Islam, IV, стр. 917; R. Dankoff. Tribal and Kinship Organization of the Turks.—«Archivum Ottomanicum», 1972, t. 4, стр. 23—43. Специально о халаджах Центрального Ирана (в VII веке они переселились в Юго-Восточный Иран) см.: E. Esin... стр. 52. Народное предание из Бāг-и Йāка сообщает, что они пришли из Шираза. Арабгул из Харраба указывает, что они пришли на нынешнюю родину с берегов Персидского залива. Не народная ли это этимология (Xalaç=Халиç)? Существуют сообщения о связях между халаджами и кашкайцами (Qaşqa'ı) (А. Н. Ромаскевич. Песни кашкайцев. — «Сборник Музея антропологии и этнографии», 1917—1925, т. V, стр. 574. Нейбауер сообщил нам, что в местечке Sāxtmān-i Hāz̄z̄i (сейчас Хасанāбād) старики-кашкайцы употребляют слово siçqaп 'мышь', которое они считают старинным. Это халаджское слово siçqaп отличается от обычного огузского suçqaп.*

С другой стороны, известно о халаджской метрополии в верхнем течении Амударьи в XIV веке, см.: *Wolfgang Hage. Der Weg nach Asien: die ostsyrische Missionskirche.—«Kirchengeschichte als Missionsgeschichte», II: I, ed. Knut Schäferdiek. München, 1978, стр. 372.*

¹⁸ См.: *G. Doerfer. Oghusische Lehnwörtern im Chaladsch. — «Harvard Ukrainian Studies», 1979—1980, v. 3/4, стр. 189—294.*

Перевели с немецкого
И. Г. ДОБРОДОМОВ и Г. Л. ЗЕЛЕНИН.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

А. Б. ДЖУРАЕВ

АРЕАЛОГИЯ И ИССЛЕДОВАНИЕ УЗБЕКСКИХ
НАРОДНЫХ ГОВОРОВ

В узбекском языкознании ареалогические исследования только начали появляться, тогда как по многим другим языкам подобные исследования получили весьма широкое развитие. Особого внимания заслуживают работы М. А. Бородиной, которая считает, что диалектология, лингвогеография и ареалогия должны рассматриваться как этапы развития ареальной лингвистики¹. При этом лингвогеография понимается как своего рода промежуточное звено между диалектологией и ареалогией². Однако ряд ученых придерживается иной точки зрения, полагая, что «ареальная лингвистика, ареалогия, пространственная лингвистика не должны считаться новыми отраслями, разделами, направлениями языкознания, потому что их объект и методы исследования, области их применения по сути не отличаются от лингвогеографических, будучи значительно уже»³.

Нам представляется, что объект ареалогии отличается от объекта лингвогеографии — по сути дела фактографической науки⁴ — своей онтологической спецификой. Ареалогия имеет дело с ареалом, понимаемым как фрагмент структуры лингвистического пространства⁵, который отождествляется с познавательными конструкциями в виде картографических моделей.

Можно сформулировать следующие основные характеристики объекта ареалогии: а) объект ареалогии привязан к определенному фрагменту лингвистического пространства и обособляется через этот фрагмент, а также через связи этого фрагмента с соседними; б) в каждом фрагменте лингвистического пространства слагаемые «компоненты» объекта ареалогии, точнее ареалообразующие факторы, находятся в разнообразных, системно упорядоченных отношениях.

Ареалогические изыскания М. А. Бородиной и других ученых интегрируют используемые приемы изучения объекта и подводят специалистов к формулированию основного метода ареалогии. Сущность этого метода отражало само название — «структурно-ареальный метод», так как в ареалогических исследованиях проводится структурирование (в виде картографического моделирования) в лингвистическом пространстве. В лингвогеографии же главное — картографическая фиксация и основной метод — картографирование.

Исходная направленность ареалогии заключается в исследовании пространственного уровня организации языка — структуры лингвистического пространства и его фрагментов. Наряду с обязательным учетом материалов диалектологии и лингвогеографии ареалогия ставит

целью также использование данных ареалогизирования. Именно этот модельный подход к объекту ареального исследования, опирающийся на системную парадигму, позволяет в последующем рассматривать факт языка в трех аспектах: системно-структурном, системно-функциональном и системно-эволюционном. Сочетание лингвистических и экстралингвистических данных должно способствовать решению проблем, стоящих на стыке языкознания с такими дисциплинами, как география, история, этнография, археология, фольклористика, психология и т. д.

Первоочередная задача ареалогии была сформулирована М. А. Бородиной как «установление ареалов, определение их типов и их классификация»⁶. Решение этой задачи позволит интерпретировать взаимодействие внутренних, внешних и внеязыковых факторов, обуславливавших пространственную дистрибуцию факта языка. Другая не менее важная задача ареалогии — разработка теории лингвистического пространства.

С использованием картографической модели в ареальных изысканиях лингвистов открывается возможность выявления новых данных о языке и его носителях как исторического, так и прогностического характера.

Опыт тюркской ареальной лингвистики показал, что характер ареальных источников предопределяет и характер развертывания ареальных исследований, а своеобразие исторических ситуаций в различных частях тюркского лингвистического пространства порождает и своеобразие применения приемов ареальной лингвистики⁷. М. А. Бородина в качестве источников ареалогии называет следующие: 1) лингвистические карты и атласы; 2) любые датированные и локализованные данные; 3) экстралингвистическая ситуация⁸. В отношении языков, для которых еще не составлены диалектологические атласы, немалое значение имеют диалектологические описания, которые остаются пока основными источниками ареалогии.

Структура и зональное строение системы узбекских диалектов. Специфика развертывания ареалогических исследований в узбекском языкознании. Пристальное внимание, уделяемое тюркологами-ареаловедами среднеазиатскому региону, с которого и началось широкое изучение тюркских языков приемами ареальной лингвистики, обусловлено тем, «что на этой территории благодатных оазисов проходили основные потоки переселения тюркских племен. Зарегистрированные здесь процессы языковой интерференции представляют большой теоретический интерес»⁹.

В среднеазиатском регионе располагается один из самых сложных в диалектном отношении тюркских языков — узбекский. Исключительное диалектное разнообразие узбекского языка объясняется сложными историко-этнолингвистическими процессами, протекавшими в течение многих веков на территории нынешнего Узбекистана и сопредельных с ним государственных образований. В настоящее время узбекская диалектология располагает значительным числом работ¹⁰. Причем диалекты многих областей охвачены картированием.

Анализ многочисленных классификаций узбекских диалектов, изучение опыта картирования говоров и монографических их описаний позволяют выделить в пространственном распределении узбекских говоров, диалектов и различных их группировок два уровня организации системы диалектов узбекского языка: а) условно именуемый нами «уровень структурной организации» (или же структура системы диалектов) и б) уровень зональной организации.

Уровень структурной организации диалектной системы узбекского языка нашел свое отражение в существующих классификациях узбекских диалектов¹¹, а именно — в выделении трех наречий: кыпчакского, огузского и карлукского, генотип которых соответственно восходит к трем языковым группам тюркских языков.

Носители кыпчакского наречия расселены по всей территории Узбекской ССР, Таджикской ССР и Казахской ССР, а также на территории Афганистана. Проживают они и в других союзных республиках и сопредельных зарубежных странах¹².

Носители огузского наречия в основном живут в Хорезме, в отдельных районах Бухарской и Самаркандской областей; вкрапления огузских говоров отмечаются и на юге Узбекистана¹³.

И кыпчакское и огузское наречия характеризуются наличием сингармонизма.

Наиболее обособленным и сложным по структуре является карлукское наречие¹⁴, в котором закон сингармонизма отсутствует. Представители этого наречия локализуются главным образом в городах и прилегающих к ним кишлаках.

Носители карлукского наречия, проживающие в ряде населенных пунктов и городов Бухарской, Самаркандской, Навоинской, Кашкадарьинской, Сурхандарьинской, Ташкентской областей, Ферганской долины, Таджикской ССР и Северного Афганистана, владеют также таджикским языком.

На территориях Хорезма и Верхней Кашкадарьи зафиксированы так называемые переходные говоры, занимающие по своим показателям промежуточное положение между говорами кыпчакского и огузского (Хорезм), кыпчакского и карлукского (Верхняя Кашкадарья) наречий. Не исключено, что подобные говоры могут быть обнаружены в других частях узбекоязычного массива.

Состояние зональной организации системы диалектов узбекского языка находило отражение и в опытах классификаций узбекских диалектов (например, указывалось на пространственное обособление североузбекских говоров, а также таких групп говоров узбекского языка, как бухарская, ферганская, хорезмская, ташкентская и т. д.).

Структурная и зональная организации системы диалектов узбекского языка существенно различаются между собой благодаря следующим особенностям:

1) в структурной организации представлена общая форма существования системы узбекских диалектов; зональная организация устанавливает ее локальный характер;

2) в структурной организации системы узбекских диалектов представлено бесконечное множество ритмически повторяющихся компонентов карлукского, кыпчакского и огузского генофондов, в то время как компоненты зональной организации уникальны. Отметим любопытный факт: в ряде классификаций узбекских диалектов приводятся корреляционные матрицы наречий (преимущественно по фонетико-грамматическим данным), хотя в любой диалектной зоне, где распространены разнотипные говоры, эти матрицы представлены весьма своеобразно;

3) генезис определенных структур (будь то карлукского, кыпчакского или огузского наречий) системы диалектов узбекского языка отличается единством, между тем как компоненты зональной организации гетерогенны;

4) различия между компонентами (карлукского, кыпчакского и

огузского наречий) выражены четко, различия же между компонентами зональной организации выражены менее четко.

В силу диалектной разнородности узбекского языка, особенностей исторического развития народов Средней Азии и по причине малоизученности ряда этнолингвистических аспектов до сих пор, на наш взгляд, не вполне ясно осознавалось различие между двумя уровнями организации системы диалектов узбекского языка.

Изложенные различия, как нам представляется, позволяют более отчетливо различать эти уровни организации системы диалектов узбекского языка, используя для каждого из них указанные выше наименования. Ареалогические исследования в узбекском языкознании призваны способствовать теоретическому осмыслению зональной организации системы диалектов узбекского языка. Единство диалектной зоны узбекоязычного массива (как уровня организации системы диалектов) обусловлено единством историко-этнокультурных факторов, оказавших воздействие на формирование и развитие ее диалектов и говоров. Как правило, каждая диалектная зона более или менее точно совмещается с соответствующим историко-этнографическим (историко-культурным) континуумом (областью)¹⁵. В состав историко-этнографического континуума «могут входить группы, различные по языку, происхождению и даже принадлежащие — в некоторых случаях — к разным хозяйственно-культурным типам»¹⁶. Такой континуум обычно объединен общностью исторической судьбы, многовековыми контактами, экономическим, культурным и политическим сотрудничеством населения. Поэтому зональная организация системы диалектов узбекского языка в разных частях узбекоязычного массива связана с различными естественно-географическими, этноисторическими и культурными факторами. Так, верхнекашкардарьинская и нижнекашкардарьинская диалектные зоны узбекского языка различаются не только по своим физико-географическим условиям. Историко-культурная самобытность этих регионов подтверждается данными археологии, согласно которым верхняя и нижняя части долины Кашкардарьи обособились еще в III—V веках н. э., при этом на обособление влияли и этнические процессы¹⁷. Археолог С. Б. Лунина пишет: «Возможно, своеобразие двух зон в пору развитого средневековья определялось не только природно-климатическими особенностями и традиционным существованием издревле двух историко-культурных районов — Кеша и Несефа, но и традиционными связями с двумя „супергородами“: западных районов с Бухарой и восточных с Самаркандом. Поэтому на долину Кашкардарьи накладывался своеобразный отпечаток культуры соответствующих городов. Связям с Бухарой благоприятствовало прохождение путей по равнинной местности. Самарканд же, хотя и был расположен за горным хребтом, издревле был связан с Кешем дорогами, идущими через перевалы Джам, Тахтакарача, а также более далекой, но удобной дорогой, идущей в обход горной системы»¹⁸. Факты языка также свидетельствуют, что лексика карлукских говоров Верхней Кашкардарьи ближе к самаркандскому говору, чем к бухарскому¹⁹. Наши наблюдения показали близость кыпчакских говоров Верхней Кашкардарьи к кыпчакским говорам предметий Самарканда. Ср., например, таблицу, приведенную на странице 49.

В последние годы этнографы-тюркологи уделяют значительное внимание изучению историко-этнографических континуумов Средней Азии, их специфики. Так, Т. А. Жданко пишет: «Историко-этнографические области в условиях Средней Азии и Казахстана имели некоторые специфические особенности: вследствие своеобразия оазисного характера расселения (оазисы, долины горных рек и др.) в них, как нам пред-

ставляется, более устойчиво сохранялась роль естественного географических рубежей. Так, мы полагаем, что можно выделить в качестве историко-культурных областей Хорезмский, Бухарский, Ташкентский, Мургабо-Тедженский, Архалтекинский оазисы, Ферганскую долину, бассейн Среднего Зеравшана (область Самарканда). Вторая особенность, в некоторой степени связанная с первой, — большая древность (в некоторых случаях непрерывность) сложившихся в таких районах-оазисах элементов культурной общности»²⁰.

Таблица

Бухарский говор	Самаркандский говор	Кыпчакские говоры предместий Самарканда	Кыпчакские говоры Верхней Кашкадарьи	Русский перевод
<i>хулбой</i> <i>шук ушук</i> <i>кэлпош</i> <i>кэлпошдоз</i>	<i>пудънэ</i> <i>мэтэл</i> <i>калпѳ</i> <i>калпѳдоз</i>	<i>пѳдънэ</i> <i>матал</i> <i>қалпах</i> <i>қалпах</i> <i>тиккич</i>	<i>пѳдънэ</i> <i>матал</i> <i>қалпах</i> <i>қалпахчы </i> <i>қалпах</i> <i>тиккич</i> <i>чапқы</i>	'мята' 'сказка' 'тюбетейка' 'мастер, шьющий тюбетейки' 'перочинный нож'
<i>кистэпичѳқ</i>	<i>чѳпқы</i>	<i>чапқы</i>		
Городские говоры Верхней Кашкадарьи	Узбекский литературный язык	Русский перевод		
<i>пудина</i> <i>мэтэл</i> <i>калпѳ</i> <i>қалпѳ:доз</i>	<i>ялпиз</i> <i>эртак</i> <i>дўппи</i> <i>дўппидўз</i>	'мята' 'сказка' 'тюбетейка' 'мастер, шьющий тюбетейки' 'перочинный нож'		
<i>чѳпқи</i>	<i>қаламтарош</i>			

Безусловно, названная проблема сложна в теоретическом отношении и ждет специальных исследований по выделению, наряду с историко-этнографическими континуумами Средней Азии, и диалектных зон узбекского языка, конкретизации их границ, установлению возможных корреляций между соответствующими диалектными зонами и историко-этнографическими континуумами.

В начале подготовительной работы в этом направлении было бы целесообразно вести, на наш взгляд, наряду с описаниями диалектов и говоров, картирование и картографическое моделирование диалектных явлений по сложившимся историко-этнографическим континуумам, ибо их диалектно-языковая история характеризуется хронологической глубиной и сложностью развития, в противоположность говорам территорий, заселенных позднее.

Для реконструирования диалектно-языковых ситуаций в историко-этнографических континуумах Узбекистана, вероятно, потребуется, наряду с использованием ранее накопленных описательных материалов, комплексное (диалектологическое, социолингвистическое, историко-этнографическое и археологическое) изучение, по крайней мере, следующих крупных городов (включая и их пригородные районы): Ташкент, Бухара, Самарканд, Шахрисябз, Қарши, Термез, Хива, Ургенч, Фергана, Андижан и Қоканд.

Представляется возможным наметить определенную последовательность этапов развертывания ареалогических исследований в узбекском языкознании:

1. Анализ исходного состояния ареалогических источников. Это — начальный этап, поскольку состояние ареалогических источников предопределяет выбор территории для соответствующего изучения. Относительно широкая диалектная охарактеризованность (тексты, словарные материалы, монографические описания и отдельные опыты картирования) Хорезма, Южного Казахстана, Восточного Самарканда, Бухарской, Кашкадарьинской, Ташкентской областей и Ферганской долины позволяет перейти к решению ареалогических задач.

2. Целевая разработка проблемы. Создание системы взаимосвязанных, иерархически упорядоченных ареальных показателей: отбор необходимых пространственно дифференцируемых явлений, проектирование диалектных карт и т. д.

3. Картографическое моделирование факта языка производится с помощью изоглоссирования (изофонирования, изоморфирования). Задача моделирования должна быть подчинена познанию сущности моделируемого явления²¹.

4. Обобщение результатов картографического моделирования, интерпретация и типология ареалов²², комбинирование данных смежных дисциплин с целью изучения закономерностей лингвистического пространства.

Тесное взаимодействие ареальных поисков (диалектологии, лингвогеографии и ареалогии) позволяет развернуть ареалогические исследования для языков, диалектологические атласы которых еще не изданы.

¹ В настоящей статье автор помимо работ М. А. Бородиной опирается также на исследование Г. Ф. Благовой, Н. З. Гаджиевой, Б. А. Серебrenникова, Н. И. Толстого.

² М. А. Бородина. Развитие ареальных исследований и основные типы ареалов. — В кн.: «Взаимодействие лингвистических ареалов. Теория, методика и источники исследования», Л., 1980, стр. 7—36; *её же*. О понятиях «диалектология», «лингвистическая география», «ареалогия» и «ареальные исследования». — «Типы языковых общностей и методы их изучения». Тезисы III Всесоюзной конференции по теоретическим вопросам языкознания. М., 1984, стр. 20—22.

³ Р. Я. Удалер. О содержании терминов «лингвистическая география», «ареальная лингвистика», «ареалогия» и др.—Там же, стр. 151.

⁴ См.: О. Н. Мораховская. К разграничению понятий, связанных с терминами «диалектология», «лингвогеография» и «ареальная лингвистика». — Там же, стр. 105.

⁵ О специфике лингвистического пространства см.: М. А. Бородина. Развитие ареальных исследований и основные типы ареалов, стр. 7—9.

⁶ М. А. Бородина. Развитие ареальных исследований и основные типы ареалов, стр. 22.

⁷ См.: Н. З. Гаджиева. Проблемы тюркской ареальной лингвистики. М., 1975, стр. 3; *её же*. Проблемы ареальной лингвистики (на материале языков народов СССР). — «Вопросы языкознания», 1984, № 2, стр. 54; Г. Ф. Благова. Тюркское склонение в ареально-историческом освещении, М., 1982, стр. 59.

⁸ М. А. Бородина. Развитие ареальных исследований и основные типы ареалов, стр. 24.

⁹ Н. З. Гаджиева. Проблемы тюркской ареальной лингвистики, стр. 4.

¹⁰ Историография узбекской диалектологии получила отражение в следующих работах: В. В. Решетов. Узбекский язык. Ч. I. Ташкент, 1959, стр. 51—75; Б. Жўраев. Узбек адабий тили ва ўзбек диалектлари. Тошкент, 1963; А. Г. Гулямов. Из истории узбекского языкознания. — «Общественные науки в Узбекистане», 1967, № 11, стр. 62—67; Ш. Шоабдурахмонов, А. Ишаев. Узбек шевалярининг ўрганилиши ва навбатдаги вазифалар.—«Узбек тили ва адабиёти», 1969, № 5, стр. 35—39; Ш. Шоабдурахмонов. Институтда ўзбек тилшунослиги. — «Узбек тили ва адабиёти», 1984, № 2, стр. 12—60.

¹¹ Обзор классификацией узбекских диалектов см.: Х. Дониёров, М. Валиев. Узбек диалектологиясини ўрганишга рус олимларининг қўшган ҳиссаси. — «Труды СамГУ им. Навои», № 102. Самарканд, 1960, стр. 144—161; В. В. Решетов, Ш. Шоабдурахмонов. Узбек диалектологияси. Тошкент, 1978, стр. 29—48.

¹² О кыпчакском наречии и кыпчакских диалектах узбекского языка см.: В. В. Решетов. Изучение узбекских народных говоров.—«Узбек диалектологиясидан материал-

лар», т. I, Ташкент, стр. 7—9; Х. Данияров. Опыт изучения джекающих (кыпчакских) диалектов в сравнении с узбекским литературным языком. Ташкент, 1975; Х. Дониёров. Қипчоқ диалектларининг лексикаси. Ташкент, 1979.

¹³ Об огузском наречии и огузских говорах узбекского языка см.: Ф. А. Абдуллаев. Узбек тилининг ўғуз лаҳжаси. Ташкент, 1978.

¹⁴ В. В. Решетов. Карлуко-чигиле-уйгурская языковая общность узбекского языка. — «Ученые записки Ташкентского госпединститута иностранных языков», вып. VII, Ташкент, 1963, стр. 27—43; Ш. Шаабдурахманов. Карлукское наречие узбекского языка. Ташкент, 1983.

¹⁵ О понятии «историко-этнографическая область» см.: М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (к постановке вопроса). — «Советская этнография», 1955, № 4.

¹⁶ Там же, стр. 12.

¹⁷ С. К. Кабанов. Культура сельских поселений Южного Согда III—VI вв. Ташкент, 1981, стр. 115.

¹⁸ С. Б. Лунина. Города Южного Согда в VIII—XII вв., Ташкент, 1984, стр. 12.

¹⁹ Б. Жўраев. Юқори Қашқадарё ўзбек шевалари лексикаси. — В кн.: «Ўзбек шевалари лексикаси», Ташкент, 1966, стр. 179.

²⁰ Т. А. Жданко. К вопросу о внутрирегиональных этнокультурных связях народов Средней Азии и Казахстана в позднефеодальный период. — «Проблемы современной тюркологии». Материалы II Всесоюзной тюркологической конференции. Алма-Ата, 1980, стр. 308.

²¹ Ср. замечание Э. Неефа: «Карта, бесспорно, служит лишь вспомогательным, но вместе с тем и превосходным инструментом хронологического сравнения, поскольку отображает геометрические структуры, ареалы распространения, совпадения и несовпадения различных явлений. При этом, хотя опасность чрезмерного усиления формального подхода и возникает, ее можно избежать, привлекая для сравнения элементы генетических и функциональных взаимосвязей» (Э. Нееф. Теоретические основы ландшафтоведения. М., 1974, стр. 171).

²² Об основных типах лингвистических ареалов см.: М. А. Бородина. Развитие ареальных исследований и основные типы ареалов, стр. 25—36; *её же*. Ареалогия и типология ареалов. — «Ареальные исследования в языкознании и этнографии». Тезисы пятой конференции на тему «Проблемы атласной картографии». Уфа, 1985, стр. 26—27.

А. З. АБДУЛЛАЕВ, А. Г. ДЖАВАДОВ

**О СЕМАНТИЧЕСКОМ ЯДРЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО
СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ**

Большой интерес для тюркологии, в частности для азербайджанского языкознания, представляет структурно-семантическая классификация сложноподчиненных предложений, предложенная в 30—40-е годы В. А. Богородицким, а позднее уточненная Н. С. Поспеловым и конкретизированная В. А. Белошапковой¹.

Двойственное семантическое отношение придаточного предложения к главному отмечалось большинством русских синтаксистов, считавших, что придаточное предложение относится либо к одному члену главного, либо же к нему целиком.

Азербайджанские языковеды, придерживающиеся аналогичной точки зрения, до последнего времени не предпринимали попыток дать объяснение этому явлению.

А. Н. Баскаков, говоря о данном вопросе и ссылаясь при этом на книгу А. З. Абдуллаева «Сложноподчиненное предложение в современном азербайджанском языке» (Баку, 1974), пишет: «Представляет большой интерес концепция А. З. Абдуллаева, который... союзные сложноподчиненные предложения... подразделяет по семантическому признаку на одноядерные — с одним смысловым центром и двуядерные — с двумя смысловыми центрами»².

В некоторых сложных предложениях придаточное либо заменяет недостающий член главного предложения, либо же раскрывает значение указательного местоимения, входящего в состав главного предложения. Таким образом, придаточное предложение семантически дополняет какой-либо один член главного. Например: *Анчаг о јадымдадыр ки, Ваһид мәним ким олдуғуму биләндә бәрк севинди* (И. Гүсејнов «Доғма вә јад адамлар») 'Я помню только одно, что когда Вахид узнал, кто я, очень обрадовался'; *Сонра Аллахверди баша душду ки, сәһардән бәри Сәдәфә бахыр* (Елчин «Күмүшү, нарынчы, мэхмәри») 'Потом Аллахверди понял, что все время смотрит на Садаф'.

В приведенных ниже примерах придаточные предложения, связанные с главным различными отношениями (временными, изъяснительными, присоединительными), относятся целиком к главному предложе-

¹ В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики. Казань, 1913, стр. 319; Н. С. Поспелов. О различиях в структуре сложноподчиненного предложения.—В кн.: «Исследования по синтаксису русского литературного языка», М., 1956, стр. 50; В. А. Белошапкова. Сложноподчиненные предложения. — В кн. «Современный русский язык», М., 1981, стр. 536.

² А. Н. Баскаков. Предложение в современном турецком языке, М., 1984, стр. 126.

нию. Например: *Сокра ири одлу бир көз бурулуб фырланырды ки, Имир көзлэрини ачды* (М. Сүлейманлы «Көч») 'Потом, когда стал выкручиваться и вращаться какой-то пламенеющий глаз, Имир открыл глаза'; *Ағын өзүнүзкүләрә кедиб ки, он беи јашына чатмамыш гошулуб гачсынлар* (Ә. Вәлијев «Турачлыја кедән јол») 'Ты судишь по своим, которые, не достигнув пятнадцати лет, выскакивали замуж'.

Из приведенных примеров видно, что, хотя придаточные, относящиеся целиком к главному предложению, в сложноподчиненных предложениях имеют два смысловых ядра, в предложениях первой группы они имеют всего одно смысловое ядро. Исходя из этого, все сложноподчиненные предложения современных тюркских языков, в том числе и азербайджанского, нами подразделяются на две семантико-синтаксические группы — одноядерные и двудерные, отличающиеся друг от друга семантикой структурных элементов, объемом выражаемого смысла, семантической самостоятельностью и смысловой завершенностью компонентов.

Наблюдения показывают, что придаточные предложения подлежащего, сказуемого, определения, образа действия бывают одноядерными, а придаточные следствия, условия, противопоставления — двудерными. Некоторые типы придаточных причины, цели, степени, а также присоединительные бывают двудерными, а другие — одноядерными. Придаточные предложения времени по своей природе обладают двойственной особенностью. Одни типы (особенно, когда придаточное занимает препозитивное положение) бывают двудерными, а другие — одноядерными. Подобное подразделение сложноподчиненных предложений вовсе не исключает роли грамматических средств связи между их компонентами. Наоборот, на грамматическом фоне ярче проявляются семантические особенности сложных предложений.

Для объяснения факта обладания некоторыми сложноподчиненными предложениями одним семантическим ядром, а другими — двумя, необходимо проследить процесс их развития. Еще в 1937 году в статье, посвященной аккадскому языку, А. П. Рифтин указывал на два пути образования сложных предложений: 1) соединение двух простых предложений на основе сочинения; 2) усложнение состава простого предложения и образование из него сложного³. Соединение двух простых предложений на основе сочинения впоследствии стало важным условием для развития подчинения⁴.

Несколько позже, касаясь этого вопроса, Г. С. Кнабе писал: «Теория эта, как известно, заключается в том, что в ходе исторического развития языка, помимо создания сложного гипотактического предложения путем объединения ряда простых („первый путь”), возможно было возникновение его в рамках простого предложения путем преобразования... глагольных оборотов в придаточные предложения („второй путь”)⁵.

Среди многих лингвистов бытует мнение, что некоторые сложноподчиненные предложения образовались в результате отпочкования от простых предложений каких-то сочетаний, вызванного, очевидно, необходимостью семантической разгрузки и более точного выражения мысли, другие же сложноподчиненные предложения образовались в результате попарного соединения простых предложений⁶.

³ А. П. Рифтин. О двух путях развития сложного предложения в аккадском языке. — «Советское языковедение», т. III, Л., 1937, стр. 66.

⁴ Там же.

⁵ Г. С. Кнабе. Еще раз о двух путях развития сложного предложения. — «Вопросы языковедения», 1955, № 1, стр. 108.

⁶ Ә. З. Абдуллајев. Мүасир Азербайжан дилинде табели мүрәккәб чүмләр. Баки, 1974, стр. 385—388.

Сложные предложения, образованные способом «выключения», являются одноядерными, тогда как остальные — двуядерными.

О развитии одноядерных предложений высказывались различные точки зрения. Основная же мысль заключается в том, что одноядерные сложноподчиненные предложения образовались в результате распространения одного члена — «активного» сочетания, выходящего из состава простого предложения⁷.

«Выключающийся член» в главном предложении заменяет указательное местоимение, которое является «моделью» придаточного. Подобные «модели», как кажется на первый взгляд, указывают на завершенность главного предложения, но основное содержание (отмеченное указательным словом) нуждается в пояснении и раскрытии. А второй компонент комментирует (поясняет) это содержание. Справедливо по этому поводу высказывание Г. Мирзааде: «...В главном предложении входит указательное местоимение, фактически заменяющее придаточное предложение, и так как оно отвечает на поставленный вопрос, то главное предложение кажется завершенным»⁸.

Неопределенность и замкнутость главного предложения исчезает только тогда, когда придаточное предложение выступает как «реальное содержание местоимения»⁹. Например: *Бэхтијардыр о шаир ки, сәндән ала илһамыны, сәнәтинин гүдрәтини* (С. Вургун «Сечилмиш әсәрләри», II чилд) 'Счастлив тот поэт, который черпает вдохновение и силу творчества у тебя'; *Тәкчә она севинирди ки, әми илә гардашоғлунун арасы ачылмышды* (И. Һүсейнов «Јанар үрәк») 'Он радовался лишь тому, что отношения между племянником и дядей стали откровенными'; *Гәшәм-киши буну да һисс едирди ки, һәмин һадисә чаванлыгла бағлыдыр* (Елчин «Күмүшү, нарынчы, мәхмәри») 'Гашам-киши чувствовал, что это событие связано с молодостью'.

На начальном этапе развития языка одноядерные предложения воспринимались как предложения с двумя предикативными центрами. В эпосе «Китаби-Деде-Коркут» встречаются предложения, отражающие эту начальную стадию развития: *Рәсул Әлејһүссәләм заманына јахын Баят бојундан Горғуд Ата дерләр, бир әр гонду* (КДГ, 14)¹⁰ 'В период близкий ко времени явления посланника (пророка) в народе Баят появился мужчина по имени Деде Коркут'; *Мәкәр ханым, Оғузда Духа Гоца оғлу Дәли Домрул дерләрди, бир әр варды* (КДГ, 14)¹⁰ 'В период хан, был мужчина по имени Дели Домрул—сын Духа Годжа'.

При внимательном рассмотрении становится очевидным, что конструкция, окружающая первый предикативный центр *дерләр* 'говорят', относится к субстантивному члену во втором предложении: *әр* 'мужчина'. В результате естественного развития языка и формирования со временем абстрактного мышления первое предложение начало играть роль определенного члена второго предложения: *Дирсә-хан дејилән бир бәјин оғлу-гызы јох иди* 'У некоего бека по имени Дирсә-хан не было ни сына, ни дочери'. Таким образом, предложения с последовательной связью (архаическая форма синтаксического примыкания) преобразовались в

⁷ А. З. Абдуллаев. Указ. раб., стр. 385; Э. А. Грунина. Некоторые вопросы синтаксиса сложноподчиненного предложения в современном узбекском языке. — В кн.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков». Ч. III. Синтаксис. М., 1961, стр. 149.

⁸ Һ. Мирзәзадә. Азербайжан дилинин тарихи синтаксиси. Бақы, 1968, стр. 137.

⁹ Там же.

¹⁰ Примеры взяты из издания «Китаби-Дәдә-Горғуд», Бақы, 1978 и сопоставлены с турецким изданием: *Orhan Şaik Gökyay. Dedem Korkudun Kitabı. Istanbul, 1973.*

простые предложения с глагольным оборотом. Естественное стремление языка к компактности и экономии исторически привело к слиянию двух предложений в единое целое.

Структуры подобного типа конструировались не только с помощью слова *дёрләр* ('говорят'), но и с помощью предикативов *вар, јох* 'есть, нет', вследствие чего предложение, теряя предикативную функцию, приобретало функцию атрибутивную. В живой разговорной речи такие выражения, как *бир гычы јох* 'без одной ноги', *бир голу јох* 'без одной руки', выступают в роли определения и выражают свойства объекта.

* Предложения, включающие подобные сочетания, А. Н. Кононов относит к сложным: *Kolu yok bir herif bugaya gelir* (У. К. Караосманоглу) 'Сюда приходит безрукий субъект'¹¹.

Со временем простые предложения становились громоздкими для употребления и приводили к определенным трудностям при коммуникации в связи с расширением и увеличением использования в ее процессе глагольных оборотов. За счет выпадения из состава простых предложений соответствующих первичных сочетаний формировались сложные предложения с появлением «штампов» в составе главного предложения. Придаточные предложения одноядерных сложноподчиненных предложений отвечают на те же вопросы, что и «штампы», характер которых зависит от того члена главного предложения, функцию которого они выполняют.

В узбекском памятнике XIII века «Тефсир» встречаются переходные предложения, в которых отмечаются отношения подчинения между главным предложением и «выключенным» оборотом. Примеры: *Билділәр кім, ашһаб—ал Кһһф кішіләрі өлмүшүнү...* 'Узнали, что обитатели [святой] пещеры были мертвы'¹². *Джабра'ил билди кім, Мәрјәм қорқмәшһні* 'Джебраил узнал, что Марьям испугалась'¹³.

Конструкции такого типа встречаются также в азербайджанском фольклоре и живой речи, например: *Бир елә адам тапмады ки, ачыб үрәјини сиррини демәјә* («Азербайжан нағыллары») 'Он не нашел подходящего человека, чтобы раскрыть ему тайны своей души'; *Бир елә адамым јохдур ки, бу иши көрмәјә* 'Нет у меня человека, который бы сделал это'. В приведенных примерах можно видеть рудименты перехода инфинитных глагольных оборотов в придаточные предложения.

Помимо приведенных конструкций развития одноядерных сложноподчиненных предложений существует и ряд других.

Вопрос соединения простых предложений сочинительной связью не вызывает больших разногласий. Как отмечает У. Б. Алиев: «Мысль о соединении двух предложений на базе сочинения и возникновения на этой базе подчинения—бесспорна»¹⁴. Однако это, естественно, относится не ко всем сложносочиненным предложениям. Только в некоторых предложениях сочинительная связь между компонентами предложения может развиваться в подчинительную.

Т. П. Ломтев в данном вопросе придерживается иной позиции. Он полагает, что, поскольку подчинительные союзы не могут быть образо-

¹¹ А. Н. Кононов. О некоторых типах бессоюзного сложноподчиненного предложения в турецком языке. — «Советская тюркология», 1971, № 4, стр. 10.

¹² А. К. Боровков. Из материалов для истории узбекского языка. — «Тюркологический сборник». М.—Л., 1951, стр. 78.

¹³ Н. З. Гаджиева. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973, стр. 382.

¹⁴ У. Б. Алиев. Синтаксис карачаево-балкарского языка. М., 1973, стр. 266.

ваны из сочинительных, постольку сложноподчиненные предложения не могут образовываться из сложносочиненных¹⁵.

С другой стороны, существует мнение, что союзные средства могут употребляться как в сложносочиненных, так и в сложноподчиненных предложениях. Исследуя старотюркский письменный памятник, Г. А. Абдурахманов отмечает, что союз *mägär* 'разве' употребляется в составе как сложносочиненных, так и сложноподчиненных предложений: *Көзи соқ киши нәңгә тодмас көзи, Мägär болмағынча қара йәр йүзи* 'Жадный не насытится ничем, до тех пор, пока не сойдет в могилу'; *Қамуғ иш ичиндә амуллуқ одүр, Мägär тағат әрсә сән әwgил йүжүр* 'Во всех делах стремись к хладнокровию, только в служении богу будь расторопен (букв.: спеш и беги)' (КБ, LX, 153/6; XXX, 76/28)¹⁶.

Н. З. Гаджиева относит данный процесс к числу наиболее древних форм связи между простыми предложениями, именуя его «примыканием». Она пишет: «Примыкание простых предложений передает не только сочинительные, но и подчинительные отношения»¹⁷.

Наблюдения над древнетюркскими письменными памятниками показывают, что в образовании сложноподчиненных предложений наиболее древним является способ соединения между собой простых предложений. В орхоно-енисейских памятниках встречаются предложения, соединенные между собой последовательной (цепной) связью, которую трудно отнести и к сочинению, и к подчинению¹⁸: *Інім күлтігін кәргәк болты, өзім сакынтым, көрүр көзім көрмаз тағ билір билгім білмәз тағ болты, өзім сакынтым* 'Мой младший брат, Кюль-Тегин, скончался, я же заскорбел; зрячие очи мои словно ослепли, вещий разум мой словно отупел, (а) сам я заскорбел'¹⁹.

Вопрос о структурно-семантических отношениях в предложении и его грамматической природе требует дальнейшего изучения. Наблюдения показывают, что определение структурно-семантических типов сложного предложения представляет теоретический и практический интерес с точки зрения изучения синтаксического яруса языка и раскрытия закономерностей его развития.

¹⁵ Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956, стр. 491.

¹⁶ Г. А. Абдурахманов. Исследование по старотюркскому синтаксису (XI век). М., 1967, стр. 148.

¹⁷ Б. А. Серебренников, Н. З. Гаджиева. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979, стр. 282.

¹⁸ См.: Н. З. Гаджиева. К вопросу о методах изучения истории тюркских языков (на материале синтаксических конструкций).—В кн.: «Тюркологические исследования», М.—Л., 1963, стр. 125.

¹⁹ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951, стр. 33—43.

А. Дж. АЛИЗАДЕ

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ СЛОВ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА XVI ВЕКА

Языковые факты, зафиксированные в письменных памятниках азербайджанского языка XVI века, и прежде всего в произведениях Физули, представляют огромный лингвистический интерес. Великий поэт был автором и первых произведений азербайджанской прозы «Дибаче» и «Шикаятнаме». Ему принадлежит также перевод на азербайджанский язык и такого произведения арабской литературы, как «Хадигат-ус-суада». Изучение произведений Физули дает наиболее полное представление о лексическом составе азербайджанского языка XVI века. В его сочинениях имеется множество азербайджанских слов, изменивших за минувшие столетия и свою форму, и свою семантику. В числе таких слов можно отметить такие, как *gangu* 'который', *gaty* 'много', *ün* 'звук', *jeg'* 'хорошо', *netä* 'какой', *sunmak* 'представлять, наполнять, пить', *saǰu* 'больной', *uǰmak* 'ад', *jazy* 'степь, равнина' и др. Физули широко использует разговорную лексику, обогащая тем самым словарный состав и смысловые оттенки литературного языка: *äg'in* 'тело', *it* 'собака', *därgvazä* 'ворота', *sänduk* 'сундук', *iplik* 'пряжа', *jasduk* 'подушка', *hämham* 'баня', *eşik* 'двор', *bašmag* 'башмак' и др.

Изучение слов общенародного языка, вошедших в произведения Физули и отражающих древнее его состояние, дает богатый материал для исторических языковедческих исследований. Так, Х. Мирзазаде пишет: «Преобладание азербайджанских слов в языке Физули, что указывает на проявление национальной самобытности мышления народа, дает прекрасную возможность представить общую картину развития литературного языка того времени»¹.

В настоящей статье предпринята попытка проанализировать определенную часть древних азербайджанских (тюркских) слов в произведениях Физули, употреблявшихся в литературном языке XVI века. Изучение лексики прозаических и поэтических сочинений Физули свидетельствует об эволюции формы и содержания многих слов, некоторые из которых со временем переосмыслились, а в ряде случаев перешли в разряд архаизмов. Исследования проводились на основе рукописи произведения «Хадигат-ус-суада», хранящейся в Институте рукописей Академии наук Азербайджанской ССР (М-249, 11468, датируется 1592 годом), и фотокопии рукописи «Дивана» (№ 4062, датируется 1572 годом). С целью уточнения истинного значения тех или иных слов они приводятся в контексте предложения.

¹ *Б. Мирзазаде*. М. Физулинин дили. Баку, 1965, стр. 31.

Adärbajžan 'название территории' (ФХС, XVI в. 165а). Как известно, слово «Азербайджан» исторически не было широкоупотребительным. Впервые в выражении *Azärbajžan dili* оно встречается у Хатиба Тебризи (XI в.)². На карте Махмуда Кашгари, приложенной к его «Дивану», это название представлено в фонетически измененной форме, как «Азерабадған», а у М. Казем-Бека как «Адербиджан»³ (географическое понятие). Это слово встречается и у Физули в «Хадигат-ус-суада» (1592 г.) в форме *Adärbajžan*.

Tapančä в значении 'оплеуха, пощечина' (ФХС. XVI в. 203б.); *tapančä urdı* 'дал пощечину' (там же, 134а).

Это слово встречается и у Хатаи в «Дехнаме»: *tapančä* или *tabančä*, а также в азербайджанском переводе «Шухаданаме», образце прозы XVI века, как *tapančä* (ШН, XVI в. 192а).

Любопытно, что и в персидском тексте «Шухаданаме» в значении «пощечина», также употребляется слово *tapanče*⁴. Корень этого слова можно представить как *tap-*; в словаре Махмуда Кашгари приводится выражение: *tap-tap ur* (III, 145) 'ударить, ударять открытой ладонью'. То же значение отмечено и в ДТС (с. 533). М. Ряснен передает значение *tap-ta* словом *stáprfen* 'топать, тяжело ступать'⁵. В таком случае звукоподражательное *tap//tab*⁶ посредством словообразовательных аффиксов *-an* и *-ča* преобразуется в слово со значением «стукнуть, ударить, дать оплеуху». С помощью архаичного аффикса *-an* и ныне еще продуктивного аффикса *-ča* образовались такие слова, как *gazanča* 'маленький котел, котелок', *gulanča* 'жеребенок', *bauča* 'бахча', *bouča* 'узел (с вещами)' и др. Таким образом, слово *tapančä*, будучи производным и не столь уж древним, образовалось в результате последующего развития языка; на основании источников его употребление датируется XV—XVI веками.

Следует отметить, что в бытующем в народе выражении *елә вуурам ки, tapanča кими партлар* 'так ударю, что пощечина прозвучит pistolетным выстрелом', слово *tapanča* уже переосмыслено и обозначает вид огнестрельного оружия—пistolет⁷. Кстати, отметим, что Г. Дёрфер слово *tapanča* фиксирует в словаре и в этом новом значении — «pistolет»⁸.

Viçgi в значении 'пила' (ФХС, 346) употребляется и в «Шухаданаме» (ШН, 476).

М. Ряснен приводит в своем словаре близкие по значению слова, употребляющиеся в ряде тюркских языков: в якутском (*bi, mi* 'острое

² См.: «Азербайжан тарихи», Баку, 1961, стр. 187; Т. Гачыјев, К. Вәлијев. Азербайжан дили тарихи. Баку, 1983, стр. 9; М. Махмудов. Пијада... Тәбриздән Шама гәдәр. Баку, 1983, стр. 39.

³ М. Казем-Бек. Общая грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1846, стр. 21.

⁴ М. Рәһимов. Азербайжан дилинин XVI әср јазылы абидәсиндә ишләнмиш бир сыра сөзләр һаггында. — «Азәрб. ССР ЕА хәбәрләри», 1962, № 8, стр. 4.

⁵ М. Räsänen. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkisprachen. Helsinki, 1969, с. 4626.

⁶ Образование производных слов посредством имитатива характерно для тюркских языков: (ср. *tap-* 'пина́ть, топáть'; *tap-*, *tartab* 'топанье, топот', *ter-*: *teroek* 'удар ладонью' и т. п. См. Г. Е. Корнилов. Имитативы в чувашском языке. Чебоксары, 1984, стр. 111—114).

⁷ М. Чавадова. Шаһ Исмајыл Хәтаинин лексикасы. Баку, 1977, стр. 70.

⁸ G. Doerfer. Türkische und Mongölishe Elemente im Neupersischen. Wiesbaden, Band III, 1967, стр. 339.

лезвие'; bi-ge, pi-ze 'точить'), тунгусском (bi-, mi- 'резать'), турецком (bi-, ba- 'точить'), туркменском, кумыкском (biz, bis 'лезвие')⁹.

Корень слова buǧu—bi 'лезвие'¹⁰ в азербайджанском языке путем звуковых и морфемных изменений на основе того же значения образовал целый ряд лексем: bi-č- 'жать', bi-z 'шило', bi-löv 'точильный брусок', bi-čak 'нож', в которых отчетливо прослеживается семантическая разветвленность этого понятия.

Интересно, что слово buǧu в значении «пила» встречается в некоторых азербайджанских диалектах и говорах (АДДЛ, 83). Встречается оно также в художественной литературе и даже в технических текстах¹¹. [Күлшәнин сәһәсиндәки коллары елә бил бычы илә касиб һамысыны бир бојда еләмишләр (Ә. Вәлијев «Күлшән») 'На участке Гюльшен все кусты были одной высоты, как будто их подравнили пилой'].

Jüg'üš 'много' (ФДФК, XVI в., 28).

Слово жүгүш встречается в этом же значении и в произведениях Насими (XIV в.), Кишвари (XV в.), Хатаи (XVI в.). В приведенном значении жүгүш//өгүш употребляется в орхоно-енисейских надписях, в «Диване» Махмуда Кашгари и других памятниках тюркской письменности, например: öküš ηη 'много вещей' (МК I, 62), öküš 'много', öküšlämäk 'увеличиваться, размножаться'¹² ögüš 'много, множество'¹³. Можно предполагать, что слово үкүш 'много' образовано от корня үк-со значением 'собирать, накапливать' (ДТС, 632; МК I, 167) +үш.

По мнению С. Е. Малова, современное якутское слово *угус* является фонетическим вариантом слова жүгүш//өгүш.

В современных азербайджанских диалектах и говорах слово жүгүш не встречается. По-видимому, позднее оно было заменено его семантическими дубликатами — *чох, чохлу*. По наблюдению Х. Мирзаде, это слово, претерпев определенные фонетические изменения в живой разговорной речи, сохранилось в выражениях *аз-гүш хәбәрин вар* 'кое-что тебе известно', *аз-гүш билир* 'кое-что знает' в качестве антонима в коррелятивной паре¹⁴.

Sāyār 'посуда для вина; пиала' (ФДФК, XVI в., 20).

Слово sayār в словаре Махмуда Кашгари представлено в форме sayīr, sayrak (I, 406; I, 471) в значении 'посуда для вина', kasa 'чашка, миска', čānag 'посуда; большая деревянная чаша, миска'. Слово sayrag в этом же значении отмечается и в дастане «Книга моего деда Коркуда»: *Тогуз гәра көзлү хуб жүзлү кафир гызлары галын огуз бәкләринә сағраг сүрүб ичирләрди* 'Девять чернооких прекрасноликих красавиц, дочерей гяуров, подавали кубки огузским бекам' (КДК, 36, XI в.); sayīr также 'посуда для приготовления напитка' (ДТС, 480).

Как отмечает Г. Зариназаде, в персидском языке слово sayār означает и «посуду для вина» и само «вино»¹⁵.

Среди исконных азербайджанских слов, встречающихся в произведениях Физули, наибольшее число составляют глагольные формы,

⁹ M. Räsänen. Указ. словарь, стр. 75а.

¹⁰ Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка. Т. I, Л., 1959, стр. 452; «Древне-тюркский словарь», Л., 1969, стр. 97; Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. Буква «Б», М., 1978, стр. 131.

¹¹ Ә. Чәфәров. Тикинти ишләринин технолокијасы. Баки, 1955, стр. 235.

¹² «İbnü Mühennâ Lüğati». Aptullah Battal, Istanbul, 1934, стр. 55.

¹³ Хорезми. Мухаббатнаме. М., 1961, стр. 34.

¹⁴ Һ. Мирзәзәдә. Физули дилинин лексик тәркиби һаггында. — «Труды Института литературы и языка АН Азерб. ССР», т. 8, 1957, стр. 171.

¹⁵ Һ. Зәринәзәдә. Фарс дилиндә Азәрбајҗан сөzlәри. Баки, 1965, стр. 310.

то есть те языковые единицы, которые благодаря присущей им многозначности, наиболее полно отражают национальный колорит и специфику азербайджанского языка. Большинство встречающихся в произведениях Физули глаголов бытует и в современном азербайджанском языке: *а́стак* 'отпирать, развязывать, раскрывать, расцветать, начинать', *иптак* 'ожидать', *го́птак* 'класть, ставить, пускать, оставлять', *дургизтак* 'будить', *сизгинтек* 'сеять, брызгать', *актак* 'течь, протекать, литься' и т. д.

Некоторые из глаголов стали архаизмами, однако отдельные основные их значения в тех или иных словосочетаниях сохранились. Физули использует глаголы как художественно-стилистическое средство языка, глубоко и полно раскрывая их полисемантическую. С этой точки зрения характерны выражения с глаголом *тутмаг//дутмаг* 'держат, ловить, поймать': *гулаг дутди* 'услышал' (ФХС, 1006), *сэбр дутди* 'стерпел; уммид тутди 'надеялся' (ФХС, 136); *дил дутду* 'говорил' (ФДФК, 38)¹⁶. Эти примеры можно было бы и умножить. Ниже рассматриваются активные, нормативные в эпоху Физули глаголы, ставшие в современном азербайджанском языке архаизмами.

Оғартмак 'лечить, исцелять' (ФДФК, 108). Этот глагол встречается в ранних памятниках азербайджанского литературного языка, например: *Оғланын јарасы гырг кундә оналды, сапасаг олды*. 'За сорок дней рана юноши исцелилась, он стал совершенно здоровым' (КДК, XI в., 29); *Гара донлу кафирә ат тәпәрәм, ишүми сән онар* 'Я направлю коня на гяура, одетого в черное, пожелай ты успех моему делу' (КДК, 210); *оғурду* (ДАН, XIII в., 53); *оғмасун* (КД, XV в., 122) и т. д. В орхоно-енисейских памятниках это слово употребляется в значении «поправить, сделать верно»¹⁷.

Наличие данного глагола в древних тюркоязычных памятниках, а также в азербайджанских письменных памятниках и в произведениях Физули (XVI в.) свидетельствует об его активном употреблении в общетюркском ареале. В современном турецком языке этот глагол трансформировался в *оғалмак* 'выздоровливать, исправляться', *оғалма* 'исправлять, выправлять'¹⁸. Корень слова *оғалмак*—*оғ-* отмечается в казахском, киргизском, хакасском и староузбекском языках в словах со значениями «верно, правильно»¹⁹. В уйгурском языке *оғ-* употребляется в различных грамматических формах в его первоначальном значении *оғламақ* 'исправлять', 'налаживаться', *оғламақ* 'исправлять', *оғлаш* 'исправление'²⁰.

Э. В. Севортян указывает на следующие значения *оғ* в староосманском языке: «быть удачливым», «удача», «надлежащий, подходящий, удобный», «привносить»²¹. К. М. Мусаев отмечает, что *оғ-//оғ-оғ* имеет значения: «быть удачливым», «поправляться», «выздоровливать»²². Таким образом, употреблявшиеся в древних и средневековых памятниках азербайджанской письменности глаголы *оғаг-*, *оғал-*, *оғалмиш* (их можно расчленить: *оғ-аг*, *оғ-ал*, *оғ-ул-миш*) представляю

¹⁶ О многозначности некоторых глаголов в языке Физули см.: В. Хэлэфов. Физули дилинде сөзүн чоҳмөналылығы. — Журн. «Улдуз», 1968, № 2.

¹⁷ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 404, 407; ДТС, стр. 368.

¹⁸ «Турецко-русский словарь», М., 1971, стр. 690.

¹⁹ М. Räsänen. Указ. словарь, стр. 373; ДТС, стр. 367; Э. Севортян. Указ. словарь, стр. 159—160.

²⁰ «Уйгурско-русский словарь», М., 1939, стр. 105.

²¹ Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962, стр. 370.

²² К. Мусаев. Лексикология тюркских языков. М., 1984, стр. 103.

собой результат последующего развития азербайджанского литературного языка. В современном азербайджанском языке имеется целый ряд одноосновных глаголов с аффиксами -аг, -аг, -ал, -ул²³. Это свидетельствует о том, что в азербайджанском литературном языке начиная с XI века широко использовался глагол оҟ- в его различных временных и залоговых формах (оҟалмак, оҟагма, оҟулмуш и др.).

Sataşmak 'встречаться, встретиться, находить, натолкнуться, наткнуться' и т. д.; *sataşdy* (ФХС, XVI в., 86); *sataşdyлар* 'встретились' (ФХС, 936). Этот глагол встречался в азербайджанском литературном языке еще до XVI в.: *sataşur* (ДАН, XIII в., 49); *sataşdu* (ХД, XVI в., 29) и т. д.

Слово *sataşmak* в значении «встретиться» отмечается в тюркских языках и в более давнее время. В «Диване» Махмуда Кашгари *sataşmaq* употреблено в различных глагольных формах именно в этом значении (*satıady*): *Bir yol bir jola çatıdy* 'Одна дорога с другой слилась' (III, 288); *Satıaş—rast gelmek, kavuşmak* 'встретиться, сливаться, примкнуться' (II, 214); *satıaşdy*: *Ol maņa jolda satıaşdı* 'Он мне повстречался в дороге' (II, 214) и *satıar, satıamak, satıaşur* (III, 214) и др.

Отметив первичное значение глагола *sataş* 'встречать' в тюркских языках, В. В. Радлов выделяет помимо него еще пять значений: 1) «встречать», 2) «блуждать», «сбиться с дороги», «ошибиться», 3) «лишиться чувства, рассудка», «с ума сходить», 4) «подшутить над кем-либо», 5) «помешать», 6) «угрожать»: *O bana sataşdy* 'Он мне угрожал' (имеется в виду, что без всякой причины)²⁴. Как видим, семантическое развитие слова *sataş* привело к образованию его новых значений. Корень этого слова *sat-*, производные от него: *sad-a* 'запоздать, промедлить'²⁵, *satıa-* 'пересекаться (о дорогах)' (ДТС, 490) и, наконец, на основе этих значений возникло слово *satıaş-* 'встретиться'. Данный глагол, как и подобные ему *јаpaşmak* 'подходить вплотную', 'причаливать к берегу', *öзäştäk* 'спорить', 'пререкается' и т. п., образованы или при помощи глагольного форманта -а/-ä—одного из самых древних и исторически высокопродуктивных аффиксов²⁶, или же они представляют собой производные формы на -ş, восходящие к древнейшим основам особого типа, имеющим как глагольное, так и именное значение.

Слово *sataşmak* в значении «встречать, сбиться с дороги» отмечалось в словарях М. Рясанена²⁷, Ш. Сами²⁸, в тексте среднеазиатского тефсира XII—XIII вв.²⁹ и у других авторов. М. Рясанен указывает на бытующую в казахском языке форму *sata-* 'встречать'. Д. А. Магазаник в словаре, составленном на основе разговорного турецкого языка и различных функциональных стилей литературного языка, слово *sataşmak* приводит в значении «встречать»³⁰. Слово *sataşmak*, *rastlaşmak* 'встречаться' широко употребительно в письменных памятниках турецкого литературного языка начиная с XIII века. Например: *Bir kez*

²³ Ср. *dirçäl-* 'выздоровливать', 'поправляться', 'оживляться' от *diri* 'живой'; *saçal-* 'выздоровливать', 'вылечиваться' от прилагательного *saу* 'живой'; *guzar-* 'краснеть', 'жариться', 'стыдиться' от глагола *guz-* 'нагреваться'; *јапаг* 'горящий', 'горючий' от глагола *јап-* 'гореть' и т. п.

²⁴ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. СПб, 1911, т. III, ч. I, стр. 377.

²⁵ М. Räsänen. Указ. словарь, стр. 199а; ДТС, стр. 490 и след.

²⁶ Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 136.

²⁷ М. Räsänen. Указ. словарь, стр. 405б.

²⁸ Ş. Sami. Gamusi türki. Ч. III, 1317 хиджры [1899], стр. 799 (арабск. граф.).

²⁹ А. К. Боровков. Лексика среднеазиатского тефсира XII—XIII вв. М., 1963, стр. 263.

³⁰ Д. А. Магазаник. Турецко-русский словарь. М., 1931, стр. 898.

səferdə gıderdim, bir jaşlı pire sataşdum (XIV—XVvv.) 'Однажды, отправляясь в путь, я встретил старца'; Sataşu gəlmək: birdən birə karşulaşmaq, gəst gəlmək 'Неожиданно встретить, наткнуться' (XIV в.)³¹.

Таким образом, значение глагола sataşmaq, связанное со значением его корня (sat-) «задержать, запоздать, промедлить», семантически расширилось, обогатилось новыми смысловыми оттенками: «пересекать дорогу», «задерживать в дороге», «встретить», «встретиться». Слово sataşmaq в значении «встречаться» можно обнаружить в языке фольклорной поэтической формы *goşma*.

В последующем в азербайджанском литературном языке полисемантическое слово *sataşmaq* стало употребляться и в значении «задевать», «трогать»: *Kəzüm kəzünə sataşanda elə bil ki, ildıyırım kimi mənı vuruur* (Үз. Пачыбэјов. Мусигили комедијалар) 'Когда наши взгляды встречаются, как будто молния меня пронзает'. В аналогичном значении находим это слово и у Физули (ФДФК, 121).

Впоследствии многозначный глагол sataşmaq утратил значение «встречаться». В этом значении стало употребляться персидское слово *gəstlaşmaq*, включающее корень *gəst* 'дорога' и аффикс глаголообразования *-laş*³², а также составной глагол *gəst gəlmək* 'встречать, встречаться'.

В поэтическом языке Физули многозначный глагол sataşmaq приобрел и значение «давать»: *taŋru sataşdurmuş* (ФДФК, 82) 'бог давший'.

Как видно из примера, в выражении *taŋru sataşdurmuş* использованное Физули слово sataşdurmuş имеет конкретное значение «давший». Однако при внимательном анализе можно уловить в нем оттенок (хотя и не четко выраженный) первичного значения слова sataşdurmuş 'уготовивший встречу'.

В современном азербайджанском языке *sataşmaq* довольно часто употребляется в значении «столкнуться», «встречаться» (С. Рагимов «Шамо») и т. п.

В сущности говоря, в выражениях *pəzəri sataşdy*, *gözünə sataşdy* глагол sataşmaq означает «столкнуться» в переносном смысле. Ибо глаза двух людей не могут «наскочить, наткнуться, натолкнуться» друг на друга, очевидно, взгляды двух людей «встречаются» друг с другом. Тем не менее в языке закрепились начальная форма (*gözüm gözünə sataşdy*), а не *gözüm gözünə gəst gəldi*, и глагол sataşmaq утвердился в этом выражении в его первоначальном значении.

Sürtmək 'тереть, смазывать, втирать' (ФХС, XVI в., 19а). Это слово в данном значении встречается в более ранних памятниках азербайджанского литературного языка: *Gəl kəpənkəк бојунчуғун сүрər дијејинми?* 'Скажи, волос и шерсть трут его шейку?' (КДК, XI в., 146); *Jüz sürtmək* 'поклоняться' (ГБ, XIV в., 39).

Как видно из примеров, глагол *sürtmək* имел то же значение, что и глагол *sürtmək* 'втирать, натирать, намазывать' в современном азербайджанском литературном языке. Нет сомнения, что форма *sürtmək* очень древняя. В «Древнетюркском словаре» глагол *sürtmək* переводится близким указанному значением: *sürüp* от *sür-* 'скоблить, быть растертым' (ДТС, 518). В словаре же Махмуда Кашгари: *kişi öz jini: süründi* 'человек тер, чесал свое гело' (II, 151); употребление глагола *sür-* в турецком отмечает В. В. Радлов: *äkmäjä jay sürtmək* 'нама-

³¹ «Tarama sözlüğü». (XIII Yüzyıldan Günümüze Kadar kitaplardan Toplanan materyallerle Tarama sözlüğü). Ankara, 1971, c. V, стр. 3326.

³² Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 139.

зав хлеб маслом', *boja sütmäk* 'красить'³³. М. Ряснен приводит *süg-* в значении «боронить»³⁴.

Разделяя существующую точку зрения относительно особого положения односложных корней типа СГС в тюркских языках, отметим при этом, что корень *sügt-* является производной формой от более древнего *süg-*³⁵. В современном азербайджанском литературном языке эта форма воспринимается именно как корень слова *sütmek*, сохранившаяся лишь в колыбельных песнях и других фольклорных материалах.

Г. Заринадзе отмечает, что слово *sütmä(k)* вошло в персидский язык и употреблялось в нем еще до эпохи Сефевидов³⁶. От глагола *süg-* образовалось и существительное *sütmä*³⁷ 'сурьма'. У Физули слово *sütmäk* имеет также и значение *çäktäk* 'открывать, отводить' (ФДФК, 82).

Бытующее в современном азербайджанском литературном языке слово *süggün* также образовано от слова *süg-* 'пахать, подгонять'. В слове *sütmäk*, употребляемом в значении 'выслать, сослать, изгонять', сохраняется его первоначальная семантика: *Билирсән ки, элиндә Украјна вәсигәси олмајанлары тутуб sügäzäklär* 'Ты знаешь, что тех, у кого на руках нет украинских удостоверений, задержат и вышлют' (JBЧ, 34). От глагола *süg-* образованы такие слова современного азербайджанского литературного языка, как *sügüklämäk* 'тащить, волочить, тянуть' и *sügüstmäk* 'сползать, скользить, перемещаться волоком'. Итак, очевидно, что употребляемое в современном азербайджанском языке слово *sütmäk* образовано от *sütmäk*. Эту древнюю форму особенно активно использовал Физули.

Köjtmäk 'гореть'; *köjdü* (122); *köjär* (25); *köjdürizäk* (ФДФК, 85). В азербайджанском литературном языке XVI века слова *köjdü*, *köjär* и *köjdürizäk* имеют соответственно значения: 'сгорело', 'сгорит' и 'сожжет'. Слово *köj-* 'гореть, сгореть' широко употреблялось в предшествующие периоды развития азербайджанского языка: *köjümajä* (ГБ, XIV в., 104); *köjdürdün* (КД, XV в., 137); *köjdürgür* (КД, XV в., 124); *köjnüklü* (ЭН, XV в., 20а). Данное слово нашло отражение и в «Диване» Махмуда Кашгари: *otuñ köjdi* 'дрова сгорели' (III, 246), *köjse* 'если сгорит' (III, 435), *köjür* 'сгорел' (II, 188), *köjmes* 'не сгорит' (I, 448). Махмуд Кашгари приводит и существительные, образованные от *köj-*, *köjdä*: *altyn ve gümüş eritilerek süzülän oçak* 'Очаг, на котором выплавляют золото и серебро' (III, 173); *köjük* 'рана от ожога' (III, 133); *jaş ot köjmäs* 'зеленая трава не сгорит' (ДТС, 312); *köjünmek* 'гореть'³⁸.

Л. Будаговым отмечено наличие в турецком, казахском, алтайском и киргизском языках слова *küjtmäk* 'гореть', а также различных его производных: *küjü* 'горение', *küjük* 'сгоревший', *küjä* 'багровое пламя' и др.³⁹

³³ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1911, т. IV, ч. I, стр. 810.

³⁴ М. Ряснен. Указ. словарь, стр. 4676.

³⁵ А. М. Щербак. Слог и его структура (на материале тюркских языков). — В сб.: «Вопросы тюркологии» (К шестидесятилетию академика АН Азерб. ССР. М. Ширалиева), Баку, 1971, стр. 175.

³⁶ Г. Заринадзе. Указ. раб., стр. 316.

³⁷ Э. Демирчизаде. Азербайжан әдәби дили тарихи хуләсәләри. Баку, 1938, стр. 14.

³⁸ «İbnü Mühennâ Lügatü», стр. 50.

³⁹ Л. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. II, СПб., 1871, стр. 171.

Значения *küi-*, *köj-*, *ko-*, *guj-* 'гореть, жечь, подгореть' приведены и в тюркологической литературе⁴⁰. Корень слова *köj*—//*küj* — морфема *kü*//*gü* еще издревле обозначала несколько понятий, одно из которых имело значение «огонь». Семантическая разветвленность, основанная на звуковых изменениях, связанных с фонетическим чередованием *z/j* в словах *küj*//*köj*—//*köz*, является древнейшим языковым фактом. (Ср.: *kü*>*küj*//*köj* 'гореть', *köz* 'горящие дрова', 'уголь', *kös* 'жар, угли' и др.)⁴¹.

Ф. Джалилов и М. Сейидов, проведя обширный гнездовой морфонологический анализ слова *gü-*, отмечают его глубокую древность. Таким образом, функционировавшие в азербайджанском литературном языке XVI века, а также и в предыдущие периоды слова *köj*—//*küj*-, *köz* — суть производные от корней *kü* (*gü*), значение которых связано с огнем.

В современном азербайджанском языке глагол *köj-* 'гореть' уже не употребляется, однако сохранились слова *kösöv* 'обгорелое полено', *köz* (*kö-z*) 'горящий, тлеющий уголь', восходящие к значению слова *köj-* (<*kö-j*). Нет сомнения, что отмеченные Махмудом Кашгари *köz-tep* 'хлеб, испеченный на раскаленных углях', *közde pişirilen akmak* (I, 144), *közlämä, götmä* (II, 27) и корень азербайджанского слова *kömbä* 'лепешка' также связаны со словом *kü* (*gü*) 'огонь'⁴².

В современном турецком языке имеются такие образования, как *ğöutek-/ğöueg-* 'зажечь, зажигать, сжигать', 'вспыхивать, воспламенить'⁴³. В современном туркменском языке слово *köjmäk* также употребляется в значении «сгорать, подгорать»⁴⁴. Следует отметить, что в современном азербайджанском языке слово *köjmäk* встречается и в форме *göjñämk* (*göj-nä-mäk*) 'зудеть, ныть, болеть, беспрерывно жалобно плакать'. В этом слове *-nä-* — древнейший словообразовательный аффикс в составе таких, например, слов, как *äs-nä-mäk* 'зевать', *gus-na-mäk* 'прижать' и др. Интересно отметить, что в пословице *soğan jəmämisən ucin niyə göjñäjir?* 'Если ты не ел лука, то почему у тебя горит нутро?' слово *göjñäjir* образовано от глагола *göj-* именно в значении «гореть». Оно вошло в язык с древнейших времен (ср.: *Сарымсак отын јемәдән Газан ичим göjñär* (КДК, XI в., 137) 'Травы-чеснока я не ела, Газан, а мои внутренности горят')⁴⁵.

Не случайно в «Книге моего деда Коркута» (XI в.) предложение '*Ганды бағрым göjñädi ичим*' переведено В. В. Бартольдом 'Сгорело мое сердце, горит огонь в моем теле'⁴⁶, а предложение *Галгуз огул хэбэрин, а Газан деқил маңа; Димэз олур исэн јана-гöjñä гарғарам Газан саңа* переводится как «Весть о единственном сыне дай мне, Казан! Не дашь — тогда, как огонь, достигнет тебя мое проклятие,

⁴⁰ С. Е. Малов. Указ. раб., стр. 397; М. Рясенен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, стр. 117; Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 432; Э. Р. Тенишев. Строй саларского языка. М., 1976, стр. 392 и т. п.

⁴¹ См.: Э. Р. Тенишев. Указ. раб., стр. 393; «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков (фонетика)», М., 1984, стр. 157 и т. п.

⁴² Ф. Чэлилов. Азербайжан дили морфонолокијасындаң очерклер. Бақы, 1985, стр. 79—80; М. Сейидов. Некоторые заметки о гуниско-азербайджанских мифологических связях (на основе этимологического анализа слова куар (гуар). — В сб.: «Вопросы азербайджанского языкознания», Баку, 1967, стр. 211.

⁴³ «Турецко-русский словарь», М., 1977, с. 353.

⁴⁴ «Туркменско-русский словарь». М., 1968, стр. 411.

⁴⁵ «Книга моего деда Коркута». Перевод академика В. В. Бартольда. М.—Л., 1962, стр. 58.

⁴⁶ Там же, стр. 42.

Казан!» (КДК, XI в., 137)⁴⁷. Глагол *göjnätäk* встречается и в языке Хатаи: *göjnäg idi* 'горела (душа)' (ХД, XVI в., 63) и т. п.

Следует отметить, что в лексике турецкого литературного языка с XIII века до наших дней слово *göjnätäk* сохраняется в различных глагольных формах и временах; *göjünmek, janmak* 'гореть', *göjündürmek* 'сжечь', *göjner* 'сгорит', *göjündü* [bizim bagrumuz susuz göjündü 'наши сердца горели сухим огнем' (XV в.)]; *gojünük* 'горение', *janmuş* 'обгоревший', *kuzarılmış* 'покрасневший', *göjnüklü* 'обиженный' и др.

Интересно, что в двенадцатитомном историческом словаре «*Tarata sözlüğü*» слово *kog*: *kiyülcim, şerare* дано в значении «искра», «вспышка»; например, *od kögü* 'вспышка, искра' (XV в.)⁴⁸.

Несомненно, что слова «гореть, загораться, воспламеняться» семантически связаны со словом *göjnätäk* и с первичными значениями слов *kög//göj-* (<*kü* 'огонь').

В современном азербайджанском языке *göjnätäk* также сохраняет значение 'гореть', 'колоть (о сердце)' в следующих, например, выражениях: *jağam göjnäjir//jağam janur* 'рана ноет//рана горит', *үрәјим göjnäjir* 'сердце ноет//сердце горит'. Встречаются эти выражения и в литературном языке, где глагол *göjnä-* употребляется также в форме *göj-näjä-göjnäjä* в значении 'сгорая'.

Примеры подобного типа отмечаются и в турецком литературном языке: *göjne-göjne* (XV в.)⁴⁹ 'сгорая'. Употребление в современном азербайджанском языке выражения *göjnäjä-göjnäjä* [*O göjnäjä-göjnäjä ağlaıyrды* 'Она горько плакала (сгорая от досады)'] в значении 'горя, сгорая' отражает эволюцию развития языка.

Приведенные выше древние азербайджанские слова, употреблявшиеся Физули, а также в переведенном в его время на азербайджанский язык произведении Нишати «Шухаданаме» встречаются еще у Насими (XIV в.), Кишвери (XV в.), а также у Хатаи (XVI в.) и др. Постепенно они утрачивались языком или, переходя из активного словарного запаса в пассивный, архаизировались. Некоторые из них переосмыслились, приобретая новые значения: *taranča, sataşmak, sütmäk, köjtmäk* и др. Ряд таких слов, считавшихся в последующие времена архаичными, употребляется и ныне в диалектах, говорах и даже в литературном языке: *biçgi* (в значении «пила»), *jazu, gağajazu* 'степь, поле', *sajru* 'больной' (*Атобба sajru дүшүб* 'Атобба заболел'⁵⁰). Часть этих древних слов постепенно архаизировалась (например, такие слова, как *oğatmak, saıäg, ügüş* и др.).

Таким образом, рассмотренный выше лексический материал показывает, что в словарный состав азербайджанского языка XVI века, в том числе и в язык Физули, входил значительный архаический пласт.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ФХС — Физули «Хадигат-ус-суада», 1592, Институт рукописей АН Азерб. ССР, М-249/11468.

ШН — «Шухаданаме» (XVI в.). Фотокопия.

ФДФК — Физули «Диван» (XVI в.). Фотокопия.

⁴⁷ «Книга моего деда Коркуда», стр. 53.

⁴⁸ «*Tarata sözlüğü*», с. III, Ankara, 1967, стр. 1803, 1804, 1805; с. IV, Ankara, 1969, стр. 300, 361, 530.

⁴⁹ «*Tarata sözlüğü*», с. III, стр. 1795.

⁵⁰ М. Ширэлијев. Азербайжан диалектолокијасынын әсаслары. Бақы, 1962, стр. 336.

- МК* — «Divanü Lügat-it-türk tercümesi», Cevireni Besim Atalay, Ankara, cilt I, 1939; cilt II, 1940; cilt III, 1941; Disini, Ankara, 1943.
- ДТС* — «Древнетюркский словарь», Л., 1969.
- КДК* — «Dede Korkut kitabı», I, Giriş, metin faksimile. Dr. Mühürrem Ergin, Ankara, 1958. (Дрезденский список).
- ЈВЧ* — Ј. В. Чәмәнзәминли. Пјесләри, Бақы, 1966.
- ХТ* — Хатан «Дәннамә», Бақы, 1959.
- ДАН* — «Dastanı Ahmet Nagami», Istanbul, 1946.
- ГБ* — Гази Бурханәддин «Диван» (XVI в.). Фотокопия.
- КД* — Кишвәри «Диван» (XVI в.). Фотокопия. Институт рукописей Академии наук Азербайджанской ССР, инв. № 207.
- АДДЛ* — «Азәрбајҹан дилинин диалектологи лүғәти». Бақы, 1964.
- ӘН* — «Әсрарнамә», Бақы, 1964.
-

И. Г. ГАЛЯУТДИНОВ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ БАШКИРИИ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИХ КОМПЛЕКСНОГО ИЗУЧЕНИЯ

Письменные памятники Башкирии сохранились в виде надгробных надписей, рукописных и печатных книг, шеджере (родословий), ярлыков, указов, договоров и других документальных материалов на языках тюрки (позднее на татарском и башкирском), арабском, персидском и таджикском. Хронологически эти памятники относятся к XIII—XIX векам. Большая часть рукописей переписана в XVII—XIX веках.

Появление восточной рукописной книги на территории Башкирии обусловлено давними историко-культурными связями башкир с народами Поволжья, Средней Азии, странами Востока. Особенно велико было культурное влияние Средней Азии. Вместе с торговыми караванами на территорию Башкирии поступали религиозные книги и произведения художественной литературы на арабском, персидском языках и языке тюрки. Произведения, завезенные в Башкирию извне, заново переписывались каллиграфами (хаттатами) и комментировались местными авторами, распространяясь в рукописях по башкирским и татарским аулам.

Наряду с этим создавались оригинальные художественные произведения, записывались башкирские шеджере, составлялись деловые документы, велась переписка.

В 1812 году в Казани была издана первая часть башкирского народного сказания «Кузый Курпес и Маянхылу» в переводе Тимофея Беляева под названием «Куз-Курпяч, башкирская повесть, писанная на башкирском языке одним курайчем и переведенная на российский в долинах гор Рифейских, 1809 года». Что касается второй части этой «башкирской повести», то она долгое время считалась навсегда утерянной. Однако в 60-е годы писатель-краевед М. Рахимкулов обнаружил в Ленинградской государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина рукопись перевода на русский язык башкирского эпического сказания под условным названием «Мои вечера. Сказки башкирские» в объеме около десяти авторских листов¹. К сожалению, башкирский оригинал обеих частей до нас не дошел.

Известны и другие башкирские рукописные эпические произведения: «Бабсак и Кусяк», «Славные мужи башкирские», «Бузьегет» и т. д.

Эпос «Бабсак и Кусяк», например, создан под влиянием письменной литературы на языке тюрки. Об этом свидетельствует то, что он написан соответственно нормам классического тюркского стиха и насыщен арабо-персидскими словами и некоторыми грамматическими

формами, характерными для книжного языка того времени². Текст эпоса в лингвистическом отношении представляет большой интерес для изучения истории башкирского литературного языка.

Заслуживает также внимания запись другого произведения башкирского народного творчества—«Бузьегет» (рукопись хранится в Ленинградском отделении Института востоковедения Академии наук СССР под шифром А 1547). Текст написан в Уфе в 1842 году и отличается, с одной стороны, сохранением основ письменно-литературного тюркí, а с другой — наличием ряда особенностей диалекта юго-восточных башкир³.

В 1864 году в Троицком и Верхнеуральском уездах Башкирии краевед Р. Г. Игнатьев обнаружил пятнадцать рукописных книг, выписки из которых опубликовал в 1875 году в своей работе «Сказания, сказки и песни, сохранившиеся в рукописях татарской письменности и устных пересказах у инородцев—магометан Оренбургского края»⁴.

Собиранием и изучением восточных рукописей, распространенных среди башкир, занимались и такие известные русские востоковеды, как В. В. Григорьев, В. В. Вельяминов-Зернов, В. В. Бартольд, а также В. И. Даль. В 1913 году газета «Вақыт» (№ 1220, от 9 июня), например, сообщая о пребывании академика В. В. Бартольда в Стерлибашево проездом из Оренбурга в Уфу⁵, писала, что он «побывал в библиотеке Стерлибашевского медресе и просмотрел там с большим вниманием и наслаждением рукописи, написанные 200—300, даже 500 лет раньше».

В конце XIX—начале XX века глубокий интерес к сбору и изучению письменных памятников проявили представители местной национальной интеллигенции — Мухамметсалим Уметбаев, Мурад Рамзи, Мунир Хадиев, Риза Фахретдинов и др. Последний — редактор журнала «Шура» — писал: «У нас причины плохой сохранности старых произведений состоят в следующем: 1) мы не умеем ценить старинные рукописи и ничего не предпринимаем для их сохранения; 2) нет у нас ни одной библиотеки или музея, где можно было бы хранить старинные произведения, старые книги, обеспечив тем самым их будущность; 3) то, что мы имеем на руках из старых рукописей, прячем от других, не позволяем даже переписывать; 4) большая часть нашего народа живет в деревнях, а там часто случались пожары... По этой причине мало что сохранилось от наших отцов и дедов, а если такое будет продолжаться дальше, то тем, кто придет после нас, едва ли что-нибудь останется»⁶. И действительно, до наших дней, к сожалению, дошла лишь незначительная часть этого культурного наследия.

Восточные рукописные книги и документальные материалы, собранные на территории Башкирской АССР, ныне хранятся в Уфе, Казани, Оренбурге, Саратове, Куйбышеве, Ленинграде, Москве, отдельные памятники из Приуралья — в Матенадаране — хранилище древних рукописей в Ереване⁷ и в других городах.

В Уфе памятники сосредоточены в Башкирском филиале Академии наук СССР [в Рукописном фонде Института истории, языка и литературы (далее ИИЯЛ), Научной библиотеке и Научном архиве], Республиканской библиотеке им. Н. К. Крупской, Республиканском краеведческом музее и в библиотеке Духовного управления мусульман европейской части СССР и Западной Сибири. В Казани рукописи, приобретенные на территории Башкирии, находятся в Восточном отделе Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского при Казанском государственном университете им. В. И. Ульянова-Ленина⁸; в Оренбурге—в Государственном архиве Оренбургской области⁹. В Ленинграде рукопис-

ные коллекции, поступившие из Башкирии (1936 г. — коллекция И. М. Бикчентеева, 1940 г. — Х. М. Зарипова, 1947 г. — З. А. Аксакова), хранятся в Рукописном фонде Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР¹⁰; в Архиве востоковедов того же института находятся рукописные материалы Ризы Фахретдинова¹¹. В Москве значительное количество документов, относящихся к истории, языку и литературе башкирского народа, сосредоточено в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА)¹².

Рукописный фонд ИИЯЛ БФАН СССР начал формироваться после организации в 1972 году Южноуральского отделения археографической комиссии Академии наук СССР. За эти годы сюда поступило около четырех тысяч книг и рукописей, приобретенных во время археографических экспедиций. По содержанию собранные рукописи можно разделить на следующие группы:

1. Рукописи исторического характера. К ним относятся сочинения по истории Булгарии, народов Приуралья и Поволжья («Тавāрих-и Булгāрийа» Хисām ад-дина ал-Булгāри, XVI в.; анонимный сборник конца XVII в. «Дафтар-и Джингиз нама», «Тāрих нама-и булгār» Тадж-ад-дина Йālчигула, нач. XIX в.); шеджере башкирских племен бабсак, бурзян, кыпсак, усерган, ялан-бурзян и родов мамат, кото-баба, шагали шакман, кунакас, дженей, дархан, нугаш, ырсай, кайбыш, каратавлы и т. д. (около 50 единиц хранения), составленные в XIX и XX веках; многочисленные записи по истории сел и деревень республики и большое количество различных исторических документов (договоры, протоколы, акты, указы и т. п.).

2. Дореволюционная литература Башкирии, сосредоточенная в Рукописном фонде ИИЯЛ, представлена в основном рукописной поэзией. Среди поэтических произведений особо выделяются списки самого раннего и популярного литературного памятника периода Булгарского государства поэмы «Кисса-и Йūsuf» Кул 'Али (поэма написана в 1212/13 гг.). В Рукописном фонде хранятся четырнадцать списков данного произведения. Из них большую ценность представляет рукопись № 33-а9, приобретенная второй археографической экспедицией под руководством Г. Б. Хусаинова в Илишевском районе БАССР в 1974 г. Это один из наиболее качественных списков «Кисса-и Йūsuf» (переписан в 1827 г.)¹³, хотя в фонде имеются и более ранние списки: № 7-а57 (переписан в 1785 г.), № 36-а9 (переписан в 1792 г.)¹⁴.

К числу ранних литературных памятников, созданных в Приуралье и Поволжье, относятся также списки дастанов «Кисикбаш» (XIII — XIV вв., список XIX в., № 27-а22), «Дāстāн-и султāн-и Джумджума» (XIV в., в фонде хранятся три списка, наиболее ранний и полный относится к началу XVIII в., № 90-а54) Хусām-катиба, «Хикмат» Мавли Кули (XVII в., список № 39-а9 переписан в первой половине XIX в.).

Большинство рукописных книг, хранящихся в фонде ИИЯЛ, — это списки и оригиналы литературных произведений местных дореволюционных поэтов и писателей XIX—начала XX века. К ним относятся списки сочинений «Тавāрих аз-замāн» (в фонде 2 списка), «Мухиммāt аз-замāн» (2 списка), «Мунādжāt» (2 списка) Утыза Имāни (1754 — 1834), «Рисāла-и 'Азиза» (3 списка) Тāдж ад-дина Йālчигула (1768—1838), «Шикайāt» (3 списка), Мунādжāt ал-Хādжи Абу-л-маних» (1 список) Абу-л-маниха ал-Каргали (1784—1824), стихотворения (2 списка) 'Абд ал-Джāббāра Кāндāли (1797—1860), «Маджмā 'ал-адāб» (6 списков), «Тухфāt ал-авлād» (6 списков), «Танда джāным» (23 списка) Хибаталлāх ибн Саййид Баттāла ал-Каргали (1794—1867) и сборники стихотворений (5 рукописей) Шамс ад-дина Заки (1825 —

1865), стихотворение-подлинник (№ 24-а35) Али Чукри (1826—1889), автографы («Булмāгāй», «Айлār», «Кемдең зауқы йўк») и списки («Мактўб»—2 списка, «Марджāни-марсийāсы» — 5 списков и другие стихотворения: в фонде одиннадцать ед. хр.) произведений Мифтāх ад-дина Акмуллы (1831—1895).

Отдельную группу составляют рукописи произведений среднеазиатской суфийской литературы: списки «Дивāн-и хикмāt» поэта Хвāджи Ахмад Йасави (1105—1166), «Ахир-замāн китāби», «Бāкиргāн китāби» Сулаймана Бāкиргāни (умер в 562/1166 или 582/1186 г.), «Сабāt ал-'аджизин» Суфи Аллāх Йāра (умер в 1720/21 или 1723 г.) и др.

В Рукописном фонде института имеются также списки произведений классической восточной поэзии: «Гулистāн» и «Бустāн» Са'ди (1184—1291), «Маснави» Рўми (1207—1273) и др.

В коллекции рукописей встречается целый ряд редких, до сих пор еще не привлекавшихся к исследованию литературных и поэтических сборников, составленных в регионе Урало-Поволжья и содержащих отрывки из сочинений поэтов XVI—XIX веков.

3. Из научных сочинений особо выделяются рукописи по арабской грамматике, астрономии, философии, медицине, логике, этике и т. д., написанные на арабском, персидском и тюркí языках.

4. Значительную часть собрания составляют записи фольклорных произведений в списках XIX и начала XX века, куда входят сказки, байты, песни, частушки, мунаджаты, легенды и т. п.

5. Религиозная литература представлена трактатами по вопросам исламского права и судопроизводства, переводами Корана и комментариями к нему, хадисами и сочинениями религиозно-богословского содержания.

Обширный материал по истории культуры Башкирии находится в Научном архиве БФ АН СССР. Большинство фондов представлено рукописными книгами или отдельными листами (около 200 ед. хр.). Среди них чрезвычайно ценными источниками являются поступивший в 1963, 1966 и 1982 гг. в Научный архив Башкирского филиала АН СССР из библиотеки Духовного управления мусульман европейской части СССР и Западной Сибири личный фонд Ризā ад-дина Фахри ад-дина (1859—1936)¹⁵, опубликованные и неопубликованные научные труды, публицистические статьи, литературные произведения, переводы и письма башкирского просветителя-демократа XIX века Мухаммад-Салима Умитбаева (1841—1907)¹⁶, сборник неопубликованных поэтических произведений (объемом свыше 1300 строк) поэта XIX века Шамс ад-дина Заки (1825—1865)¹⁷, список поэмы «Кисса-и Йўсуф», переписанный в 1834 г.¹⁸, 75 текстов башкирских шежере¹⁹, 25 из которых включены в книгу «Башкирские шежере»²⁰, записи по истории деревень, сел, колхозов и т. п.

Коллекции тюркоязычных, арабоязычных и ираноязычных рукописей имеются и в других рукописных фондах Башкирии. Однако они до сих пор полностью не изучены и не описаны. Как правильно и своевременно отметил Е. М. Примаков: «Слабо используются... имеющиеся во многих собраниях СССР фонды письменных документов — рукописных, нумизматических, эпиграфических. Нужно применять новые методы работы с массовыми источниками: одних арабоязычных документов в собраниях союзных республик насчитывается не менее 300 тыс. Пора перейти к планомерной массовой публикации расширенного каталога этих документов по единой программе»²¹.

Научно-исследовательская работа по письменным памятникам Башкирии в какой-то степени велась и раньше, ведется и сейчас. Эпигра-

фическим памятникам региона, например, посвящен целый ряд исследований²², однако они охватывают только надгробные надписи XIII — XVI веков. Остальные эпитафии остаются все еще вне поля зрения специалистов.

Изучение и использование башкирских шеджере в исторических исследованиях началось еще до революции²³. В советское время они рассматриваются в трудах по этногенезу башкир²⁴ и в исследованиях по истории присоединения Башкирии к Русскому государству²⁵. В последние годы башкирские лингвисты используют их как языковые памятники²⁶, а литературоведы изучают отдельные летописные повести²⁷.

Башкирские тамги анализируются в работах Д. Н. Соколова²⁸ и Р. Г. Кузеева²⁹.

Изучению литературного наследия дореволюционной Башкирии посвящена монография А. И. Харисова³⁰. Им впервые была исследована башкирская рукописная поэзия XVIII—XIX веков. В настоящее время дореволюционная башкирская литература изучается группой литературоведов, возглавляемой Г. Б. Хусаиновым³¹. Значительная работа проделана башкирскими лингвистами в исследовании языка письменных памятников Башкирии³².

Разрабатывается коллективная тема и по истории башкирского литературного языка. В связи с этим большое внимание уделяется изучению языка отдельных дореволюционных башкирских памятников. Р. Х. Халиковой, например, подготовлена монография на тему «Язык шеджере и актовых документов башкир XVIII—XIX вв.».

В выявлении и изучении тюркоязычных памятников Башкирии, безусловно, достигнуты определенные успехи. Однако источниковая база по самым различным аспектам башкироведения представлена еще слабо. Многие ранние исторические документы на языке тюрки не введены специалистами в научный обиход. Работу по созданию материальной текстологической базы по истории башкирской литературы и литературного языка еще предстоит усилить.

Современное научное исследование, будь оно историческое или филологическое, зависит не только от применения системно-организационных методов, но также от наличия источников, на которых оно базируется, и степени их освоенности. Поэтому именно источниковедческие исследования по истории, литературе и языку дали бы специалистам необходимый достоверный фактический материал для объективного и более полного освещения исторических проблем.

Перед башкирской археографией стоит также задача планирования издания наиболее ценных памятников тюркской письменности Башкирии³³. В этой области первые шаги уже сделаны: опубликованы башкирские шеджере³⁴, отдельные юридические и исторические документы³⁵, литературные тексты³⁶ и рукописные фольклорные памятники³⁷. Однако все это лишь начало. Пока многие тюркоязычные письменные памятники остаются неопубликованными. Да и осуществленные публикации не свободны от недостатков. В них, например, часто обнаруживается разнобой в прочтении арабографичных текстов; нередко смешиваются транскрипция и транслитерация текста³⁸. Весьма спорным, на наш взгляд, является прямое отнесение рукописи к тому или иному конкретному современному языку. Работа по подготовке к изданию ценных манускриптов требует комплексного подхода, применения положений таких специальных дисциплин, как археография, дипломатика, кодикология, текстология и палеография.

К первоочередным публикациям следует отнести, по нашему мнению, следующие виды тюркоязычных источников: вновь найденные тек-

сты шеджере, исторические документы и сочинения, дореволюционные литературные произведения. В будущем предстоит также серьезная работа над созданием свода арабских и персидских источников о древних башкирах и Башкирии.

Конечно, письменные памятники Башкирии созданы не только самими башкирами, но зачастую представителями и других народов. Поэтому эти памятники являются их общим достоянием. Следует признать справедливость следующего вывода: «Отнесение рукописей к наследию определенного народа по одному тому, что они написаны на языке данного народа, приводит к умалению культуры отдельных народов, обеднению их письменного наследия, оставляет место произвольным толкованиям ее истории»⁹.

Письменные памятники Башкирии, находящиеся ныне на ее территории и за ее пределами, с точки зрения археографа представляют собой цельную систему. Необходимо выявлять и изучать не только тюркские, но и иноязычные памятники, использованные, написанные или переписанные некогда башкирами. Эта система памятников включает следующие подсистемы: а) произведения, созданные в местных условиях; б) списки занесенных извне произведений, переписанные местными переписчиками; в) произведения, занесенные в Башкирию извне и созданные за ее пределами. Исследование этих памятников позволит определить этапы развития письменной культуры Башкирии на протяжении нескольких столетий, и проследить взаимосвязи башкирского народа с другими народами Поволжья, Средней Азии и народами Востока. Решение этих актуальных вопросов предполагает сложную работу по сбору, каталогизации и описанию рукописей, публикации наиболее ценных манускриптов и организации комплексного научного изучения источников.

¹ А. И. Харисов. Литературное наследие башкирского народа (XVIII—XIX века). Уфа, 1973, стр. 84—85.

² Н. Ф. Гайсарова. «Күсәк бей» эпосының лексик үзәнселектәре.—В сб.: «Вопросы лексикологии и лексикографии башкирского языка». Уфа, 1983, стр. 69—77.

³ См.: Н. Т. Зарипов. Уфимский вариант поэмы «Бүзъегет».—В кн.: «Литературное наследие народов Урало-Поволжья и современность». Уфа, 1980, стр. 29—36.

⁴ См.: «Записки Оренбургского отдела Русского географического общества», вып. 3. Оренбург, 1875, стр. 183—236.

⁵ См.: В. В. Бартольд. Дневник путешествия по маршруту Оренбург—Башкирия—Сибирь—Кяхта, — Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, ед. хр. 98.

⁶ Цит. по кн.: А. И. Харисов. Литературное наследие башкирского народа, стр. 162.

⁷ А. И. Харисов. Указ. раб., стр. 193.

⁸ М. А. Усманов. [Об археографических экспедициях Казанского университета]—«Тихомировские чтения 1970 года». М., 1970, стр. 118.

⁹ Р. Х. Халикова. Документы Госархива Оренбургской области на «тюрки». — В сб.: «Археография и лингвистическая текстология Южного Урала». Уфа, 1977, стр. 149—155.

¹⁰ Л. В. Дмитриева, А. М. Мушинов, С. Н. Муратов. Описание тюркских рукописей Института народов Азии. Т. I. М., 1965, стр. 4.

¹¹ А. И. Харисов. Коллекция рукописей Ризаэтдина Фахретдинова в Научном архиве Башкирского филиала АН СССР. — «Южноуральский археографический сборник», вып. I. Уфа, 1973, стр. 273—274.

¹² Р. Х. Халикова. К исследованию и публикации письменных памятников башкир XVII—XIX веков на старотюркском языке. — «Южноуральский археографический сборник», вып. I. Уфа, 1973, стр. 128—131.

¹³ Ф. Хөсәйенов. Боронго поэзиябыздың шишмә башы. — Журн. «Ағизел», 1983, № 9, стр. 103, Өфө.

¹⁴ З. Шәрипова. Йезйәшәр комарткы. — Там же, 1983, № 9, стр. 110.

¹⁵ Научный архив БФ АН СССР, ф. 7, дд. 1—40. Коллекцию Р. Фахретдинова составляют сорок объемистых томов рукописного материала, двадцать четыре из ко-

торых выявлены и переданы в Научный архив БФ АН СССР А. И. Харисовым, остальные 16 — Г. Б. Хусаиновым. См.: А. И. Харисов. Коллекция рукописей Ризаэтдина Фахретдинова в Научном архиве Башкирского филиала АН СССР.—«Южноуральский археографический сборник», вып. 1. Уфа, 1973, стр. 268—274; Г. Б. Хусаинов. Сорокаторное рукописное сокровище (Рукописная коллекция Р. Фахретдинова). — В сб.: «Археография и фольклор (исследования, материалы, переводы)». Уфа, 1982 (машинопись, хранится в Рукописном фонде ИИЯЛ БФ АН СССР).

¹⁶ Фонд 22 (Умитбаев), оп. 1, д. 1—6.

¹⁷ Фонд 3, оп. 63, д. 47.

¹⁸ Фонд 3, оп. 26, д. 14. Список приобретен во время фольклорной экспедиции в 1963 году в дер. Березники Пермской области научным сотрудником ИИЯЛ БФ АН СССР Н. Д. Шункаровым у Мустаева Шарипа.

¹⁹ Фонд 3, оп. 12, д. 36; оп. 63, д. 14.

²⁰ «Башкирские шежере». (Составление, перевод текстов, введение и комментарии: Р. Г. Кузеева), Уфа, 1960.

²¹ Е. М. Примаков. Актуальные задачи советского востоковедения. — «Народы Азии и Африки», 1983, № 5, стр. 9.

²² Г. В. Юсупов. Две надгробные надписи с древнего башкирского кладбища. — В сб.: «Вопросы башкирской филологии», М., 1959, стр. 120—122; *его же*. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.—Л., 1960, стр. 111—138.

²³ См. библиографию: Р. Г. Кузеев. Башкирские шежере. Уфа, 1960, стр. 5—23.

²⁴ Р. Г. Кузеев. Очерки исторической этнографии башкир (родоплеменные организации башкир в XVII—XVIII вв.). Уфа, 1957; *его же*. Происхождение башкирского народа. М., 1974; *его же*. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978 и др.

²⁵ А. Н. Усманов. Присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1960; Р. Г. Кузеев, Б. Х. Юлдашбаев. 400 лет вместе с русским народом. Присоединение Башкирии к Русскому государству и его историческое значение. Уфа, 1957.

²⁶ Р. Х. Халикова. Башкирские шежере и их лексика. — В сб.: «Вопросы тюркологии». Казань, 1970, стр. 151—157; *ее же*. К истории башкирского вокализма. (На материале башкирских шежере). — В сб.: «Вопросы башкирского языкознания». Уфа, 1973, стр. 107—114; В. Ш. Псянчин. Шежере как источник по исторической грамматике башкирского языка. — «Вторая Южно-Уральская археографическая конференция. Тезисы докладов и сообщений». Уфа, 1975, стр. 80—81 и др.

²⁷ Г. Б. Хөсәйенов. Шәжәрә һәм китап. — В сб.: «Әзәбиәт. Фольклор. Әзәби мирас». Өфө, 1975, стр. 177—192; *его же*. Шәжәрә — тарихи-әзәби комарткы.—«Заман. Әзәбиәт, Әзип», Өфө, 1978, стр. 80—90 и др.

²⁸ Д. Н. Соколов. О башкирских тамгах (с приложением таблицы башкирских тамг). — «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии», т. XIII. Оренбург, 1904, стр. 24—34.

²⁹ Р. Г. Кузеев. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М., 1974.

³⁰ А. И. Харисов. Литературное наследие башкирского народа (XVIII—XIX века). Уфа, 1973.

³¹ «История башкирской литературы в 5-ти томах (план-проспект)». Под общей редакцией проф. Г. Б. Хусаинова. Уфа, 1979; Г. Б. Хусаинов. Тюркоязычные литературы Урало-Поволжья в XI—XVIII веках как единая система.—В сб.: «Литературное наследие народов Урало-Поволжья и современность». Уфа, 1980, стр. 5—12; *его же*. Куляз-ма комарткылар—халыктын рухи байлыгы.—В кн.: «Заман. Әзәбиәт. Әзип», Өфө, 1978, стр. 62—79; *его же*. Источниковедческая база истории башкирской литературы. — В сб.: «Археография и источниковедение истории литературы на Южном Урале». Уфа, 1979, стр. 3—14; *его же*. Проблемы изучения истории башкирской литературы. — В сб.: «Проблемы современной тюркологии». Алма-Ата, 1980, стр. 272—279. См. также сборники: «Башкорт әзәбиәте тарихенән», Өфө, 1975; «Археография и источниковедение истории литературы на Южном Урале», Уфа, 1979; «Башкорт әзәбиәтенен текстологияһы һәм мәсьәләләре»; Өфө, 1979; «Литературное наследие народов Урало-Поволжья и современность», Уфа, 1980; «Башкорт әзәбиәтендә жанрлар системаһы», Өфө, 1980 и др.

³² К. З. Ахмеров. К вопросу о характере и лексическом составе ранних письменных памятников Башкирии. — В сб.: «Башкирская лексика». Уфа, 1966, стр. 9—16; *его же*. Башкорт языуы тарихенән. (Башкорт әзәби теленен алфавите һәм орфографияһы тарихе). — Өфө, 1972; Т. М. Гарипов. Старотюркские письменные памятники Башкирии. — «Советская тюркология», 1972, № 4, стр. 39—45; Г. Б. Хөсәйенов. Урал-Волга буйы төрки әзәби теле тарихенә карата. (Башкорт әзәби теленен сығанактары, тәүге осоро һәм традициялары мәсьәләре). — Журн. «Башкортостан укыткысы», 1976, № 6. Өфө; *его же*. Батырша хатының лексик һәм грамматик үзенсәлектәре. — Там же, 1977, №№ 2, 3; Р. Х. Халикова. Язык башкирских исторических, юридических и деловых документов XVIII века. Автореф. канд. дисс. М., 1965; *ее же*.

К исследованию и публикации письменных памятников башкир XVII—XIX веков на старотюркском языке. — «Южноуральский археографический сборник», вып. 1. Уфа, 1973, стр. 128—132; *И. Г. Галаятдинов*. «Тарих наме-и булгар» Т. Ялсыгулова (Лингвотекстологический анализ списков памятника. Фонологическая интерпретация графики. Морфология). Автореф. канд. дисс. М., 1977 и др.

³³ В этом направлении в археографии Южного Урала проделана значительная работа по публикации исторических документов на русском языке. См. об этом подробнее: *И. М. Гвоздикова*. Из истории археографической деятельности на Южном Урале (1917—1970). — «Южноуральский археографический сборник», вып. 1. Уфа, 1973, стр. 25—39.

³⁴ «Башкирские шежере». Составление, перевод текстов, введение и комментарии *Р. Г. Кузеева*. Уфа, 1960; *М. В. Сурина*. О подготовке к публикации сборника башкирских шежере. — «Южноуральский археографический сборник», вып. 1. Уфа, 1973, стр. 395—396.

³⁵ *Э. И. Фазылов, И. Г. Галаятдинов*. Об одном юридическом документе башкир XIX века. — «Советская тюркология», 1975, № 3, стр. 82—94; *Р. Х. Халикова*. Документы Госархива Оренбургской области на «тюркй». — «Археология и лингвистическая текстология Южного Урала», Уфа, 1977, стр. 149—155; *И. Г. Галаятдинов*. «Таварих» — вариант рукописи «Тарих наме-и булгар» Т. Ялсыгулова. — «Археология и лингвистическая текстология Южного Урала», стр. 123—138.

³⁶ *Ф. Б. Хөсәйенов*. Батырша хатының акка күсермә нөсхәһе. — В сб.: «Башкорт әҙбиәтенең текстологияһы мәсьәләләре», Өфө, 1979, стр. 131—158; *Ә. Х. Вильданов*. Акмулла мираһынан кулыязма үрнәктәр. — В сб.: «Вопросы текстологии башкирской литературы», стр. 70—88; «Башкорт әҙбиәте. XX быуат башы». Книга первая. Поэзия. Уфа, 1983 и др.

³⁷ *Н. Т. Зарипов*. «Бузйегет» киссаһының Өфө варианты. Әл-кисса Бузйегет. — Журн. «Ағизел», 1979, № 12, стр. 96—118; *С. Ф. Миржанова*. Рукопись байта «Буранбай». — «Археология и лингвистическая текстология Южного Урала», стр. 145—148; *В. Ш. Псянчин*. «Батыр батшаның әкиәте» — «Рассказ о смелом царе» Мир-Салиха Бекчурина. — «Археология и лингвистическая текстология Южного Урала», Уфа, 1977, стр. 139—144.

³⁸ *Т. М. Гарипов*. Транскрипция или транслитерация? (О принципах текстологического воспроизведения арабографических источников на урало-поволжском «тюркй»). — «Археология и лингвистическая текстология Южного Урала», стр. 21.

³⁹ *А. Г. Каримуллин*. У истоков татарской книги (от начала возникновения до 60-х годов XIX века). Казань, 1971, стр. 29.

В. Б. БУДАГОВ

О СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ АРАБСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Азербайджанские слова арабского происхождения с лингво-филологическим содержанием, употреблявшиеся в языке классической художественной литературы, представляют, на наш взгляд, объект самостоятельного исследования, ибо они в числе многих других выполняют и терминологическую функцию. Эти лексические единицы стали употребляться в азербайджанском языке в качестве терминов после их использования в художественных текстах. В связи с этим в лексико-семантическом содержании этих слов (несмотря на их терминологический характер) сохраняется определенная коннотация, проявляющаяся в соответствующих условиях.

До XI века культура всех ближневосточных стран развивалась под арабским влиянием. Азербайджанец Хатиб Тебризи, например, писал свои произведения на арабском языке, широко используя при этом арабскую терминологию¹. Таким образом, были созданы определенные предпосылки для использования в последующем этих терминов и в литературе на азербайджанском языке.

Начиная с XI века заметно увеличивается число заимствований из персидского языка. Это в основном были филологические термины, связанные со стихосложением, стилистикой и т. д. В результате возник определенный параллелизм в употреблении арабских и персидских слов (например: *lisan-zāban*). А с XIII века (после монгольского нашествия) происходит смешение арабских и персидских заимствований и образуется единый арабо-персидский лексический пласт².

Интенсивное проникновение арабских заимствований в азербайджанский язык происходило главным образом до XVII века. В дальнейшем в азербайджанском языке закрепляются лишь усвоенные народом слова (*нитг, исим, һарф* и т. д.). Остальная лексика арабского происхождения архаизируется.

В данной статье рассматриваются некоторые лингво-филологические термины, вошедшие в язык азербайджанской классической художественной литературы и встречающиеся в произведениях Насими, Кишвери, Хатаи и Физули. Остановимся на некоторых из них.

Lisan. В классической литературе это слово в соответствии со своей исконной семантикой употреблялось в значении «язык», например: *Әжәрчи арабдә вә әчәмдә вә түркдә јекәнә камилләр чохдур, әмма*

¹ См.: М. Маһмудов. Хәтиб Тәбризи. Бақы, 1972.

² Т. Гачыјев. Азербайжан әдәби дили тарихи. Бақы, 1976, стр. 118.

сән кими чәми лисанә гадир чәмеји фүнуни-нәзмү нәср јохдур [Ф, I, с. 43] 'Хотя среди арабов, персов и тюрков много умных и талантливых, но нет равного тебе, способного на все и знающего языки' и т. д. Данные примеры приводятся из прозаических произведений Физули, которые принято считать художественными, тогда как в действительности здесь налицо научный текст. У Насими данное слово встречается довольно часто и, как правило, в значении «речь» или в семантически близких ему смыслах: *Чек дилиниву әбсәм ол, мән бу лисанә сығмазам* [Н, с. 315] 'Замолчи и онемей, я не вмещусь в этот язык'.

В языке Вагифа (XVIII в.) слово *lisan* также употребляется в значении «речь» (или даже «разговор»): *Лисанында әчәб һекајәти вар* [В, с. 84] 'Как прекрасна история слова'. Параллелью слова *lisan* в азербайджанском языке является слово *dil*, которое имеет свои особенности употребления. Следует отметить, что употребление слова *dil* (а также слов *lisan*, *zäban* и т. д.) в значении «речь» представляет собой универсальное явление.

Nitg. Соотношение понятий *nitg* и *dil* наиболее системно представлено у Насими³.

Слово *nitg* в азербайджаноязычных памятниках нашло более широкое распространение, нежели слово *lisan*. Это связано с тем, что в азербайджанском языке существовал исконный эквивалент слова *lisan* — *dil*. Кроме того, в том же значении употреблялось заимствованное из персидского языка слово *zäban*, в то время как слово *nitg* не имело параллели. Примеры: *Нитг имиш аләмдә мөвчуд...* [Н, с. 30] 'Речь была на свете...' *Нитги тутулду...* [Н, с. 376] 'Осекся...' *Хызырын аби-һејвани нитгидир анын, кәл ич* [Н, с. 434] 'Его речь — живая вода Хыдыра, пей ее'.

Ixtilat. В ряду *lisan*—*nitg*—*ixtilat* последнее слово понимается как «речевая деятельность». У Физули слово *ixtilat* употребляется в широком значении: *Нә бир фәрәһи, нә бир нишати, нә кимсә илә ихтилати* [Ф, II, с. 102] 'Нет ни радости, ни веселья, ни беседы'. *Адәтчә көрүнмәз ихтилатын* [Ф, II, с. 379] 'Непривычна твоя речь'.

Lähcä. Современное значение этого слова — «язык, звук, голос» (в диалектологии — «наречие») в корне отличается от значения, которое оно выражало в средневековых азербайджаноязычных памятниках: «индивидуальная речь»: *Чан тәзәләнир фәсаһәтиндән, бу ләһчәји-пүрмәләһәтиндән* [Ф, II, с. 232] 'От красноречия и манеры речи душе приятно'. *Әш'ари ләтифү ләһчәси пак* [Ф, II, с. 198] 'Стихи хорошие, речь непревзойденная'. *Түнки-шәкәр олмасайды дүрчи-дәһәнин, ол-мазды чыхан ләһчәји-көфтар ләзиз* [Ф, I, с. 391] 'Не будь твоих сахарных уст, не было бы и красноречия'.

Параллельное употребление слова *lähcä* с заимствованным из персидского *göfäg* «разговор» способствовало актуализации значения «индивидуальная речь» и наполняло его реальным содержанием. У Физули данный термин выражает дополнительные значения: в одних случаях семантика его расширяется, в других — сужается: *Ләһчәји-түрки гәбули-нәзми-тәркиб етмәјиб, Әксәрән әлфази намәтбүтү нәһәмвар олур* [Ф, I, с. 383] 'Не считается тюркский язык приемлемым для стихосложения, ибо он не отшлифован для него'. Изафет *ләһчәји-түрки* в этом двустишии показывает, что поэт употребляет слово *lähcä*

³ См.: *Ј. Сејидов, С. Әлизадә. Классик Азәрбајчан шаирләри сөз һаггында*. Бақы, 1977.

именно в значении «слово». Таким образом, *ләһчеји-түрки* означает «тюркские слова»⁴.

Üslub. Данное слово употреблялось в значении, соответствующем классическому содержанию слова *lähcä*, однако имело более определенно выраженный терминологический характер. У Физули это слово употребляется в значении «слово, принадлежащее конкретному лицу, чье-то индивидуальное выражение», например: *Фикр ејлә вә көр нәдир бу үслуб, Нә сәнләдир бу вәз'и-мәнсуб?* [Ф, II, с. 22] «Обрати внимание, что это за стиль? Что представляет он собою?».

Данное значение соответствует и современному содержанию термина. У Физули встречается и сопоставление слов *üslub* и *lähcä*: *Авази иди бәси мулајим, үслуги дүрүст, үсули гаим* [Ф, II, с. 215] «Голос был умеренным, стиль правильным, метод верным».

Употребление слова *üslub* у Физули не случайно, поскольку научность была характерна для прозы гениального поэта. Он всегда руководствовался принципом: *Елмсиз ше'р әсасы јох дивар олур* «Стихотворение без науки, как стена без фундамента».

Nögtä. В древних памятниках азербайджанского языка точка в качестве знака препинания не встречается. В указанной функции она употребляется лишь в списке «Китаби-Деде Коркуд», хранящемся в Ватикане (XVI век). Слово *pögtä* в азербайджаноязычных памятниках встречается, как правило, лишь в следующих значениях: *Хал илә әк-бәрми сачын дал илә нүгтәдир, вәли, ким дејә зал әкар бәнин нүг-тәси дала дүшмәјә* [Н, с. 50] «Твоя родинка вместе с косами как буква «дал» с точкой, однако можно считать ее буквой «зал», если точку «бе» не ставить над ней...». *Кәһ бир нөгтә илә мәнәббәти мөннәт көстә-рәр...* [Ф, I, с. 46] «То одной точкой слово «любовь» превращается в «разлуку»». *Кәһ бир нөгтә гүсурилә көзү кур еләр* [Ф, I, с. 46] «То ошибкой одной точки глаза становятся слепыми».

Слово *pögtä* встречается также в значении «смысл» («понятие»): *Еј Нәсими, көр нәһәјәт билдин исә нөгтә сән...* [Н, с. 403] «О, Насими, точку ты считал концом». *Әслидә вағиф олан бу, нөгтәнин сиррин бил-лур* [К, с. 141] «Кто от роду смысленный, постигнет тайну этой точки».

Видимо, причиной подобной метафоризации является выполнение точкой весьма своеобразных и сложных функций в арабском письме, вплоть до изменения значения слова.

Наконец, это слово выступало в значении «мелочь», «нечто незначительное», «мелкая вещь»: *Көнүл бир нөгтәдир ешиги јәмидә...* [Н, с. 111] «Душа — это точка и любовь в ней». *Гуллуғуна әрз гылсам нөгтә-нөгтә, мубәлид* [К, с. 89] «Если подробно расскажу тебе...».

Sövt. В старых грамматиках азербайджанского языка данное слово употреблялось в значении «звук», вернее «звуки разговора». У Насими оно встречается в более широком значении: *Нитг илә сөвтәл* [Н, с. 420] «Я звучен речью». *Мүдәввәр нөгтеји-ағзы ки, сөвтү нитгидүр бурһан...* [Н, с. 467] «Ибо звук есть подтверждение существования». Данный термин не употребляется в азербайджанском языке с начала XX века.

Härf. В памятниках классической литературы слово *härf* (мн. *hü-riif*) в значении «буква» встречается достаточно часто. Оно особенно широкое распространение получило в поэзии хуруфитов. Обратимся к примерам, извлеченным из «Дивана» Насими: *Гашларын нуну дәһа-нын һәрфи мим олмушдур* [Н, с. 226] «Брови твои «нун», уста твои

⁴ См. об этом: Т. Гачыјев. Фүзули нәдән шикајәтләнирди? — Газ. «Әдәбијат вә инчәсәнәт», 1985, 17 марта.

«мим». *Једди һәрф олду чүн һәр бир вәрэгәдә...* [Н, с. 242] 'На каждой строчке семь букв'.

В стихах Насими утверждается первичность букв, символизирующих черты человеческого лица, что также связано с идеями хуруфизма: *Вәҗһиндә јазмыш иди анын ијирми сәккиз һәрф. Хәтти-бәјаниһәрфи кәлам олмадан һәнүз* [Н, с. 71] 'На лице его изображены двадцать восемь букв, еще до ниспослания «Калама»'.

В языке поэтов, живших после Насими, слово *hägf* употребляется как нейтральный термин в значении, не совпадающим с хуруфитским пониманием: *Бу ики һәрфдир мурадым* [Ф, II, с. 59] 'Эти две буквы мои желания...' *Кәһ бир һәрф сугуту илә гылыр надири нар...* [Ф, I, с. 46] 'То отбрасывая одну букву слово «надир» превращает в «нар»'. *Өзкә һәрфин мәшгин ет* [Ф, I, с. 91] 'Упражняйся с другой буквой' и т. д.

Слово *hägf* выражает и отвлеченные значения, два из которых довольно устойчиво отмечаются в языке памятников:

1) «начальное значение» («привычка»), например: *Сәнә һәрфивәфа өкрәтмәк олмаз, худа верди сана чүн бивәфалыг* [К, с. 35] 'Тебя нельзя обучать «непреданности», ибо бог создал тебя уже непреданным'. *Еј хош ол ким, ешг һәрфин бир дахи такрар едә* [Ф, I, с. 312] 'Счастлив тот, кто повторяет то же слово «любовь»;

2) «мелочь» («мелкая вещь»)⁵; например: *Һәрфү нөггә тәркиби нә јердәндир бу кәфтарын* [Н, с. 414] 'Каков состав точек и букв этого слова?'. *Зулфү хамин шәрһини мән јазарам һәрфән бу һәрф* [Н, с. 473] 'Я дам объяснение распущенным волосам по буквам'.

Следует отметить, что наибольшее число оттенков значения слова *hägf* обнаруживается в языке Насими, что, на наш взгляд, связано с влиянием идей хуруфизма.

Наблюдения показывают, что переосмысление значения букв со временем утрачивает свое религиозно-мистическое, хуруфитское содержание и постепенно превращается в сугубо стилистический литературный прием.

У Насими арабские буквы не только ассоциируются с чертами человеческого лица, они используются им и для более усложненных метафор: *Әсли дәндир дүнјанын, затында јохдур бир әлиф* [Н, с. 375] 'Подл этот мир изначально, ибо нет в его корне буквы «алиф»'.

В «Диване» Насими имеются стихи, где начальные буквы двустийший (или полустийший) располагаются в последовательности, соответствующей арабскому алфавиту [Н, с. 527—538]. Наконец, у Вагифа встречается выражение, связанное с названиями букв. Оно состоит из арабских букв «алиф» и «бей» и означает «изначальное значение», «привычку»⁶. Например:

*Әглин алдын «јарам» — дәјин Вагифин,
Јанылтдын әлифин, бејин Вагифин* [В, с. 121]

'Свела с ума Вагифа, сказав «я твой».
И рухнули «алиф» и «бей» его'.

На данной основе образовалось и слово *älifba* (*älif-bej*) 'алфавит'⁷. *Äbzäd*. Это слово графически состоит из первых букв арабского алфавита и употребляется в значении «азбука», «начальное образование». Например: *Чүн чамалиндән Нәсими әбчәди гылды тамам* [Н,

⁵ Выше уже отмечалось, что слово *pögtä* также выражало это значение.

⁶ Ср. соответствующее значение слова *hägf*.

⁷ Ср.: *азбука* (аз-буки), *алфавит* (альфа-бета) и т. п.

с. 91] 'Насими с твоего лица постиг абджад'. *Көр бу лөвһүн әбҷәдисән, нун илә кафын ганы?* [Н, с. 343] 'Если ты абджад этой таблицы, то где твои «нун» и «каф»?'. *Әбҷәд сәбәгин охурму камил* [Ф, II, с. 208] 'Читает ли теперь абджад в совершенстве'.

Неза. Это слово у Насими означает «слог», что соответствует его значению и в современном азербайджанском языке. Например: *Катибәм, килкәм, дәватәм, әбҷәдәм, лөвһәм, һеча* [Н, с. 421] 'Я писарь, перо, чернила, абджад, таблица и слог'. *Әбҷәдәмү һечәјәм, һәрфәмү сәтри-катиб* [Н, с. 397] 'Строчка, буква и слог абджада'.

Множественное число от этого слова у Насими образуется флективным способом: *Нәсими сөзүнә һәмчәтү бурһан дедиләр* [Н, с. 444] 'Словам Насими сказали, что они «доказательны»'.

Употребляющееся в современном азербайджанском языке слово *һөчәт* 'спор', 'спорщик' также образовано на этой основе.

Kältmä. У Вагифа употребляется в значении «слово»: *Бирчә кәлмә данышмадыг, айрылдыг* [В, с. 9] 'Не вымолвив словечка, разлучились'. *Бири шәкәр сөзлү, ширин кәлмәли* [В, с. 127] 'Со сладкими, ласковыми словами'.

В языке поэтов, предшествовавших Вагифу, это слово не встречается. Начиная с XVIII века употребление его приобретает более широкий характер. Оно довольно часто используется и в трудах по языкознанию.

Läfz. В значении «слово» достаточно широко распространено в азербайджанских памятниках: *Халиг ләфзин көр, ондан халиг ол* [Н, с. 597] 'Слушай слово создателя, будь творцом'. *Лејли кими ләфзи ми диләфруз ејлә* [Ф, II, с. 13] 'Зажги мои слова как Лейли'. *Хүлгү хошк ләфзи чанфәчанфәзасән* [Ф, II, с. 203] 'Ты благородна и сладкоречива'. Как видно из примеров, *läfz* иногда выражает более широкое значение, нежели просто «слово». Это объясняется существованием в азербайджанском языке, еще до того, как было заимствовано слово *läfz*, лексической единицы *söz* 'слово', также характеризовавшейся полисемантической, сохранившейся по настоящее время. Так, в азербайджанском языке существует выражение *сөз сөјлә*, которое означает не букв. «скажи одно слово», а вообще «говори». Или даже *мәним сөзүм будур* 'вот мое мнение', где *сөз* употребляется в значении «мнение».

В классической поэзии *läfz* употреблялось также в значении «язык»: *Кәрчи Нәсими сөзүн даданы верди, вәли Дада кәтирдиләр ләфзи-шәкәрбарымыз* [Н, с. 78] 'Если Насими дал значение слову, то наше красноречие придало ему приятность'.

У Физули слово *läfz* встречается в относительно нейтральном контексте и носит характер научного термина: *Ол сәбәдән фарси ләфзилә чохдур нәзм ким, Нәзминазик түрк ләфзилә икән дүшвар, олур* [Ф, I, с. 389] 'По-персидски написано много стихотворений, но очень трудно написать хорошие стихи по-тюркски'. Выражения *фарси ләфзи* и *түрки ләфзи* в приведенном двустишии следует понимать как «персидские слова» и «тюркские слова»⁸.

В памятниках употребляется также флективная форма множественного числа от *läfz*—*älfaz*, например: *Еј Нәсими, мүһити-ә'зәмсән кәрчи әлфазына көвһәр дедиләр* [Н, с. 265] 'О Насими, ты целый мир, ибо твои слова названы жемчужинами'. *Әлфази олуб һәмишә зикрим* [Ф, II, с. 184] 'Я вечно помню его слова'.

В семантической структуре слова *älfaz* 'слова' существует также моносема «стиль», связанная именно с понятием множественности.

⁸ Об этом см.: Т. Гачыев. Фүзули нәдән шикајәтләнирди?

Lüyät. Использовалось в качестве синонима «слова». Однако следует признать, что в определенном контексте значение слова *lüyät* с определенными оговорками может толковаться и как «язык».

В «Дивану-дугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари, написанном, как известно, на арабском языке, слово *lüyät* употребляется в значении «язык». Поэтому название этого труда может быть переведено как «Диван тюркских языков».

В более поздние периоды слово *lüyät*, как правило, употребляется в значении «словарь».

Istilah. В языке Физули это слово встречается в значении «термин», **либо выражает близкое к последнему понятие:** *Һәр кимин вар исә затында шәрарәт күфрү Истилахати-үлүм илә мүсәлман олмас* [Ф, I, с. 379] 'У кого в роду горел огонь богохульства, того наука правоверным не делает'; *Бу диҗарын истилахаты гејрә мәҗдур олмага үзүрхаһымыз јетәр* [Ф, I, с. 45] 'Возможно, достаточно слов этого края для извинения'.

В обоих случаях используется флективная форма множественного числа от *istilah*: в первом случае *истилахати-үлүм* означает «термины наук» («научные термины»), во втором примере *бу диҗарын истилахаты* следует понимать как «слова этого края», то есть «диалектизмы».

Начиная с XVII века слово *istilah* устойчиво употребляется в значении «термин» в научных трудах (в том числе в пособиях по грамматике). Это свое значение слово сохраняло вплоть до 30-х годов нашего столетия.

Ibarä. Означает «пример, поучение». В «Диване» Физули употребляется в значении «образные выражения» (встречается только во множественном числе): *Тәвәггә будур үмүмән әһалији-изү е'тибардән, хүсүсән бүләҗи-Рум вә фисаһаји-татардән ки, Әкәр шаһиди-һүсни-ибарәтимлә ол диҗарын әлфазү ибарәтләриндән зијвәр олмаса... бу даһни мә'зур бујурарлар* [Ф, I, с. 45] 'Прошу всех, особенно патетиков Рума и ораторов татаров, что, если своим стилем и манерой не удастся (мне) воспроизвести колорит той местности, простить покорного слугу'.

Как видим, в одном контексте встречаются две формы множественного числа: *ibarä*, *ibarät* и *ibarätläг*. Вообще можно привести множество примеров, показывающих, что формы множественного числа, заимствованные из флективных языков, в языках агглютинативного строя воспринимаются как формы единственного числа. Это можно видеть и у Физули.

Kalam. Означает «речь, слово, предложение». Множественное число от *kälmä*. По сравнению с формой единственного числа, оно обладает более широким содержанием и значительно чаще встречается в азербайджаноязычных памятниках. Примеры: *Әһли-төвһиди кәламы фалымы нуку тутар* [Н, с. 196] 'Сторонник единобожия хорошо предсказывает мою судьбу'. *Кәлам ичиндә көр бу сәтри мәстур* [Н, с. 250] 'Заметь эту строчку среди написанных строк калама'⁹. *Сөз олду агзындан тамам, көр бу кәламы-әһсәним* [К, с. 52] 'Сказано и свершилось сказанное, внимай этим высказываниям'.

В своей статье «Источники келама» М. Кук указывает, что слово «келам» имеет вовсе не древнегреческое происхождение, как это утвер-

⁹ Ср.: *сөзүн кәлам ичинди (арасында)* 'Да будет слово твое подобно слову божьему' (поговорка).

ждает Ван Эссау¹⁰: «диалектическая техника келама заимствована из христианской теологии»¹¹.

Со временем слово *kālam* приобретает более реальное содержание: *Мункира олду Насиминин келамаи зулфигар* [Н, с. 192] 'Слова Насими были для Мункира мечами'. *Ширин калам булбули-кулзарынам сэнун* [К, с. 46] 'Я твой сладкоречивый певчий соловей'. *Ол рутбада гэдри-назмдир дун Ким кифр охунур калами-мөвзун* [Ф, II, с. 34] 'Поэзия до такой степени совершенна, что проза стала посмешищем'.

В языке Хатаи *kālam* употребляется вместе со словом *salām*: *Нэ бахды сәләмэ, нэ кәләмэ* [X, II, с. 78] 'Не принял ни ответа, ни привета'.

Sārīf. Данное слово лишь однажды встречается у Насими: *Һәggi билән билир бу күн ешиги һадиси-пурбәла, Нөһвлә сәрфи нејләр ол олду шаһиди-Кәрбәла* [Н, с. 487] 'Сведущий знает, что любовь чревата тяготами, зачем ему грамматика, он же стал мучеником Кербалы'. Очевидно, что в данном контексте слово *sārīf* сохраняет свое научно-терминологическое содержание и выражает значение «морфология».

С начала XIX века во всех пособиях по грамматике азербайджанского языка использовался термин *sāgf*. И только в советское время под влиянием европейских грамматик он вытесняется термином «морфология».

İsim. Означает «имя». Это слово встречается в азербайджаноязычных памятниках, начиная с Насими. Однако обычно оно употребляется не в качестве термина, а означает «имя» вообще. Например: *Нэ сүрәт-дир ки, охурлар бу исми ејни-зат аддан* [Н, с. 188] 'По какой причине считают это имя происходящим от того имени'. *Бу исми зикр едән бил ким, јанылмады чавабындан* [Н, с. 183] 'Тот, кто вспомнил это имя, не ошибся в ответе'. *Хәбәр вер кәл, нә јүздән охунур исмин сәнин?* [X, II, с. 55] 'Давай-ка объясни, почему читается (произносится) твое имя?'.

В языке Насими встречаются иногда противопоставления, актуализирующие грамматико-терминологическое содержание слова: *Чунки зәргин ола исму фе'ли зәрг, Аләми бил, гуввәдән алкил сәбәг* [Н, с. 625] 'Ибо лицемерие и притворство есть фальшь и обман. Познай мир, в его силе черпай энергию'.

Fe'l. Означает «дело». В памятниках азербайджанской литературы данное слово, как и *isim*, употреблялось не в терминологическом, а в своем основном общеупотребительном значении «дело», например: *Гөвли садиг ола, һәр фе'ли һәләл* [В, с. 38] 'И было бы слово верным, действие дозволенным'.

Слово *fāil* 'деятель' производное от *fe'l*, употребляясь с эпитетом *mütläg*, выражало религиозное содержание, означая «создатель, творец»: *Фаили-мүтләгәм мән, һәгләјәмү мән* [Н, с. 397] 'Я — абсолютный деятель, истина у меня'. *Фаили-мүтләг—дүрүр һәр шејдә мәф'ул ол рәһим* [Н, с. 403] 'Абсолютный создатель — тот, милостивый, всегда в деянии'.

Однако в классической поэзии иногда метафоризируется и грамматико-терминологическое содержание слова *fe'l*: *Чунки зәргин ола исму фе'ли зәрг...* [Н, с. 625] 'Ибо лицемерие и притворство суть фальшь и обман'.

¹⁰ M. A. Cook. The origins of the *Kalām*. — «Bulletin of the School of Oriental and African Studies», London, 1980, vol. XLIII, p. 1.

¹¹ Там же, стр. 33.

Со временем данное слово получает широкое распространение в качестве термина, утратив свое первоначальное значение «дело».

Nāhv. Данный термин в значении «синтаксис» встречается в языке Насими: *Nāhvə sərfi nejlər ol, oldu şahidi-Kərbəla* [Н, с. 487] 'Зачем ему грамматика, он же стал мучеником Кербалы'.

У поэтов, живших после Насими, слово *nāhv* не встречается. Однако начиная с XIX века данный термин используется в грамматических пособиях.

Xitab. Означает «обращение, вопрос». В азербайджаноязычных памятниках это слово получило широкое распространение не в терминологическом значении, как в арабском языке, а в значении «обращение» вообще; например: *Kim Lejləyə gylsa bir xitabı, Gejs idi ona verən çavabı* [Ф, II, с. 57] 'Если кто-нибудь обращался к Лейли, то ему отзывался Гейс'.

Иногда *xitab* приблизительно в том же значении заменяется словом *nida*, также заимствованным из арабского языка: *həgdən bu nida kəldi* [Н, с. 347] 'Доносился голос истины'.

В современном азербайджанском языке слово *xitab* в широком значении архаизировалось, а его терминологическое значение приобрело устойчивость.

Zərbül-məsəl. Означает «поговорка». Во вступлении к «Дивану» Физули это слово встречается в современном терминологическом значении «поговорка».

Məzaz. Означает «аллегория, метафора». Физули использует это слово в несколько более широком значении, чем то, в котором оно употребляется в современном азербайджанском языке: *Təhsil gylib səfaju-sijhət, Kərmüşdü məhzədan həqiqət* [Ф, II, с. 215] 'Получил хорошее образование и смог усмотреть в метафоре правду'.

В настоящее время в азербайджанском языке данное слово употребляется в качестве лингвопоэтического термина («тропа»), кроме того, этим словом обозначаются метафорические значения слова, в отличие от основного.

Təşbih. Это слово также представляет собой лингвопоэтический термин. Оно встречается в памятниках азербайджанского языка в значении «образное выражение», основанное на сравнении: *Ləbin ki, çan şərabı utanıy həlavətindən, Şəkəyə gylən təşbih kəzu bağly bəbərdir* [Н, с. 266] 'Кровь в жилах приводит в смущение твои губы. Тот, кто сравнивает их с сахаром, тот слеп и незряч'.

İmla. У Хатаи это слово встречается в значении «письмо»: *On iki şahzadənin imlası purnanımdır* [Х, II, с. 46] 'Изречения двенадцати принцев мои доказательства'. Позднее оно выражало понятие «правильное письмо» («орфография»). В настоящее время в основном употребляется в значении «диктант».

Mətn. В произведениях Вагифа встречается в терминологическом значении «текст». Поэт отмечает одну из наиболее характерных особенностей текста, а именно—связь между его элементами: *Bir nimtənə, tə ola zərbəftü nikutər Ziba ona məntən, Mətnində tamam rəbitə məvzunu sərasər, Tək həmişə gülməç* [В, с. 197] 'Платье ее расшито гаунами и бафтой; поведение ее—сама сдержанность и благородство'.

Tərcümə. Означает «перевод». У Насими это слово (в форме *tərcümən*) употребляется в широком значении «толкование, анализ, разъяснение»: *Guş dilini sən tərcümən etməz dilərsən, etməkil* [Н, с. 123] 'Хочешь перевести птичий язык, не делай этого'.

Данное слово встречается в памятнике «Асрарнаме», переведенном в 1479 году Ахмедом Тебризи с персидского на азербайджанский:

язык: *Фарсидан чун түркә гылдым тәрчүмә...* 'С персидского перевел на тюркский...'

У Физули это слово используется в его современном значении в предисловии к переводу произведения «Хадигат-ус-суада». *Үмуми фуз учун тәрчүмеји-түрки олунур* [Ф, II, с. 289] 'Для общего блага переводится на тюркский'. В настоящее время термин *tärzümä* вытесняется словом *ševigtä*, представляющим собой кальку с русского слова «перевод».

Определенная часть лингвофилологических терминов арабского происхождения в азербайджанских памятниках служит для выражения понятия «содержание—значение». Например, обратим внимание на речевые условия, в которых используется слово *täpa*: *Ej Näsими, көр сөзүн мә'наси бинајан дејил. Нечин ирмәз кимсәнин фикри онун пајанына?* [Н, с. 19] 'О Насими, значение слову не соответствует. Почему никто не может додуматься до его сути?'. *Мә'наји сөјләјән дилдир* [X, II, с. 28] 'Язык выражает значение'.

Таким образом, арабские лингвистические термины, претерпев некоторые изменения, соответствующие нормам азербайджанского языка, обогатили его терминологическую систему.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- В* — М. П. Вагиф. Эсәрләри, Бақы, 1957.
К — Кишвәри. Эсәрләри, Бақы, 1982.
Н — Нәсими. Сечилмиш эсәрләри, Бақы, 1979.
Ф — М. Фүзули. Эсәрләри, Бақы, I ч., 1958; II ч., 1958.
Х — Ш. И. Хәтәи. Эсәрләри, Бақы, I ч., 1975; II ч., 1976.

Е. И. УБРЯТОВА

ИЗУЧЕНИЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ СИБИРИ (1981—1985)

Тюркоязычные народы Сибири составляют лишь небольшую часть тюркского населения мира, насчитывающего 105.688 тыс. человек. В СССР в 1983 году тюркоязычное население составляло 43.450 тыс. человек¹. В настоящее время в Сибири проживает несколько более миллиона человек, говорящих на различных тюркских языках. Это алтайцы, долганы, западно-сибирские татары, тофы, тувинцы, хакасы, шорцы, чулымские тюрки, якуты². Крупные по численности народы объединены в автономные республики (Тувинская АССР, Якутская АССР) и автономные области (Горно-Алтайская АО, Хакасская АО), малочисленные долганы живут в Долгано-Ненецком автономном округе, остальные народности проживают среди русского населения. Алтайцы, тувинцы, хакасы и якуты имеют свою письменность и литературные языки³. Язык западно-сибирских татар относится к группе диалектов татарского языка, сложившихся в результате длительного взаимодействия языков татар-аборигенов и переселенцев — приволжских и приуральских татар⁴. Их письменным литературным языком является татарский язык.

Остальные языки тюркских народов Сибири бесписьменные. Для шорского языка в двадцатые годы была создана письменность и введено обучение в школах на родном языке. Издавались также газеты и учебники на шорском языке⁵.

Язык долган исторически связан с якутским⁶, а тофов с тувинским⁷. В силу длительного изолированного и поэтому замедленного их развития эти языки давно обособились, что отчетливо осознается самими их носителями. Для долган, относящихся к народам Севера, в настоящее время создается письменность. Тофы и чулымские тюрки письменности не имеют. Дальнейшее изучение тюркских языков народов Сибири, возможно, позволит выявить языки, которые ныне относятся к числу диалектов более крупных близкородственных языков, как, например, язык бачатских телеутов⁸.

* * *

Изучение тюркских языков Сибири началось с середины прошлого века, но проходило, в силу ряда объективных причин, с различной степенью интенсивности. Одни, например якутский, давно стали объектом глубокого исследования, как отечественных, так и зарубежных ученых (Н. Н. Поппе, К. Г. Менгес, Ст. Калужиньски, Г. Дёрфер и др.). В наше время это один из уже достаточно изученных тюркских языков, исследование которого продолжается специалистами Якутского филиала

Сибирского отделения Академии наук СССР и Якутского государственного университета. Бесписьменные тюркские языки малочисленных тюркоязычных народностей (тофский, чулымско-тюркский) изучались ранее и продолжают изучаться отдельными исследователями. Бесписьменный язык тофов изучает, например, В. И. Рассадин, автор двух монографий, посвященных этому языку⁹. Им подготовлен к печати также словарь тофского языка.

Исследованием чулымско-тюркского языка занимались А. П. Дульзон¹⁰ и его ученица Р. М. Бирюкович — автор докторской диссертации «Строй чулымско-тюркского языка».

Бесписьменный язык долган долгое время изучался только В. М. Надеяевым и Е. И. Убрятовой. Однако в последние годы под руководством А. П. Дульзона и В. М. Надеяева им начали интенсивно заниматься преподаватели Томского пединститута З. П. Демьяненко и Томского университета Н. П. Бельтюкова и Т. М. Кошеверова.

Шорский язык изучает группа членов кафедры иностранных языков Новокузнецкого педагогического института под руководством Э. Ф. Чиспякова.

Изучением тюркских языков Сибири занимаются следующие подразделения Академии наук СССР: а) Институт языкознания Академии наук СССР; б) институты Сибирского отделения АН СССР: Институт истории, филологии, философии и Институт языка, литературы и истории (секторы, изучающие якутский язык); вузы Сибири: а) кафедры тюркских языков в педагогических институтах Абакана, Горно-Алтайска, Кызыла, университетов Казанского, Якутского, б) кафедры иностранных языков педагогических институтов Томска, Новокузнецка, Барнаула, Абакана, Кызыла, Саратова, университетов Новосибирска, Кемерово; местные институты языка и литературы: а) Тувинский НИИЯЛИ, б) Хакасский НИИЯЛИ, в) Горно-Алтайский НИИЯЛИ.

* * *

Изучение тюркских языков Сибири в учреждениях Академии наук СССР. Большую роль в изучении тюркских языков Сибири играет Институт истории, филологии и философии СО АН СССР. К тюркологическим исследованиям привлекаются археологи, историки, этнографы, фольклористы и, конечно, языковеды, ибо среди аборигенов Сибири тюркские народы численно преобладают. Изучение тюркских языков в секторе языков народов Сибири проводится по крупным проблемам, актуальным для всех языков этого ареала, в том числе по трем темам: 1) Диалектологический атлас тюркских языков Сибири, 2) сопоставительно-типологическое исследование строя сложного (полипредикативного) предложения в языках разных систем в Сибири, 3) изучение фонетики языков народов Сибири (ЛЭФИ).

1. Диалектологический атлас тюркских языков Сибири (ДАТЯС).

Группой ДАТЯС завершен первый этап работы. Составлен вопросник¹¹. Установлена сетка населенных пунктов обследования. Разработаны принципы составления атласа группы родственных языков. Опубликован ряд сборников со статьями по вопросам диалектологии тюркских языков¹². На XII пленуме Советского комитета тюркологов (12 мая 1986 г.) был обсужден «Диалектологический атлас тюркских языков народов СССР».

Диалектологические атласы — важнейшие пособия для исторических исследований по отдельным языкам и группам родственных языков, для изучения взаимодействий этих языков между собой и с неродственными языками.

2. Синтаксической группой разрабатывается тема «Сопоставительно-типологическое исследование строя сложного (полипредикативного) предложения в языках разных систем». Ею проделана значительная работа по изучению языков алтайской общности (алтайского, якутского, тувинского, хакасского, отчасти шорского, бурятского, эвенкийского, маньчжурского и др.). Слабое знание отдельных языков народов Сибири, а часто и полная их неизученность потребовали особой методики собирания материалов. Участники темы выезжали в места проживания сибирских аборигенов и совместно с носителями конкретного языка подробно обсуждали материал, собранный по специальной анкете, так как при разработке типологических тем необходимы единообразные специально подобранные материалы для сопоставления языков как с родственными (тюркскими), так и неродственными (алтайскими).

Результаты разработки данной проблемы систематически освещались в многочисленных сборниках¹³. Большинство участников темы исследовали проблему применительно к какому-либо одному из языков. Поэтому коллективная работа сочеталась с подготовкой специалистов по отдельным языкам. Под руководством М. И. Черемисиной были подготовлены специалисты по синтаксису тюркских (алтайского¹⁴, тувинского¹⁵, шорского¹⁶, хакасского¹⁷, якутского¹⁸), а также некоторых других языков.

Большим достижением группы за последнее время явилась подготовка коллективных монографий «Предикативное склонение причастий в алтайских языках» (Новосибирск, 1984) и «Структурные типы полипредикативных конструкций в алтайских языках» (Новосибирск, 1986).

3. В Лаборатории экспериментально-фонетических исследований (ЛЭФИ) изучаются языки народов Сибири и сопредельных регионов. Работа осуществляется преимущественно силами аспирантов НИИ ЯЛИ и преподавателей иностранных языков кафедр вузов Сибири. На базе собранного большого экспериментально-фонетического материала внесены значительные уточнения в существующую международную фонетическую классификацию звуков. Разработана теория артикуляционно-акустических баз. Отрабатывается их типология, имеющая теоретическое и практическое значение для решения проблемы этногенеза народов Сибири¹⁹.

Экспериментально-фонетическое исследование отдельного языка — всего лишь один из частных методов описания языков. Другое дело, если такое исследование проводится для ряда языков, носители которых живут на соседних («сплошных») территориях, и притом по одной методике, с помощью одной и той же аппаратуры. Полученные результаты по десяткам соседствующих языков, зафиксированные в единой транскрипции, при сопоставлении могут выявить весьма важные данные для выяснения вопросов взаимодействия родственных и неродственных языков.

Наблюдения подобного рода в последние годы вел В. М. Наделяев, изложивший их результат в ряде статей²⁰. В. М. Наделяев стремился создать фонетический атлас языков народов Сибири, и этот новый аспект исследований требует дальнейшего развития. ЛЭФИ опубликовала некоторые статьи В. М. Наделяева и статьи его учеников, выполненные под его руководством.

Советским комитетом тюркологов на XI пленарном заседании было принято решение: «Считать целесообразной разработку долгосрочной целевой программы фонетического инструментального обследования тюркских языков и диалектов страны по единой методике с учетом по-

ложительного опыта Лаборатории экспериментальной фонетики при ИИФФ СО АН СССР»²¹.

В связи с постановлением ЦК КПСС от 7 февраля 1980 года № 115 и постановлением Совета Министров РСФСР от 20 июня 1980 года № 260 «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера» сотрудники отдела филологии значительно активизировали свою работу. Так, например, был подготовлен букварь долганского языка²² и В. М. Надеяевым опубликован ряд статей, которые могут служить пособием для учителей долганских школ²³.

Практический опыт создания письменности на долганском языке осуществлен в работах Е. Е. Аксеновой, изданных в Красноярске.

Изучение тюркских языков в языковедных подразделениях Института языка, литературы, истории и искусства Якутского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР. Институт языка, литературы, истории и искусства Якутского филиала Академии наук СССР (ИЯЛИИ ЯФ СО АН СССР) был открыт в 1935 году (тогда он назывался Институтом языка и культуры) с целью разработки и распространения письменности на якутском языке. В 1947 году на его основе была создана база Академии наук СССР и ИЯЛИИ вошел в систему Академии наук СССР.

В сентябре 1985 г. Институт ЯЛИИ ЯФ СО АН СССР отметил пятидесятилетие со дня своего основания. За это время был подготовлен коллектив высококвалифицированных специалистов-якутов. В настоящее время якутский язык изучается на всех основных лингвистических уровнях—фонетическом²⁴, морфологическом²⁵, синтаксическом²⁶, особо следует отметить исследования в области диалектологии²⁷, лексикологии и лексикографии. Институтом был подготовлен первый «Толковый словарь якутского языка» (т. I).

Лексикологи Якутии провели исследование слов неизвестного происхождения, выделенных еще В. В. Радловым²⁸, поскольку раскрытие их этимологии могло послужить исторической основой его гипотезы происхождения якутов от потомков народа, говорившего на неизвестном языке, и который, по предположению В. В. Радлова, был сначала омонголен, а затем подвергся тюркизации. Многие годы исследованием этой проблемы занимался Н. К. Антонов²⁹ (кафедра якутского языка ЯГУ), а позднее Г. В. Попов³⁰ (ИЯЛИИ ЯФ СО АН СССР). Слова, столь трудно поддававшиеся этимологизации, оказались тюркскими, монгольскими и реже — тунгусо-маньчжурскими, что допускалось как самим В. В. Радловым, так и С. Е. Маловым³¹, Ст. Калужинским³² и др. Оставшиеся в этой группе слова неизвестного происхождения составляют теперь небольшой процент.

Выдвинутая в свое время В. В. Радловым историческая гипотеза, таким образом, подтверждения не получила, что крайне важно для решения вопроса о происхождении якутов.

Руководитель группы составителей толкового словаря П. А. Слепцов, систематически занимающийся проблемами истории якутского языка, издал работу «Литературный якутский язык. Истоки, становление норм» (Новосибирск, 1986).

В 1982 году была издана монография Е. И. Оконешникова о составителе знаменитого якутско-русского словаря Э. К. Пекарском³³.

Лексикологическую основу имеют и исследования проблемы модальности, которой вот уже свыше двадцати лет занимается Н. Е. Петров. В истекшем пятилетии им было опубликовано несколько монографий и статей, подводящих итоги ее изучению³⁴. Теоретическая разра-

ботка проблем модальности в якутоведении, вероятно, будет продолжаться ввиду ее большой сложности. Однако следует признать, что Н. Е. Петровым проделана значительная работа по выявлению и описанию нескольких разрядов модальности, на основе материалов якутской художественной литературы, словарей Э. К. Пекарского и других. Следует отметить его удачные переводы значений модальных слов и выражений, особенно не совпадающих с буквальным и грамматическим значением последних.

В заключение необходимо отметить, что большинство названных работ характеризуется новизной подхода к изучению материалов и фактов якутского языка.

Изучение тюркских языков на кафедрах иностранных языков различных вузов Сибири. Во многих вузах Сибири имеются кафедры, в ряде случаев — факультеты иностранных языков, сотрудники которых изучают местные языки, в том числе и тюркские. Одним из таких вузов является Томский педагогический институт им. Ленинского комсомола. Ныне покойным заведующим кафедрой германистики и общего языкознания А. П. Дульзон³⁵ в 1947 году была предложена разработка проблемы «Происхождение аборигенов Сибири», с привлечением языкового материала. Ныне Томский пединститут является крупным научным центром изучения языков, этнографии, фольклора и истории народов Сибири. Его научными сотрудниками собраны богатейшие материалы по языку многих народов Западной Сибири, в том числе по тюркским: чулымско-тюркскому, языку томских татар, алтайцев, шорцев, долган и др. Наряду со сбором языкового материала была создана картотека топонимов (свыше 342 тыс. карточек), что позволило изучить топонимию Западной Сибири. Эта работа продолжалась и в XI пятилетке. Выше уже говорилось об изучении чулымско-тюркского и долганского языков. Изучением истории и языка томских татар занимался А. П. Дульзон³⁵ и его ученик М. А. Абдрахманов, автор работ по проблеме смешения диалектов томских татар и языков Южной Сибири³⁶.

Научные интересы А. П. Дульзона в основном были сосредоточены на изучении таких языков Западной Сибири, носители которых сыграли значительную роль в истории региона, то есть палеоазиатских и самодийских народов. Из тюркских им был выделен чулымско-тюркский язык, отличающийся сложностью взаимоотношений с такими тюркскими языками, как хакасский и язык барабинских татар, с одной стороны, с кетским и селькупским — с другой. Чулымско-тюркскому языку А. П. Дульзон посвятил ряд исследований³⁷, записал на нем тексты³⁸, составил словарь (в картотеке).

Эти исследования продолжает Р. М. Бирюкович в Саратове. Ею издано исследование по лексике чулымско-тюркского языка³⁹, имеющее научное и практическое значение. К этой работе приложен «Краткий чулымско-тюркско-русский словарь». Она продолжает также и изучение фонетики чулымско-тюркского языка⁴⁰.

Под руководством А. П. Дульзона З. П. Демьяненко (Томский педагогический институт) изучалась лексика языка долган. Впоследствии под руководством В. М. Надеяева проводились экспериментальные исследования фонетики этого языка: Н. П. Бельтюкова изучала консонантизм, Т. М. Кошеверова — вокализм⁴¹, З. П. Демьяненко, Н. П. Бельтюкова и Т. М. Кошеверова активно участвовали в подготовке к печати «Экспериментального букваря долганского языка» Е. Е. Аксеновой, А. А. Барболиной, В. Н. Порфирьева (М., 1981). В

настоящее время ими готовится к печати словарь долганского языка (составлена картотека на 20 тысяч слов).

Большое место в исследованиях о происхождении аборигенов Сибири занимали работы по топонимике⁴². О. Т. Молчанова с 1965 года начала собирать полевой материал по топонимии Горного Алтая, на основе которого ею был составлен топонимический словарь⁴³ и написан ряд работ⁴⁴.

На кафедре иностранных языков Кемеровского пединститута (ныне Кемеровского государственного университета) под руководством М. А. Абдрахманова изучался язык бачатских телеутов (живут в пос. Белово Кемеровской обл.). Этот язык считается диалектом алтайского языка. Однако попытка использования его в качестве основы для создания литературного алтайского языка, предпринятая еще миссионерами, оказалась несостоятельной из-за непонимания языка бачатских телеутов остальным населением. Опорным диалектом современного алтайского языка был избран язык алтай кизи⁴⁵. Г. Г. Фисакова в ряде статей и в сводной монографии (рукопись) дала описание языка бачатских телеутов в сопоставлении с языками Южной Сибири. Будучи родственным этим языкам, он при этом имеет существенные отличия и поэтому считается самостоятельным тюркским языком. Г. Г. Фисакова подготовила к изданию несколько сборников статей и материалов, посвященных изучению тюркских языков Сибири⁴⁶. На той же кафедре ныне Кемеровского университета продолжается изучение фонетики шорского языка⁴⁷.

В Новокузнецком пединституте под руководством Э. Ф. Чиспякова группа преподавателей кафедры иностранных языков изучает фонетику, грамматику, диалектологию и т. п. шорского языка. Подготовлено несколько монографий, посвященных проблемам экспериментальной фонетики⁴⁸, синтаксиса⁴⁹, диалектологии.

В Барнаульском пединституте преподаватели кафедр иностранных языков занимаются главным образом изучением методики экспериментальной фонетики, исследованием звукового состава диалектов алтайского языка: теленгитского⁵⁰, телеутского, чалканского⁵¹.

Барнаульский пединститут издал межвузовский сборник «Лексика и грамматика языков Сибири», включающий статьи, посвященные вопросам синтаксиса тюркских языков Сибири⁵².

В Сибири две тюркоязычных автономных республики—Тувинская и Якутская, и две автономных области—Горно-Алтайская и Хакасская. Вузы этих областей имеют специальные кафедры по тюркским языкам, на которых говорит коренное население. Они готовят национальные кадры преподавателей, занимаются разработкой соответствующих программ и курсов, изданием учебников, ведут исследовательскую работу.

Старейшей кафедрой является кафедра якутского языка, созданная при открытии Якутского пединститута в его составе. Многие важнейшие труды якутских ученых созданы на основе курсов, прочитанных ими студентам, как, например, широко известная тюркологам книга Л. Н. Харитонова «Современный якутский язык. Ч. I. Фонетика и морфология» (Якутск, 1947). Один из старейших членов кафедры Н. С. Григорьев является составителем первого якутского фразеологического словаря «Саха тылын сомобо домобун тылдыыта» (Якутск, 1947).

Руководитель кафедры Н. Д. Дьячковский работает в области экспериментальной и исторической фонетики якутского языка. Он первым исследовал якутские долгие гласные и дифтонги. Историческая фонетика описана им на богатых данных якутской диалектологии. Итогом этих многолетних исследований явилась его докторская диссертация⁵³.

Исторической лексикологии, преимущественно историческим истолкованиям именных основ, посвящена докторская диссертация Н. К. Антонова⁵⁴. Им написана работа по исторической лексике якутского языка, созданы пособия для студентов на якутском языке по истории и культуре древних тюрков, по древнетюркскому языку⁵⁵. К изданным им пособиям по древнетюркским памятникам приложен древнетюркский глоссарий с переводами слов на якутский язык, что представляет определенный интерес с точки зрения сопоставления якутского языка с древнетюркским. Пособия для студентов на якутском языке создаются и другими членами кафедры⁵⁶.

Этими же авторами подготовлен сборник «Статьи и материалы на якутском языке (в помощь учителям)» (Якутск, 1977). Ряд пособий для студентов издан и на русском языке (работы Н. К. Антонова⁵⁷ и Е. И. Убрятовой⁵⁸).

Члены кафедры якутского языка участвуют в коллективных работах ИЯЛИИ ЯФ СО АН СССР⁵⁹, а также в сборниках ИИФФ СО АН СССР⁶⁰.

Диалектологи кафедры татарского языка историко-филологического факультета Казанского университета, начиная с 1956 года, систематически занимаются изучением диалектов западно-сибирских татар⁶¹. Они участвуют в подготовке «Диалектологического атласа тюркских языков СССР» и «Сибирского диалектологического атласа». В истекшую пятилетку вышло несколько новых работ.

Различные проблемы диалектологии западно-сибирских татар изучаются воспитанниками кафедры татарского языка Казанского университета Х. Х. Салиховым (Елабуга) и Ф. Ю. Юсуповым (Казань)⁶².

Кафедра тувинского языка и литературы Кызыльского государственного педагогического института (создан в 1956 г.) долгие годы возглавлялась Ш. Ч. Сатом, автором первого «Тувинско-русского словаря» (М., 1955). Им подготовлен учебник для вузов по тувинской диалектологии. Его кандидатская диссертация была посвящена причастным формам глагола, составляющим основу синтаксиса тувинского языка, а докторская диссертация — вопросам формирования литературного тувинского языка⁶³.

Опытным работником кафедры является Е. Б. Салзынмаа, много занимавшаяся синтаксисом тувинского языка. В истекшем пятилетии ею подготовлена к печати «Сопоставительная грамматика тувинского и русского языков». На кафедре разрабатывается коллективная тема «Диалектологический атлас тюркских языков Сибири».

На кафедре иностранных языков Кызыльского госпединститута также изучается хакасский язык. К. Н. Бурнаковой, например, ведется экспериментально-фонетическое исследование мелодики простого предложения хакасского языка⁶⁴.

Местные научно-исследовательские институты (Тувинский, Хакасский и Горно-Алтайский) также занимаются изучением тюркских языков Сибири.

Тувинский НИИЯЛИ (г. Кызыл) создан в 1945 году. До вхождения Тувинской Народной Республики в СССР изучением тувинского языка занимался Ученый комитет при Малом Хурале — ТНР, созданный в 1930 году и возглавлявшийся С. К. Тока. В 1931 году для помощи в создании тувинской письменности были приглашены консультанты из СССР — Л. Д. Покровский, А. А. Пальмбах, Л. А. Сайфулин. В настоящее время в ТувНИИЯЛИ работает тринадцать языковедов, из них пять кандидатов филологических наук. Они изучают фонетику, морфологию, диалектологию, лексикографию и лексикологию тувинского

языка. В последние годы языковеды были заняты главным образом подготовкой словарей. В 1980 году вышел в свет «Русско-тувинский словарь» под редакцией Д. А. Монгуша, включающий 32 тысячи слов. В настоящее время под тем же руководством подготавливается «Толковый словарь тувинского языка».

По плану ТувНИИЯЛИ под руководством Б. И. Татаринцева подготавливается к печати «Этимологический словарь».

В 1983 году был издан «Русско-тувинский фразеологический словарь» Я. Ш. Хертека (Кызыл) и сборник статей «Вопросы тувинской филологии» (Кызыл).

Хакасский НИИЯЛИ создан в 1944 году в г. Абакане (Хакасская АО). Институт имеет всего четырех языковедов, что не позволяет вернуть работу в полном объеме.

В настоящее время закончена подготовка нового издания хакасско-русского словаря, запланированного к выпуску в 1991 году. Подготовлены к печати «Орфография хакасского языка» и «Орфографический словарь».

Издана работа М. И. Боргоякова «Источники и история изучения хакасского языка. (Очерки)» (Абакан, 1981). Материалом для очерков послужили записи путешественников и участников многочисленных экспедиций, побывавших в разное время в районах расселения племен, из которых со временем сложилась хакасская народность. Эти записи характеризуют основные фонетические особенности диалектов и их изменение на протяжении свыше двух веков. Они позволяют проследить изменение отдельных языков, а также установить исчезновение некоторых племен. Опубликованы также сборники статей⁶⁵.

Горно-Алтайский НИИЯЛИ располагает всего пятью языковедами, (из них четверо кандидаты филологических наук), изучающими экспериментальную фонетику, морфологию, синтаксис и диалектологию.

За последние годы сотрудниками института под руководством М. И. Черемисиной была разработана «Грамматика алтайского языка. I. Фонетика и морфология». Планируется составление второго тома, посвященного синтаксису⁶⁶. В истекшем пятилетии были изданы лишь сборники статей⁶⁷.

В заключение хотелось бы отметить, что тюркологи Сибири (прежде всего преподаватели вузов) испытывают определенные трудности с изданием своих работ, особенно монографий. Оказание им в этом соответствующей помощи значительно способствовало бы продуктивности проводимых ими исследований.

¹ С. И. Брук. Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1986, стр. 777.

² Численность некоторых тюркских народов Сибири приводится С. И. Бруком в таблице 2—«Распределение народов СССР по языковым семьям и группам на середину 1983 г.» (стр. 142—143) без изменения по сравнению с данными переписи 1979 года: шорцы—16 тыс., долганы—5,1 тыс., тофы—0,8 тыс. Западно-сибирские татары при переписи вообще не выделяются из общего числа татар. Д. Г. Тумашева попыталась установить численность носителей языка каждой диалектной группы (см.: Д. Г. Тумашева. Диалекты сибирских татар. Казань, 1977, стр. 11—24). В современной литературе чаще всего указывается «общая численность около 100 тыс. человек» (см.: Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969, стр. 286), С. И. Брук пишет, что в Сибири и на Дальнем Востоке проживает около 400 тыс. поволжских и приуральских татар (см.: С. И. Брук. Указ. раб., стр. 172).

³ Сведения о письменности см.: «Языки народов СССР». Т. II. «Тюркские языки», М., 1966.

⁴ Д. Г. Тумашева. Указ. раб., стр. 266.

⁵ Н. П. Дыренкова. Грамматика шорского языка. М.—Л., 1941, стр. 4.

⁶ Е. И. Убрятова. Язык норильских долган. Новосибирск, 1985, стр. 16; Б. О. Долгих высказывает предположение, что долганы говорят на диалекте якутского языка,

который сложился в XIX—XX вв. (см.: *Б. О. Долгих*. Происхождение долган. — «Сибирский сборник», М., 1963, стр. 107). Эту точку зрения поддерживает и С. И. Брук (указ. раб., стр. 178). Однако особенности языка долган указывают, что его образование должно быть отнесено к значительно более раннему времени. См.: *Е. И. Убрятова*. Язык норильских долган. Новосибирск, 1985, стр. 16.

⁷ *В. И. Рассадин*. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1970, стр. 6.

⁸ *Г. Г. Фисакова*. Вспомогательные глаголы в языке бачатских телеутов. — В кн.: «Язык бачатских телеутов». Кемерово, 1976, стр. 129.

⁹ *В. И. Рассадин*. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971; *его же*. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М., 1978.

¹⁰ Библиографию работ А. П. Дульзона, посвященных языку чулымских тюрков, см.: *Р. М. Бирюкович*. Звуковой строй чулымско-тюркского языка. М., 1979, стр. 195.

¹¹ «Вопросник диалектологического атласа тюркских языков Сибири», Новосибирск, 1984.

¹² «Сибирский диалектологический сборник», Новосибирск, 1980; «Лексика и морфология тюркских языков», Новосибирск, 1982; «Морфология тюркских языков Сибири», Новосибирск, 1985.

¹³ «Морфология имени в сибирских языках», Новосибирск, 1981; «Падежи и их эквиваленты в строе сложного предложения в языках народов Сибири», Новосибирск, 1981; «Структурные и функциональные типы полипредикативных конструкций», Новосибирск, 1982; «Грамматические исследования по языкам Сибири», Новосибирск, 1982; «Тюркские языки Сибири», Новосибирск, 1983; «Предикативное склонение причастий в алтайских языках», Новосибирск, 1984; «Теоретические аспекты лингвистических исследований», Новосибирск, 1984; «Полипредикативные конструкции в языках разных систем», Новосибирск, 1985; «Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем», Новосибирск, 1986.

¹⁴ *Т. П. Филистович*. Причастно-последложные конструкции в роли сказуемых зависимой части сложных предложений, выражающих временные значения в алтайском языке. — В сб.: «Лексика и грамматика языков Сибири», Барнаул, 1985; *Т. П. Шубина*. Уступительная связь в системе отношений обусловленности (на материале алтайского языка). — Там же.

¹⁵ *Л. А. Шамина*. Темпорально-предикативные конструкции тувинского языка. Новосибирск, 1987.

¹⁶ *А. В. Есипова*. Определительные функции причастий в шорском языке. Автореф. канд. дисс., Алма-Ата, 1982.

¹⁷ *Т. Н. Боргоякова*. Полипредикативные конструкции с причастно-последложной зависимой частью (на материале хакасского языка). — В кн.: «Структурные и функциональные типы (на материале языков народов Сибири)», Новосибирск, 1982.

¹⁸ *Н. Н. Ефремов*. Сложноподчиненные предложения времени в якутском языке. Новосибирск, 1984.

¹⁹ *М. Ч. Чумакаева*. Согласные алтайского языка. Горно-Алтайск, 1978; *И. Я. Седюгина*. Кумандинский консонантизм. Новосибирск, 1983. Полную библиографию работ, подготовленных в ЛЭФИ до 1981 года, см. в кн.: «Письменность народов Сибири. История и перспективы». Новосибирск, 1981, стр. 16—29.

²⁰ *В. М. Наделяев*. Теоретическое и практическое значение исследований по языкам народов Севера. — В кн.: «Письменность народов Сибири. История и перспективы», Новосибирск, 1981, стр. 11—16; *его же*. Артикуляционная классификация гласных. — В сб.: «Фонетические исследования по сибирским языкам», Новосибирск, 1980, стр. 9—91; *его же*. Палатографирование (Методические заметки). — В сб. «Фонетика языков Сибири», Новосибирск, 1984; *его же*. Циркум-байкальский языковой союз. — «Исследования по фонетике языков и диалектов Сибири», Новосибирск, 1986.

²¹ «Советская тюркология», 1985, № 2, стр. 104—105.

²² *Е. Е. Аксенова*, *А. А. Барболина*. Дулгайттар букварьдара. Отв. редактор В. М. Наделяев. Красноярск, 1984.

²³ *В. М. Наделяев*. Проект алфавита долганской письменности. — В кн.: «Письменность народов Сибири. История и перспективы», где приведена также библиография работ по долганскому языку (Новосибирск, 1981, стр. 36); *его же*. Графика и орфография долганского языка. — В сб.: «Экспериментальная фонетика сибирских языков». Новосибирск, 1982.

²⁴ *И. Е. Алексеев*. Вопросительное предложение в якутском языке. Якутск, 1982; *его же*. О форме и содержании риторического вопроса в якутском языке. — В кн.: «Исследования по грамматике якутского языка», Якутск, 1983.

²⁵ «Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология», М., 1982; *Е. И. Коркина*. Деелричастие в якутском языке. Новосибирск, 1985.

²⁶ *Н. Н. Ефремов*. Сложноподчиненные предложения времени в якутском языке. М., 1984 и статьи автора по этому же вопросу.

²⁷ *М. С. Воронкин*. Северо-западная группа говоров якутского языка. Якутск,

1984; П. П. Барашков. Фонетические особенности говоров якутского языка. Якутск, 1985.

²⁸ W. Radloff. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen. St.-Pb. 1908, стр. 2.

²⁹ Н. К. Антонов. О якутских основах неизвестного происхождения. — В кн.: «О. Н. Бетлингк и его труд о языке якутов», Якутск, 1977, стр. 143—166.

³⁰ Г. В. Попов. О словах неизвестного происхождения в якутском языке. — В кн.: «Лексика и морфология тюркских языков», Новосибирск, 1982; *его же*. Слова «неизвестного происхождения» якутского языка (сравнительно-историческое исследование). Автореф. канд. дисс., Алма-Ата, 1982; *его же*. Слова «неизвестного происхождения» якутского языка (сравнительно-историческое исследование), Якутск, 1986.

³¹ С. Е. Малов. Якутский язык и его отношение к другим тюркским языкам (Изложение доклада на сессии). — «Вестник АН СССР», 1941, № 5—6, стр. 63.

³² St. Kalużyński. Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache. Warszawa, 1961, стр. 7.

³³ Е. И. Оконешников. Э. К. Пекарский как лексикограф. Новосибирск, 1982.

³⁴ Н. Е. Петров. О содержании и объеме языковой модальности. Новосибирск, 1981; *его же*. Языковая модальность и средства ее выражения в якутском языке. Автореф. докт. дисс., Алма-Ата, 1982; *его же*. Модальные слова в якутском языке. Новосибирск, 1984.

³⁵ А. П. Дульзон. Диалекты татар-аборигенов Томи. — «Ученые записки Томского педагогического института», т. XV. Томск, 1956, стр. 297.

³⁶ М. А. Абдрахманов. Явления смешения в употреблении некоторых грамматических форм. — «Ученые записки Томского пединститута», т. XVII, 1958; *его же*. Особенности диалектно-языкового смешения в фонетике. — Там же, т. XVIII, 1959; *его же*. Особенности развития словарного состава при диалектно-языковом смешении. — Там же; *его же*. Материалы по словарю томско-тюркских говоров. — «Сборник статей по вопросам языкознания и методике преподавания иностранных языков», Томск, 1964, стр. 83—93.

³⁷ А. П. Дульзон. Чулымские татары и их язык. — «Ученые записки Томского педагогического института», т. IX, Томск, 1952; *его же*. Тюрки Чулыма и их отношение к хакасам. — «Ученые записки Хакасского НИИЯЛИ», т. VII, 1959 и др. Подробную библиографию работ А. П. Дульзона по языку чулымских тюрков см. в книге: Р. М. Бирюкович. Морфология чулымско-тюркского языка. Ч. II. Саратов, 1981.

³⁸ Р. М. Бирюкович. Указ. раб.

³⁹ Р. М. Бирюкович. Лексика чулымско-тюркского языка. Саратов, 1984.

⁴⁰ Р. М. Бирюкович. Типологическая характеристика чулымско-тюркской акцентуации. — В кн.: «Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов», Новосибирск, 1986.

⁴¹ Библиография работ по долганскому языку З. П. Демьяненко, Н. П. Бельтюковой, Т. М. Кошеверовой см. в кн.: «Письменность народов Сибири», Новосибирск, 1981; Е. И. Убрятова. Язык норильских долган. Новосибирск, 1985; Н. П. Бельтюкова. Относительная частотность согласных в языке долган. — В кн.: «Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов», Новосибирск, 1986.

⁴² См., например: А. П. Дульзон. Древние смены языков народов на территории Томской области по данным топонимии. — «Ученые записки Томского пединститута», т. VI, Томск, 1950.

⁴³ О. Т. Молчанова. Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979; здесь же приведена библиография предшествующих работ автора (стр. 392—393).

⁴⁴ О. Т. Молчанова. Морфологические характеристики тюркских географических имен Горно-Алтайской автономной области. I. — «Советская тюркология», 1983 № 2. II. — Там же, 1983, № 4; *ее же*. Структурные типы тюркских топонимов Горного Алтая, Саратов, 1982; *ее же*. Опыт сравнительно-исторического и типологического исследования тюркской топонимии Горно-Алтайской автономной области. Автореф. докт. дисс.

⁴⁵ Н. А. Баскаков. Алтайский язык. М., 1958.

⁴⁶ «Язык бачатских телутов», Новокузнецк, 1976; «Языки народов Сибири», Кемерово, 1980.

⁴⁷ Н. Б. Поспелова. Фонемы [к] и [к₂] в мрасском диалекте шорского языка. — В сб.: «Экспериментальная фонетика сибирских языков», Новосибирск, 1982.

⁴⁸ Н. В. Шавлова. Словесное ударение в нижне-мрасском говоре шорского языка. Автореф. канд. дисс., Алма-Ата, 1984.

⁴⁹ Э. Ф. Чистяков. Придаточные предложения в шорском языке. Автореф. канд. дисс., Томск, 1973; А. В. Естипова. Определительные функции причастий в шорском языке. Автореф. канд. дисс., Алма-Ата, 1982.

⁵⁰ О. Ф. Герцог. Ритмомелодика побудительных предложений теленгитского диалекта алтайского языка. — «Фонетика языков Сибири», Новосибирск, 1984; *ее же*. Ритмомелодика вопросительных предложений теленгитского диалекта алтайского языка. — Там же; С. И. Машталир. Инвентарь согласных фонем языка теленгитов. — Там же, 1985.

⁵¹ *Н. В. Гаврилин*. Реестр гласных фонем в языке бачатских телеутов. — «Фонетика языков Сибири», Новосибирск, 1984; *его же*. Рентгенограммы гласных в бачатско-телеутском языке. Новосибирск, 1985; *Ф. А. Ким*. Интонация в языке бачатских телеутов (На материале простых односоставных побудительных предложений). — «Фонетика языков Сибири», Новосибирск, 1984; *В. Н. Кокорин*. Вокализм языка чалканцев (по экспериментально-фонетическим данным). Автореф. канд. дисс., Алма-Ата, 1982; *Н. А. Мандрова*. Консонантизм в языке чалканцев (по экспериментально-фонетическим данным). Автореф. канд. дисс., Алма-Ата, 1982.

⁵² *Л. М. Бродская, Е. К. Скрибник, М. И. Черемисина*. Сопоставительный анализ функций некоторых причастно-падежных конструкций в алтайских языках. — Сб. «Лексика и грамматика языков Сибири»; *Т. П. Филистович*. Причастно-последельные конструкции в роли сказуемых зависимой части сложных предложений, выражающих временные отношения в алтайском языке. — Там же; *Т. П. Шубина*. Уступительная связь в системе отношений обусловленности. — Там же.

⁵³ *Н. Д. Дьячковский*. Консонантизм якутского языка. Автореф. докт. дисс., Алма-Ата, 1982.

⁵⁴ *Н. К. Антонов*. Исследования по исторической лексике якутского языка (Именные основы). Автореф. докт. дисс., Якутск, 1973.

⁵⁵ *Н. К. Антонов*. Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск, 1971; *его же*. О якутских основах неизвестного происхождения. — В кн.: «О. Н. Бетлингк и его труд о языке якутов». Якутск, 1972, стр. 149; *его же*. Лекции по тюркологии. Новотюркская эпоха. Якутск, 1984.

⁵⁶ *П. С. Афанасьев*. Якутская лексикография. Якутск, 1976; *И. П. Винокуров*. Падежная система в якутском языке. Якутск, 1977; *П. А. Слепцов*. История якутского языка. Якутск, 1983.

⁵⁷ *Н. К. Антонов*. Лекции по тюркологии. Новотюркская эпоха. Якутск, 1984.

⁵⁸ *Е. И. Убрятова*. Историческая грамматика якутского языка. (Учебное пособие). Якутск, 1985.

⁵⁹ *Н. Д. Дьячковский*. Фонетика. — В кн.: «Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология», М., 1982, стр. 39—107.

⁶⁰ *Г. Г. Филиппов*. Соотношение временного и модального значений глагола в якутском языке. — В сб.: «Исследования по грамматике якутского языка», Якутск, 1983, стр. 109—129; *его же*. Модальные формы причастий на *-аа* и *-аах* в якутском языке. — В кн.: «Морфология тюркских языков Сибири». Новосибирск, 1985, стр. 87.

⁶¹ *Д. Г. Тумашева*. Диалекты сибирских татар. Казань, 1977; *ее же*. Формирование вокализма западносибирских татар. — В сб.: «Исследование звуковых систем в языках Сибири», Новосибирск, 1984.

⁶² *Ф. Ю. Юсупов*. Изучение татарского глагола. Казань, 1986; *его же*. Причастия в диалектах сибирских татар. — В кн.: «Морфология тюркских языков Сибири», Новосибирск, 1985; *его же*. Неличные формы глагола в диалектах татарского языка. Казань, 1985; *его же*. Проявление ассимиляции и диссимиляции в говоре сафакульских татар в сопоставлении с тюркскими языками Урала, Сибири, Казахстана. — В кн.: «Фонетика языков Сибири и сопредельных стран», Новосибирск, 1986.

⁶³ *Ш. Ч. Сат*. Формирование и развитие национального тувинского языка. Кызыл, 1973.

⁶⁴ *К. Н. Бурнакова*. Мелодемы простых односоставных побудительных предложений в качинском диалекте хакасского языка. — В кн.: «Экспериментальная фонетика сибирских языков», Новосибирск, 1982.

⁶⁵ «Исследования по современному хакасскому языку». Абакан, 1980; «Вопросы хакасского литературного языка», Абакан, 1984.

⁶⁶ *М. И. Черемисина*. О подготовке синтаксического описания алтайского языка. — В сб.: «Алтайский язык на современном этапе его развития». Горно-Алтайск, 1984, стр. 103—115.

⁶⁷ «Вопросы изучения алтайского языка (Сборник научных трудов)». Горно-Алтайск, 1981.

Р Е Ц Е Н З И И

Л. Ж. ЖАБЕЛОВА. СЛОЖНЫЕ ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ
В СОВРЕМЕННОМ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

ИЗД-ВО «ЭЛЬБРУС». НАЛЬЧИК, 1986, 110 стр.

Место сложных слов в языке, их отношение к морфологии и синтаксису — это те вопросы, которые дискутируются не только в тюркском, но и в общем, теоретическом языкознании. Поиски четких критериев для отграничения этого лексического пласта и проведения его систематизации относятся, на наш взгляд, к числу актуальных теоретических и практических задач. Рецензируемая книга Л. Ж. Жабеловой посвящена разработке именно указанных проблем на материале карачаево-балкарского языка. Она состоит из трех глав и заключения, а также помещенного в качестве приложения словаря сложных существительных, содержащего около 530 лексем.

В первой главе излагается история изучения в тюркском языкознании сложных имен существительных. Автор не ограничивается анализом только современной тюркологической литературы, а широко привлекает работы исследователей и индоевропейских языков.

Говоря о природе тюркского словосложения, Л. Ж. Жабелова выступает против концепции, согласно которой сложные слова образуются в результате лексикализации некоторых типов синтаксических словосочетаний, и вслед за А. А. Юлдашевым и другими учеными утверждает, что образование сложных имен существительных происходит на уровне словообразовательной морфологии, в серийном порядке, по сложившимся моделям уже существующих в языке общеизвестных сложных слов (с. 12—13). Далее автор устанавливает основные критерии отграничения в карачаево-балкарском языке сложных слов от словосочетаний: сложным словам присуща семантическая цельность; их компоненты спаяны между собой интонационной и смысловой связью; состав сложного слова характеризуется постоянством; сложные слова, как и простые лексические единицы, могут выступать в роли производящей основы (*к'эол к'эал* 'рукавица' — *к'эол к'эаллык* 'материал для рукавиц', *тахта*

к'эгет 'овощ' — *тахта к'эгетчилик* 'овощеводство' и т. д.).

Во второй главе, посвященной детерминативным композитам, автор показывает, что в отличие от других тюркских языков в карачаево-балкарском наиболее продуктивным способом образования сложных слов является использование для этой цели структурной схемы I изафета; например, *бел бау* 'пояс', *аш юй* 'кухня', *жюн таракъ* 'чесалка' и др. К сложным словам, образованным этим способом, автор относит не только лексические единицы, сложившиеся по моделям атрибутивных словосочетаний с качественным определением, но и слова, компоненты которых хотя и связаны отношениями принадлежности, однако не имеют ее формальных показателей—аффикса родительного падежа (первый компонент) и притяжательного аффикса (второй компонент сложного слова): *бурун тешик* 'ноздря', *бичакъ сап* 'рукоятка ножа' и др. Одной из особенностей карачаево-балкарского языка является то, что, несмотря на опущение этих показателей, отношения принадлежности между элементами сложного существительного сохраняются (с. 32).

Как показывает Л. Ж. Жабелова, в карачаево-балкарском языке иногда встречаются и такие сложные слова, где первый компонент не имеет аффикса родительного падежа, а второй — имеет его (II изафет), например: *жаз башы* 'весна', *юй аллы* 'двор' и т. п.

Во второй главе рассматриваются также сложные существительные, образовавшиеся по моделям именных словосочетаний, и сложные имена, соотносящиеся с глагольными словосочетаниями. Автору удалось выявить все типы словосложения, охарактеризовать эти словообразовательные модели с учетом их продуктивности, а также установить, какая лексика используется в языке в качестве компонентов сложных существительных, образованных по той или иной модели. Таким образом, компоненты сложного слова рассматриваются

как с формальной, так и с семантической точек зрения. Например, автор установила, что в роли второго компонента сложного существительного, образованного по модели глагольного словосочетания, могут выступать: а) глагольная основа (*бёрютут* 'волкодав', *башкес* 'головорез'); б) формы глагола на *-ар/-ер* (*бёратар* 'человек, способный на большие дела', *кёушжетер* 'скакун'); в) причастие на *-ычу/иучю* (*ийнек саууучу* 'дояр', *быстыр тигиучю* 'швея'); г) формы глагола на *-маз/-мез* (*атайтмаз* — табуированное слово, *кюйтиймез* ирон. 'кисейная барышня, домоседка', *кёзкёрмез* 'необозримое пространство, то есть такое, которое невозможно охватить взором').

Сложные существительные характеризуются автором как с семантической, так и со стилистической точек зрения. Определенное внимание уделяется в книге и орфографии сложных слов.

Третья глава монографии посвящена парным существительным. Здесь анализируется обширный материал карачаево-балкарского языка. При рассмотрении парных и парноповторных слов Л. Ж. Жабеловой учитываются преимущества и недостатки существующих подходов к решению этих вопросов.

В этой же главе прослеживаются признаки, отличающие парные существительные от синтаксических словосочетаний и повторов, а также фонетические, морфологические и лексико-семантические особенности парных слов.

Классификация парных слов производится на основе семантических взаимоотношений их компонентов. В зависимости от этого парные имена существительные подразделяются на три группы: синонимичные (*кюч-кварыу* 'сила, мощь, энергия', *ахлу-жууукъ* 'родственники'), антонимичные (*жер-кёк* собир. 'вселенная', *кёул-бий* собир. 'два антагонистических класса — господ и рабы') и ассоциативные парные существительные (*алма-кертме* 'фрукты', *тешек-жастыкъ* 'постельные принадлежности'). В работе установлен состав лексикона, образующей эти группы парных слов.

Монография, по нашему мнению, не лишена и некоторых недостатков. В первой главе, например, где дается обзор литературы, следовало бы говорить только о проблемных вопросах, а не характеризовать каждую работу, посвященную словосложению, и ограничить при этом количество текстовых примеров.

Проведенный автором отбор сложных существительных на основе установленных ею критериев и приложенный к книге словарь имеют, несомненно, практическое значение, ибо могут быть использованы при выполнении лексикографических работ по карачаево-балкарскому языку. Рецензируемая работа может быть использована также при составлении программ, учебников и учебно-методических пособий, а также при сравнительном изучении лексики тюркских языков.

И. М. Отаров

С. Л. КИМ. СЕМАНТИКА ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ РУССКОГО И УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКОВ

ИЗД-ВО «ФАН», ТАШКЕНТ, 1986, 87 стр.

Рецензируемая книга С. Л. Кима посвящена актуальным проблемам современной дериватологии — словообразовательным типам и семантике относительных прилагательных. Материалы и выводы ее могут быть использованы для сравнительно-типологического описания атрибутивных отношений в русском и узбекском языках.

Первая глава посвящена анализу словообразовательной семантики относительных отсубстантивных прилагательных (ООП) русского и узбекского языков. Автор указывает существенную особенность русских относительных прилагательных: они в подавляющем большинстве не имеют вне контекста четко очерченного лексического значения, которое можно было бы считать первичным, основным, номинативным, свободным. При этом подчеркивается различ-

ное содержание понятия «относительное прилагательное» в узбекской и русской грамматиках. Узбекская грамматика относит к качественным прилагательным все неизменяемые в синхронном плане слова, а к относительным — все производные. Русское же языкознание относительными считает только производные прилагательные, выражающие самое общее отношение к тому, что названо производящим, то есть характеризующиеся неопределенностью лексического значения.

Автор утверждает, что словообразующие аффиксы узбекских прилагательных семантически конкретны, однако можно ли говорить о конкретизации аффиксом *-ли* 'имеющий то', 'обладающий тем', обозначенного производящим словом: *адабли* 'вежливый, учтивый', *тузли* 'солёный'; или

о конкретности аффикса *-чан*, четко проясняющего то, что названо производящим словом: *ишчан* 'работающий', *кунгилчан* 'отзывчивый'¹.

Автором подробно рассматриваются аффиксы *-ники*, *-ги/-ки*, *-даги* и отмечается, что узбекские прилагательные на *-ники*, представляющие собой результат продуктивного способа словообразования, близки русским существительным в родительном падеже и членным формам ООП со значением притяжательности, ср.: «шуба царя» — «царская шуба». Но если притяжательное значение в русском языке реализуется в контексте, то принадлежность в узбекском языке выражают только прилагательные с *-ники*, и поэтому контекст не является непременным условием для реализации данного значения.

Автор на большом числе примеров показывает близость, но не тождественность русским ООП узбекских прилагательных на *-ги* и *-даги* и приходит к выводу, что «узбекские прилагательные на *-ники*, *-ги*, *-даги* семантически тождественны только отдельным конкретизированным в контексте значениям русских ООП, т. е. актуализированным ЛСВ лексем, а не лексемам в целом как знакам виртуальным» (с. 7).

Бесспорным и очевидным является, на наш взгляд, и утверждение автора, что «наиболее близки к русским ООП узбекские прилагательные с аффиксом *-ий/-вий* и заимствованные из русского языка, разнообразные по оформлению, преимущественно русско-интернациональные слова» (с. 7).

Говоря о демаркационной линии между качественными и относительными прилагательными в русском и узбекском языках, С. Л. Ким пытается выявить специфику системной организации лексико-грамматических категорий. Для этого им производятся следующие сопоставления: *легкий* и *сильный* — в русском языке качественные прилагательные, а *летний* — относительное. В узбекском же языке *енгил* 'легкий' — качественное прилагательное, *кучли* 'сильный', *езги* 'летний' — относительные. Здесь причины членения слов по разрядам разные. В русском языке оппозиция «качественное прилагательное — относительное прилагательное» строится на признаке определенности/неопределенности лексического и словообразовательного значений. Специфичность же классификации узбекских прилагательных состоит, как утверждает автор, в противопоставлении производных слов производным, тогда как оппозиция по определенности/неопределенности семантики для них не характерна.

И, следовательно, понятие «относительное прилагательное» в русской грамматике сближает с соответствующим понятием в узбекской грамматике лишь производность слова, то есть выражение признака предмета по отношению к другому предмету.

Поскольку в узбекском языке нет лексико-грамматического разряда, полностью соответствующего русским относительным прилагательным, для установления изоморфизма сравниваемых языковых структур необходимо, по мнению С. Л. Кима, обратиться к единицам не морфологического, а синтаксического уровня. В связи с этим анализируются определительные группы двух структурных типов изафета: С+С (отсутствие внешне выраженной связи между компонентами, то есть примыкание) и С+С+аффикс принадлежности — (с) (при наличии внешне выраженной связи, то есть управление); *куватли* 'сильный'.

Проанализировав обширный фактический материал, С. Л. Ким приходит к выводу, что «в сфере однокоренных образований узбекского языка различаются по своей природе три явления:

1. Совпадение значений прилагательных.
2. Совпадение в одном значении полисемантических слов.
3. Расхождение значений» (с. 30—31).

В завершение первой главы работы С. Л. Ким отмечает сложность исследования проблемы семантики однокоренных параллельных ООП, требующей всестороннего учета особенностей лексического значения производящего слова, специфики значений формантов, семантических процессов при словопроизводстве.

Во второй главе анализируется семантика относительных отсубстантивных прилагательных русского языка и узбекских изафетных конструкций.

Касаясь вопроса о лексическом значении ООП русского языка, С. Л. Ким утверждает, что конкретное смысловое наполнение ООП с суффиксами *-н*-, *-ов*-, *-ск*- вне контекста неопределимо, и это обусловлено характером словообразовательной специфики данного разряда прилагательных. При этом автор уточняет: «Выражаемые ими отношения конкретизируются только в определенном словесном окружении, чаще всего — в словосочетании „прилагательное+существительное“» (с. 41).

С. Л. Ким выделяет следующие признаки лексического значения ООП:

- регулярная реализация в типичных сочетаниях (типичных контекстах);
- достаточно частая употребляемость в речевой практике и поэтому предсказуемость, то есть типичность для лексем;
- употребительность в разных сферах человеческой деятельности, а не ограниченность лишь одной;

¹ Ф. А. Ганиев. Суффиксальное словообразование в современном татарском литературном языке. Казань, 1974, стр. 160—162.

— относительная самостоятельность (автономность) и поэтомо вычленяемость из содержания словосочетания в целом.

Лексическое значение относительных прилагательных, по утверждению автора, формируется в результате взаимодействия внутреннего и внешнего контекстов.

Под внутренним контекстом с некоторой долей условности автор понимает производящую основу как контекст словообразовательного формата, а под внешним вербальный контекст в обычном понимании.

Во втором параграфе книги («Типовые контексты и типовые лексические значения») рассматривается семантическая классификация ООП. Автор считает, что распределение производящих слов по тематическим группам создает предпосылку для учета типовых лексических значений. Тематическая группа относительных прилагательных образует определенный семантический тип лексем со своими типовыми лексическими значениями. Типовые же лексические значения данный вид лексем реализует лишь в типовых контекстах.

В следующем параграфе «Типовые лексические значения относительных отсубстантивных прилагательных русского языка и узбекских изафетных конструкций» С. Л. Ким анализирует типовые контексты ООП на примере четырех тематических групп: 1) прилагательные, производные от существительных тематической группы «лицо по роду занятий (профессии)»: ткацкое ремесло; актерский дар; генеральская папаха; 2) прилагательные, образованные от существительных тематической группы «вещество»: алмазное ожерелье; графитовая порода; солевые залежи; нефтяные промыслы; 3) прилагательные, образованные от существительных тематической группы «растение»: свекольная ботва; арбузная бахча; 4) прилагательные, производные от существительных, называющих плодовые растения, то есть дающие плоды, пригодные в пищу человека: лимонная долька; клюквенный кисель.

Одновременно анализируются особенности типовых значений трех изафетных конструкций узбекского языка. Первый

тип характеризуется отсутствием внешне выраженной связи между атрибутивным членом и определением: *тош девор* (букв. 'камень—стена') 'каменная стена'. Второй тип характеризуется наличием внешне выраженной связи — определяемое получает аффикс принадлежности 3-го лица *-и/-си*: *дала ишлари* 'полевые работы'. Третий тип характеризуется наличием особых морфологических примет при соответствующих членах группы: определение принимает аффикс принадлежности 3-го лица *-и/-си*.

Давая определение изафетных конструкций узбекского языка, С. Л. Ким утверждает, что «для выражения неопределенного недифференцированного значения в узбекском языке используются изафетные конструкции первого и второго типов» (с. 74). Почему же только первого и второго типов?

На следующей же странице читаем. «Данное типовое лексическое значение в узбекском языке (содержащий в себе то, что названо атрибутивным членом изафета. — Ф. А.) реализуется в конструкции „прилагательное с аффиксом *-ли*+существительное“. В этом случае использование изафетной конструкции необязательно, хотя иногда возможны варианты, например: *кадмийли рудалар—кадмий рудалари*» (с. 75). В связи с этим возникает ряд вопросов: почему необязательно использование изафетной конструкции, что является критерием необязательности, а также при каких условиях возможны варианты конструкций? Если неопределенность в русском языке выражается относительными прилагательными, а в узбекском — изафетными конструкциями, то в данном случае одним и тем же термином именуется неадекватные явления, и, следовательно, используемый автором метаязык грешит неточностью.

В целом же монография С. Л. Кима является удачной разработкой проблемы относительных прилагательных в русском и соотносительного языкового материала в узбекском языках.

Ф. Р. Ахметжанова

Ж. М. ГУЗЕЕВ. СЕМАНТИЧЕСКАЯ РАЗРАБОТКА СЛОВА В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

ИЗД-ВО «ЭЛЬБРУС», НАЛЬЧИК, 1985, 193 стр.

Составление толковых словарей связано прежде всего с семантическим анализом включаемой в них лексики. Рецензируемая монография является первым в тюркологии специальным исследованием, посвященным этой проблеме.

Книга состоит из предисловия и четырех разделов.

Первый раздел посвящен разграничению типов значений слов: грамматического, лексического и словообразовательного. Характеризуя семантическую структуру сло-

ва, автор вслед за другими исследователями считает, что она включает, помимо соотносительности слова с каким-либо явлением объективной действительности, также еще его эмоционально-экспрессивную оценку, парадигматические и синтагматические отношения. И с этим мнением автора нельзя не согласиться.

Ж. М. Гузеевым впервые предпринята попытка определить особенности словообразовательных возможностей тюркского слова на основе изучения семантики производного слова в разных тюркских языках, выявления смысловых соотношений производного и производящего слова. Сопоставляя словообразовательное значение с лексическим и грамматическим значениями, автор заключает: «Если лексическое значение характеризует отдельное слово, а грамматическое — слово данной части речи, то словообразовательное значение присуще всем словам для класса одной и той же группы внутри грамматического класса, т. е. это серийное значение» (с. 42).

Анализируя разработку производных слов в толковых словарях тюркских языков, Ж. М. Гузеев устанавливает, что значения многих из них разъяснены неверно, то есть не посредством ссылки на значения соответствующих первичных основ, а путем прямого описания. Так толкуются, например, слова каз. *борыштан* — 'задолжать' и туркм. *басмачылык* 'басмачество'. Подобные определения, отмечает Ж. М. Гузеев, неадекватны переводимому слову, ибо в них не учитывается лексическое содержание самих производящих слов *борыш* 'долг', *басмачы* 'басмач'.

При определении состава значений многозначного слова автор подробно останавливается на ведущем и производных значениях слов, раскрывает их специфику.

Некоторые ученые считают ведущим наиболее употребительное значение слова, другие — наиболее широкое его значение, третьи — базовое значение, лежащее в основе всех остальных значений. Ненадежность этих критериев Ж. М. Гузеев объясняет следующим образом: 1) в тюркском языкознании отсутствуют объективные методы установления употребительности значений слов. Поэтому лексикографы обычно руководствуются в этом вопросе своей интуицией, а это не может не привести к субъективным решениям; 2) в широком значении в тюркских языках выступают лишь отдельные слова; 3) не всегда удается установить прямую зависимость в развитии семантики слов.

По мнению автора, которое разделяем и мы, ведущим является значение, оказывающее влияние на становление всей семантической структуры многозначного слова и характеризующееся наибольшей

парадигматической и наименьшей синтагматической обусловленностью.

Исследовав производные значения слов, Ж. М. Гузеев установил, что фразеологически связанные и синтаксически обусловленные значения выделяются и разрабатываются в ряде толковых словарей тюркских языков не всегда достаточно обоснованно. Так, в них фразеологически связанные значения слов оформляются следующим образом: узб. *чумак*: *чумак урди* 'слегка покраснеть, начинать созревать (о фруктах)', тат. *ваз*: *ваз кичу* 'отречься, отступить, отказаться'. С учетом того, что слова *чумак* и *ваз* не имеют прямых номинативных значений и в языке самостоятельно не функционируют, Ж. М. Гузеев считает целесообразным отнестись к сочетаниям, образуемые ими, к фразеологии. Он выражает свое несогласие с существующей традицией одинаковой лексикографической разработки ведущего и синтаксически обусловленных значений слова. Так, в кирг. *баш* 'голова' значения '3. колос', '5. верхняя часть чего-л.', '6. начало чего-л.' выражаются лишь в определенном лексическом окружении, ср.: *арпанын, буудайдын башы* 'колос ячменя, пшеницы', *бактын, тоонун башы* 'верхушка дерева, вершина горы', *суунун башы* 'начало, исток реки'. Действительно, разработка указанных значений наравне с ведущим «создает неправильное представление о семантической природе многозначных слов, особенно у тех, кто не искушен в этих вопросах» (с. 21). Поэтому автор предлагает, как нам кажется, оправданный прием подачи обусловленных значений слов в словарях: *кбалкчыкъз* 3. *Нартюх, будай, урлыкъ* д. а. к.) *чыкъды* 'войти, дать всходы (о семенах)'... 4. *(тиш) чыкъды* 'прорезаться (о зубах)' и т. д.

Расположение значений слова в словарной статье в определенной последовательности способствует наиболее полному выявлению его семантики, выведению одного значения из другого. Ж. М. Гузеев допускает возможность расположения значений слова в словарной статье по генетическому принципу, так как это «дает наиболее ясную картину развития семантической структуры слова» (с. 33). Однако, по его мнению, принятию данного принципа составителями толковых словарей тюркских языков препятствует то, что лексика большинства из них в историческом аспекте изучена недостаточно. Поэтому даже принятие этого принципа не гарантирует последовательности в его соблюдении. И тогда автор предлагает располагать значения слова в словарной статье в зависимости от степени их употребительности в современном языке.

Во втором разделе работы исследуется

омонимия, которая подразделяется автором на генетически неродственную и родственную. Второму типу омонимов отведено одно из центральных мест в монографии.

В вопросе выявления словообразовательной сущности конверсии в тюркских языках автор разделяет мнение В. В. Виноградова, Б. А. Серебренникова, А. Н. Кононова, А. А. Юлдашева и других и приходит к выводу, что переход одной части речи в другую при неизменном сохранении внешней формы слова (ср. башк. *якшы* 'хороший' и 'хорошо', кбалк., каз., кирг. и др. *бай* 'богатый' и 'богач', 'феодал') нельзя считать функциональным явлением, как утверждают некоторые ученые (см. с. 49—62), ибо это лексико-грамматический способ словообразования. На многочисленных примерах из разных тюркских языков Ж. М. Гусев доказывает, что в двоякофункционалирующих словах нет основной и второстепенной функций. Обе функции в них равноценны, одинаково регулярны и постоянны. Так, слово *якшы* регулярно функционирует в роли определения и обстоятельства образа действия, а *бай* — в роли определения и подлежащего.

То, что конверсия в тюркских языках не идет на убыль, как это утверждают сторонники синкретизма, а, наоборот, увеличивается, Ж. М. Гусев объясняет тем, что абсолютное большинство двоякофункционалирующих слов — производные.

О неубедительности теории синкретизма, по мнению Ж. М. Гусева, говорит и тот факт, что некоторые ее сторонники пачали пересматривать свои взгляды. Так, Э. В. Севортян допускает, что «древняя глагольно-именная омонимия в более поздние эпохи в отдельных тюркских языках... могла иметь тенденцию к перерастанию в конверсию...» (с. 57). А. Н. Кононов в одной из своих последних работ глагольно-именную омонимию считает результатом конверсии (с. 58).

В отличие от своих предшественников, исследовавших в основном только один тип конверсии: глагол — имя, Ж. М. Гусев в своей работе рассматривает все возможные ее типы: глагол — имя, имя — глагол, прилагательное — наречие, наречие — прилагательное, прилагательное — существительное, существительное — прилагательное, имя — послелог и т. д. и выявляет 39 разновидностей конверсионных пар, конверсионных групп, состоящих из трех — 12 и четырех — 5 членов.

Автор установил, что послелоги, образуемые от знаменательных слов без изменения их внешней формы, обладают теми же дифференциальными признаками, что и исконные послелоги — самостоятельные слова. На основании этого, полагает он, послелоги и первого, и второго типов должны приводиться в словарях самостоятельными статьями, то есть оформляться как омонимы к своим исходным основам,

ср.: кирг. *бери* I нареч. 'сюда' — *бери* II послел. 'с, со', кбалк. *башха* I прил. 'другой' — *башха* II послел. 'кроме' и др. На наш взгляд, довод убедительный.

Ж. М. Гусев установил, что полноценный глагол и образованный от него служебный глагол могут употребляться в одном и том же морфологическом построении: кбалк. *бара бар-* 'продолжать идти (туда)', кирг. *тура тур-* 'стоять в ожидании (кого, чего)' и т. д. (с. 110). Такие факты, как справедливо отмечает автор, свидетельствуют о нарушении тождества между служебным и самостоятельным глаголами, и поэтому слова типа кбалк. *уша-* 'походить (на кого, что)' и *уша* 'оказывается' (с. 112) правомерно, на наш взгляд, он квалифицирует как омонимы.

Ж. М. Гусев впервые сделал попытку определить последовательность возникновения слов, входящих в конверсионные пары и группы, без чего во многих случаях невозможно установление семантических отношений между производящим и производными словами. Эта попытка, по нашему мнению, оказалась удачной.

Раздел об определении значений слов в словаре также включает актуальные проблемы: типы определения значений слов (филологический, энциклопедический и терминологический) и основные способы филологического их толкования. Необходимость выявления соотношения между указанными типами определения значений слов обусловлена тем, что неразличение их нередко приводит к излишне подробному объяснению значений слов, особенно терминов, в филологическом словаре, что порою заслоняет лингвистическую информацию о них. Думается, автор прав, когда возражает тем исследователям, которые считают, что в филологическом и терминологическом словарях термины должны определяться совершенно одинаково. «В таком случае, — отмечает он, — словарем не смогут пользоваться специалисты, между тем толковый словарь предназначается главным образом для них, т. е. для читателей со средним образованием» (с. 118). По мнению Ж. М. Гусева, определение термина, взятое из терминологического словаря, в филологическом словаре должно быть сокращено и упрощено, но это не должно отразиться на научности его толкования.

Автор подробно исследует описательный, синонимический, перечислительный, комбинированный, отсылочный, то есть все основные способы филологического определения значений слова, а также их достоинства и недостатки.

Многие тюркские общие словари не в полной мере учитывают роль стилистических помет и иллюстративного материала, в результате чего значения некоторых слов в них остаются не до конца выявленными. Указанные ресурсы, как верно отмечает Ж. М. Гусев, «содействуют лучшему пониманию смысла слов и выражений, до-

полняют и уточняют его» (с. 158). Поэтому специальное изучение дополнительных средств раскрытия значений слов в рецензируемой работе представляет немалый интерес.

Автор исследует также эмоционально-экспрессивный аспект стилистики, еще недостаточно изученный в тюркологии, и приходит к выводу, что «чем богаче материальная база, тем совершеннее и убедительнее смысловая, функционально-грамматическая и стилистическая характеристика лексических и фразеологических единиц, включаемых в словарь» (с. 166). Тем

не менее составители ряда толковых словарей не уделяют должного внимания подбору цитат. Цитаты часто бывают однообразны и только констатируют принадлежность слова к современному языку, но не способствуют раскрытию его значений.

Монография Ж. М. Гузеева отмечена научным поиском, в ней предлагается решение весьма актуальных проблем семантического анализа слова в толковых словарях современных тюркских языков.

Р. Дж. Магеррамова

В. Г. РОДИОНОВ. ЧУВАШСКОЕ И ТЮРКСКОЕ СТИХОСЛОЖЕНИЕ. УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

ИЗД-ВО ЧУВАШСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА,
ЧЕБОКСАРЫ, 1986, 80 стр.

В большинстве работ по чувашскому стиховедению чувашский стих анализируется обычно как автономная система. Поэтому главным направлением исследований охватываются такие проблемы, как язык и основные принципы стихосложения в связи с особенностями чувашской акцентуации, метрическим репертуаром народного стиха и письменной поэзии, эволюцией чувашского стиха от силлабики к силлабо-тонике, некоторыми аспектами строфики (в основном на материале письменной поэзии) и т. д. При этом собственно национальная специфика чувашского стихосложения исследуется преимущественно в сопоставлении с системой русского классического стиха, без учета «генетических связей поэтических традиций современных тюркоязычных народов с поэтикой древнетюркской литературы и фольклора» (с. 3).

В пособии В. Г. Родионова чувашский народный стих, его генезис и эволюция рассматриваются в сравнительно-историческом плане на основе исследований В. М. Жирмунского, З. А. Ахметова, М. К. Хамраева и других, на фоне развития духовной культуры народа. Автор исходит из тезиса, что «устно-поэтическая система находится в макросистеме духовной культуры общества» (с. 6), уделяя при этом особое внимание методике современных стиховедческих исследований. Пособие состоит из введения, двух основных глав и приложения, содержащего выборку некоторых поэтических текстов из «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари.

В первой главе «Теоретические проблемы чувашского и тюркского стиха» В. Г.

Родионов специально останавливается на ареальном методе. Его применение, считает автор, может способствовать успешной реконструкции особенностей стиха тех тюркоязычных народов, которые не имели длительной и непрерывавшейся письменной традиции. Картографирование отдельных особенностей чувашского устного стиха и его разновидностей позволяет установить не только ареал того или иного явления, но и позволяет делать выводы генетического характера. Так, например, одиннадцатисложный силлабический стих с вертикальной цезурой после седьмого слога встречается одновременно в чувашских, татарских и марийских песнях. Направленное его иррадиации (из центра Казанского ханства) доказывает, что его появление в Среднем Поволжье связано с кыпчакско-язычным влиянием на автохтонные системы стиха чувашей и марийцев. Используя в основном фольклорный материал этносов, входящих в Урало-Поволжскую историко-этнографическую общность¹, автор показывает, что национальное стихосложение представляет собой целостную исторически развивающуюся систему. И в то же время в отдельных территориальных диалектах разных этнографических групп чувашей бытуют и часто доминируют разновременные и разностадиальные поэтические традиции, наблюдаются более позд-

¹ У некоторых других исследователей — «Волго-Камский языковой союз». См.: Б. А. Серебренников. О некоторых отличительных признаках Волго-Камского языкового союза. — «Языковые контакты в Башкирии», Уфа, 1972.

ние наслоения и инновации². Сами ареалы «поэтических диалектов» или отдельных признаков диалектной поэтики могут быть как внутризъязычными, так межъязычными. Полное исчисление изоглос и диахроническая интерпретация ареалов позволят точнее установить время этнокультурных контактов в регионе и направление влияния одной поэтической системы на другую. На наш взгляд, возможность выявления подобных поэтических диалектов, их дифференциальных признаков остается пока гипотетичной и требует вероятностно-статистической обработки значительного по объему корпуса фольклорных текстов.

В пособии отмечаются некоторые аспекты ритмической организации чувашского устного стиха и выделяются такие его разновидности, как напевно-речевой, речитативный и речевой, или интонационно-речевой³. Отдельные разновидности стиха восходят к жанрам народной словесности и поэтому могут исследоваться лишь с учетом специфики этих жанров и формы воспроизведения текстов.

В. Г. Родионов подробно останавливается на роли и функциональной нагрузке тюркской аллитерации в системе стиха. Рассматривая различные точки зрения на эту проблему, высказанные в свое время В. М. Жирмунским, А. М. Щербаком, И. В. Стеблевой и Е. Д. Полывановым, автор приходит к следующим выводам: 1) древнейший вид тюркской аллитерации (вертикальный звуковой повтор, или межстиховая аллитерация. — А. Х.) возникает на базе ритмико-синтаксического параллелизма; 2) развитие изосиллабизма и конечной рифмы приводит к тому, что аллитерация проникает внутрь строки как ритмической единицы стиха и начинает фиксировать начала ритмических групп — тураков;

² Существование таких историко-поэтических диалектов (по В. Г. Родионову), очевидно, является главным отличием поэтического языка чувашского фольклора от фиксированного тюркского рунического койне. Ср.: Э. Р. Тенишев. О наддиалектном характере тюркских рунических памятников. — «Turcologica». К семидесятилетию академика А. Н. Кононова, Л., 1976, стр. 164—165.

³ Термины, которые избрал В. Г. Родионов для обозначения разновидностей народного стиха, по нашему мнению, весьма спорны и семантически малосодержательны. Более оправданными были бы, на наш взгляд, следующие терминологические сочетания: «народный песенный стих», «народный говорный (речитативный) стих», а в случае необходимости — указания на жанр, например «молитвенный стих». Ср.: В. М. Жирмунский. О тюркском народном стихе. — В кн.: «Тюркский героический эпос». Л., 1974, стр. 654.

3) неравномерное развитие аллитерации в устном стихе западных и восточных тюркских народов связано с общей эволюцией системы тюркского стихосложения (распространение силлабики), существованием особых приемов выделения фономорфологического ядра слова, а также степенью влияния иноязычных культурно-поэтических традиций (система аруза и арабо-персидская теория рифмы)⁴.

Во второй главе рецензируемого пособия освещается развитие стихотворной речи в отдельных жанрах чувашского фольклора. Жанрово-функциональный подход позволяет автору обратиться непосредственно к «изучению содержательного уровня поэтики фольклорного стиха» (с. 11), и является одним из основных принципов провозглашаемого В. Г. Родионовым комплексного филологического анализа народной словесности. Организация стихотворной речи в различных фольклорных жанрах рассматривается в основном с точки зрения анализа строфики и выделения синтаксических, лексических и звуковых повторов. Объектами анализа являются следующие жанры: *вёрү-суру чёлхисем* (заговоры), *саламалик*, или *ман кёрү такмакё* (паговор свадебного дружки), *кёлё* (языческие молитвословия), *юрй* (массово-игровые, свадебные и календарно-обрядовые песни). В жанрах речитативного и интонационно-речевого стиха строфа выделяется посредством психологического параллелизма, рефренов-клише и повторов, первоначально связанных с магической функцией поэтической речи. В напевно-речевом стихе строфа выделяется на основе сложного переплетения музыкально-логической завершенности напева и содержательных отрезков самой речи. Автор классифицирует разные типы строфической организации текста, прослеживает их эволюцию в основных лингвоэтнических группах чувашей (тури и анатри), приводит статистические выкладки, касающиеся дистрибуции разного типа строф и повторов в отдельных жанрах, с учетом отношения жанра к соответствующему обряду или магическому действию.

⁴ Последний аспект практически не рассматривается автором, очевидно, по той причине, что в чувашском народном стихосложении нельзя обнаружить даже минимальных следов метрики аруза. Однако в общем плане влияние мусульманской литературной традиции на некоторые жанры чувашского фольклора невозможно отрицать. Сходные черты в ритмико-синтаксической организации текста обнаруживаются, например, в чувашских языческих молитвословиях (*кёлё*) и булгаро-чувашских эпитафиях XIII—XIV веков, написанных рифмованной прозой саж. Вопрос этот, конечно, требует специального изучения.

Благодаря богатству конкретных наблюдений, использованию большого фактического материала данный раздел пособия, несомненно, сыграет свою роль в создании исторической поэтики чувашского фольклора.

Говоря о развитии стихотворной речи в чувашской народной словесности, В. Г. Роднонов вполне оправданно обращается к вопросам интонационно-ритмической структуры различных видов народного стиха. Акцент здесь делается прежде всего на синтагматическом членении предложения в коммуникативном аспекте (соотношение темы и ремы), темповых характеристиках, особенностях расстановки пауз, средствах логического ударения, равнодлительности и равносложности стиха в народной песне и т. д. Следует сказать, что выделенные автором признаки действительно являются важными и релевантными, однако их иерархия и функциональ-

ная нагрузка в ритмической организации стиха остаются, по нашему мнению, все же недостаточно раскрытыми. Анализ интонационно-ритмической организации стиха невозможен вне метрики. Между тем автор практически ничего не говорит о метрических принципах речитативного и интонационно-речевого стиха. Совершенно неразработанными остаются пока и темы «интонация в стихотворной речи», «общие вопросы мелодики» применительно к жанрам чувашского фольклора.

В настоящем своем виде рецензируемое пособие скорее является «введением в чувашское и тюркское стихосложение» (в полном своем объеме оно не может не включать такого раздела, например, как «метрика»). Хотелось бы надеяться, что автор продолжит свои изыскания в данной области.

А. П. Хузангай

PERSONALIA

СМЕТ КЕНЕСБАЕВИЧ КЕНЕСБАЕВ

(К восьмидесятилетию со дня рождения)

Исполнилось восемьдесят лет со дня рождения одного из основоположников казахской советской лингвистической науки, заслуженного деятеля науки Казахстана, академика Академии наук Казахской ССР, доктора филологических наук, профессора Смета Кенесбаевича Кенесбаева.

С. К. Кенесбаев родился 15 февраля 1907 года в Сузакском районе Казахстана. По окончании второго курса Казахского педагогического института в г. Ташкенте он в 1926 году был направлен на тюркологический семинарий (отделение) Ленинградского института живых восточных языков им. Енукидзе.

В 1931 году С. К. Кенесбаев вернулся в Казахстан и начал работать в Казахском педагогическом институте им. Абая в г. Алма-Ате. В последующие годы он заведовал кафедрой языков этого института и работал в качестве научного сотрудника в Казахском филиале Академии наук

СССР. В 1939 году за написанный им учебник казахского языка для 8—10-х классов русской школы С. К. Кенесбаеву была присуждена ученая степень кандидата филологических наук, а в 1944 году он защитил докторскую диссертацию «Устойчивые словосочетания в казахском языке».

Один из учредителей Академии наук Казахской ССР, С. К. Кенесбаев был избран в первый состав Академии наук Казахской ССР в качестве ее действительного члена, а в дальнейшем занимал пост вице-президента Академии наук до 1951 года. После нескольких лет работы в качестве профессора кафедры казахского языка Кзыл-Ординского пединститута им. Н. В. Гоголя он был назначен директором Института языка и литературы (1957—1961), директором преобразованного Института языкознания (1961—1978) и академиком-секретарем Отделения общественных наук Академии наук Казахской ССР.

Разнообразны научные интересы С. К. Кенесбаева. Он разрабатывает различные аспекты фонетики, лексики, фразеологии казахского языка, отдельные вопросы тюркологии, гражданской истории, истории литературного языка, прикладной и математической лингвистики, проблемы взаимоотношения языков народов СССР, теории перевода, лексикографии, активно участвует в решении задач терминологии, в создании учебников, унификации алфавита и орфографии казахского письма.

С. К. Кенесбаев написал десятки учебников и учебно-методических пособий, является составителем толковых, двуязычных, орфографических и терминологических словарей. Он автор раздела фонетики академической грамматики «Современный казахский язык».

Весьма значительны исследования С. К. Кенесбаева в области фразеологии. Интерес к изучению этой проблемы у ученого возник еще в конце 30-х годов. В течение более чем тридцати лет он собирал и систематизировал богатый фразеологический

фонд родного языка и в 1977 году издал «Фразеологический словарь казахского языка» объемом восемьдесят восемь печатных листов. Этот труд, по существу явившийся первой лексикографической работой подобного рода не только в отечественной, но и в зарубежной тюркологии, был удостоен в 1978 году Государственной премии Казахской ССР в области науки и техники.

С. К. Кенесбаев неоднократно представлял советскую тюркологическую науку на крупных международных конгрессах и конференциях. Он является почетным членом Урало-Алтайского общества (ФРГ), членом-корреспондентом Турецкого лингвистического общества. Большую общественную работу ведет С. К. Кенесбаев как председатель президиума Казахского отделения Советского общества по культурным связям с соотечественниками за рубежом «Отан» («Родина»). Он — член Советского комитета тюркологов, научных советов при Отделении литературы и языка Академии наук СССР и при Академии наук Казахской ССР, редколлегий журна-

лов «Советская тюркология» и «Известия АН Казахской ССР. Серия филологическая».

С. К. Кенесбаев постоянно заботится о росте научных кадров филологов в Казахстане и других братских республиках. Им подготовлены шесть докторов и свыше двадцати кандидатов наук.

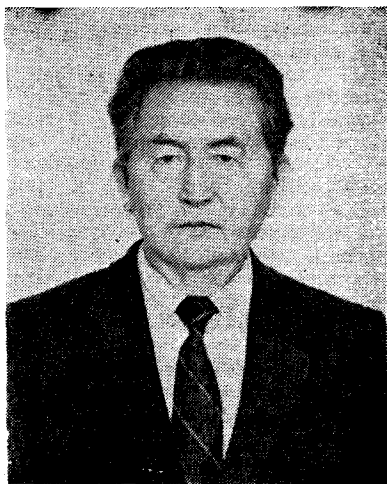
Плодотворная научно-педагогическая и общественная деятельность ученого высоко оценена партией и правительством. С. К. Кенесбаев награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени и Красной Звезды, медалями СССР, Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Казахской ССР. В связи с восьмидесятилетием со дня рождения С. К. Кенесбаев награжден орденом Дружбы народов.

Многочисленные друзья, коллеги и ученики горячо поздравляют академика С. К. Кенесбаева со славным юбилеем и желают ему крепкого здоровья и больших успехов в научной работе.

Е. Х. Жубанов, Ф. Ф. Алиев

РАХМАНКУЛ БЕРДИБАЕВ

(К шестидесятилетию со дня рождения)

Исполнилось шестьдесят лет члену правления и председателю совета фольклора Союза писателей Казахстана, заведующе-

му отделом фольклора Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР, доктору филологических наук, профессору Рахманкулу Бердибаеву.

Рахманкул Бердибаев родился в 1927 году близ г. Туркестана Чимкентской области. Он окончил педучилище, а затем получил высшее образование на филологическом факультете Казахского государственного университета и Кзыл-Ординского пединститута.

Свою трудовую деятельность Р. Бердибаев начал рабочим. В дальнейшем работал директором средней школы в Чимкентской области, а с 1954 по 1959 год был литсотрудником, заведующим отделом критики редакции газеты «Қазақ әдебиеті» — органа Союза писателей Казахстана. С 1959 по 1961 год он прошел курс аспирантуры в Институте языка и литературы Академии наук Казахской ССР. Вся последующая научная деятельность Р. Бердибаева связана с Институтом литературы и искусства Академии наук Казахской ССР. Только короткое время (1968—1970) он был ответственным секретарем

главной редакции «Казахской Советской Энциклопедии».

Начиная с 1954 года Р. Бердибаев опубликовал двадцать литературно-критических книг и множество статей и рецензий. Особо следует отметить его книги: «Литература и жизнь» (1964), «О социалистическом реализме» (1966), «Роман и эпоха» (1967), «Образ современника в казахской прозе» (1968), «Соловьи Гулистана» (1970), «Становление казахской советской литературы» (1971), «Уроки традиций» (1973), «Казахский роман» (1975), «От легенды к роману» (1976), «На корабле дружбы» (1976), «Исповедь веков» (1977), «Казахский исторический роман» (1979), «Высокое назначение» (1980), «Казахский эпос» (1982), «Кладезь народной мудрости» (1983), «Великий образец» (1984), «Облик эпохи» (1985) и др. Он один из авторов учебника по казахской советской литературе (совместно с С. Каримаевым и Н. Габдуллинным).

Р. Бердибаев в своих книгах и статьях разрабатывает актуальные проблемы идейно-художественного развития казахской советской литературы, истории литературы тридцатых годов, становления казахского романа. В 1961 году он защитил кандидатскую, а в 1970 году докторскую диссертацию по теоретическим проблемам казахского романа.

Р. Бердибаев является одним из исследователей творчества классика казахской советской литературы Мухтара Ауэзова. Значительный интерес представляют его статьи и исследования по древней казахской литературе.

Работы Р. Бердибаева вносят заметный вклад и в изучение богатейшего казахского эпоса, традиций сказителей и айтыса (поэтических состязаний). Под его научным руководством сотрудниками отдела фольклора созданы фундаментальные исследования, такие, как «Казахские исторические песни», «Типология казахского фольклора», «История казахской фолькло-

ристики». Он ведет также большую работу по координации работы фольклористов республики.

Р. Бердибаев входит в число основных авторов шеститомной «Истории казахской литературы» и «Истории многонациональной советской литературы», издаваемой в Москве. Он часто выступает с докладами на международных, всесоюзных, региональных и республиканских научно-теоретических конференциях, на писательских пленумах и съездах по актуальным вопросам литературы и искусства.

В течение двадцати пяти лет Р. Бердибаев ведет на филологическом факультете Казахского государственного университета курсы по современной казахской литературе и эпосу. Под его руководством подготовлено и защищено несколько диссертаций.

Р. Бердибаев ведет и большую общественную работу. На протяжении двадцати трех лет он является ректором народного университета казахской литературы и искусства. Он состоит также членом Советского комитета тюркологов, совета по фольклору при Академии наук СССР, казахского отделения Общества советско-арабской дружбы, правления Казахского отделения Советского общества по культурным связям с соотечественниками за рубежом «Отан», центрального совета Общества по охране памятников культуры Казахской ССР, правления Казахского отделения Советского фонда культуры, редколлегии литературно-художественного и общественно-политического журнала «Жулдуз».

Р. Бердибаев награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Казахской ССР, медалями «За трудовую доблесть» и «Ветеран труда».

Коллеги и друзья Рахманкула Бердибаева желают ему доброго здоровья и больших успехов в его научной и педагогической деятельности.

Ш. Ибраев

ДОСЖАН СИПАТДИНОВИЧ НАСЫРОВ

(К шестидесятилетию со дня рождения)

Исполнилось шестьдесят лет со дня рождения заслуженного деятеля науки Каракалпакской АССР, доктора филологических наук, профессора Досжана Сипатдиновича Насырова.

Д. С. Насыров родился 3 января 1927 года в местечке Тик-Узак Муйнакского района Каракалпакской АССР. После

окончания в 1949 году факультета каракалпакского языка и литературы Каракалпакского педагогического института Д. С. Насыров продолжил учебу в аспирантуре Института языкознания Академии наук СССР, где в 1954 году защитил кандидатскую диссертацию «Причастие и его синтаксические функции в каракалпакском

языке». По возвращении в Каракалпакию он заведовал отделом языка и литературы Каракалпакского научно-исследовательского института экономики и культуры Академии наук Узбекской ССР. В 1955—1959 годы он — заместитель директора по научной работе Каракалпакского госпединститута и одновременно (1956—1957) заведующий кафедрой каракалпакского языка и литературы этого вуза. В 1959 году был создан Каракалпакский филиал Академии наук Узбекской ССР и в его составе открыт Институт истории, языка и литературы, где Д. С. Насыров с 1959 по 1963 год являлся заместителем директора. С 1963 года он — бессменный руководитель отдела истории и диалектологии каракалпакского языка, а с 1977 года — одновременно профессор кафедры каракалпакского языка Нукусского госуниверситета. В 1976 году Д. С. Насыров защитил докторскую диссертацию «Становление каракалпакского общенародного разговорного языка и его диалектная система», которая была издана в качестве монографии¹.

Перу Д. С. Насырова принадлежит свыше ста печатных работ, посвященных проблемам истории и диалектологии, алфавита и орфографии, морфологии и синтаксиса, лексикологии и лексикографии каракалпакского языка. Особенно плодотворны исследования ученого в области истории и диалектологии каракалпакского языка. Д. С. Насыровым был организован ряд диалектологических экспедиций в Каракалпакию и за ее пределами, результаты

которых были обобщены затем в целом ряде работ. Д. С. Насыров внес некоторые уточнения и дополнения в классификацию диалектов и говоров каракалпакского языка, разработанную Н. А. Баскаковым. В каракалпакском языке Д. С. Насыров выделяет два основных диалекта: северный и южный. Имеющиеся в составе северного диалекта говоры узбеков-аральцев и бухарских каракалпаков он относит к переходным говорам, а говоры ферганских, самаркандских, ташкентских и афганских каракалпаков считает изолированными. Кроме того, в составе северного диалекта автор впервые выделяет так называемый «муйтенский говор». Все это явилось определенным вкладом в каракалпакскую диалектологию. Под руководством Д. С. Насырова составлены также диалектологический словарь² и диалектологический атлас каракалпакского языка.

Углубленно занимается Д. С. Насыров и разработкой вопросов алфавита и орфографии каракалпакского языка. В новом алфавите и своде орфографических правил каракалпакского языка, составленном им совместно с К. Убайдуллаевым, были восстановлены отдельные буквы (э, ө, ү, ұ, ң) для обозначения специфических каракалпакских гласных и согласных звуков, ошибочно исключенных из состава алфавита при переходе письменности на славянскую графику³.

В работах Д. С. Насырова получили всестороннее освещение такие грамматические вопросы каракалпакского языка, как категория числа⁴, причастие⁵ и др. Он является одним из авторов и редакторов ряда лингвистических работ, научных сборников, коллективных монографий, учебников и программ для вузов.

Заметным явлением в каракалпакской лексикографии стали составленные и изданные при непосредственном участии Д. С. Насырова каракалпакско-русский и русско-каракалпакский словари. Ряд работ Д. С. Насырова, написанных в соавторстве, посвящен вопросам каракалпакской терминологии и библиографии.

² Д. С. Насыров, О. Доспанов. Каракалпак тилинің диалектологиялық сөзлігі. Некіс, 1983.

³ Д. С. Насыров. Об усовершенствовании алфавита каракалпакского языка. — «Вопросы совершенствования алфавитов тюркских народов СССР», М., 1972, стр. 75—87; *его же*. Орфография каракалпакского языка. — «Орфография тюркских литературных языков СССР», М., 1972, стр. 117—130.

⁴ Д. С. Насыров. Каракалпак тилинде көплік категориясы. Некіс, 1961, стр. 47.

⁵ Д. С. Насыров. Каракалпак тилинде келбетлик феил. Некіс, 1964.

¹ Д. С. Насыров. Становление каракалпакского общенародного разговорного языка и его диалектная система. Нукус—Казань, 1976.

Много сил ученый отдает организации науки и подготовке научных кадров. Под его руководством защищен ряд кандидатских и докторских диссертаций.

Д. С. Насыров активно участвует в общественной жизни. Он является членом Советского комитета тюркологов, научного совета «Диалектология и история языка» при ОЛЯ АН СССР, Специализированного ученого совета по защите диссертаций на

соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте языка и литературы им. А. С. Пушкина Академии наук Узбекской ССР и др.

Коллеги, друзья и ученики желают Д. С. Насырову доброго здоровья, новых успехов в его многогранной научной деятельности.

А. Б. Бекбергенов

Х Р О Н И К А

«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ»

9 января 1987 года в Ташкентском ордена Дружбы народов государственном педагогическом институте им. Низами состоялась очередная городская семинар языковедов-тюркологов.

В работе семинара приняли участие преподаватели вузов Ташкента — Государственного педагогического института им. Низами, Института иностранных языков им. Ф. Энгельса, Республиканского института русского языка и литературы им. В. В. Решетова, Государственного университета им. В. И. Ленина, научные сотрудники Института языка и литературы им. А. С. Пушкина Академии наук Узбекской ССР.

На семинаре с докладом на тему «Проблемы культуры узбекской речи» выступил член-корреспондент Академии наук Узбекской ССР Г. А. Абдурахманов. Докладчик сделал обзор достижений узбекских языковедов в области изучения указанной проблемы и охарактеризовал основные перспективные ее направления: 1) стилистические тенденции на современном этапе развития узбекского языка; 2) языковое мастерство и индивидуальный стиль писателей. Изучение языкового мастерства таких видных узбекских писателей, как А. Кадыри, А. Каххар, Айбек, Г. Гулям и другие, подчеркнул докладчик, имеет большое теоретическое и практическое значение для языковедов, литераторов, а также молодых писателей; 3) взаимосвязь функциональных стилей и ее влияние на язык; 4) двуязычие (узбекско-русское) и развитие функциональных стилей речи. Узбекско-русское двуязычие в наше время — очевидная реальность, играющая прогрессив-

ную роль в развитии стилей узбекской речи; 5) литературные жанры и дифференциация стилей; 6) использование языковых средств в стилистических целях. Одной из важнейших проблем является изучение средств, реализующих эстетические функции языка; 7) литературная норма, являющаяся одним из актуальных вопросов данной проблемы.

Докладчик обратил внимание присутствующих и на другие аспекты функционирования языка, связанные с повышением культуры узбекской речи, указал на конкретные задачи, стоящие перед лингвистами в этой области. Другой неотложной задачей узбекских лингвистов докладчик считает анализ языка средств массовой информации — радио, телевидения, печати.

В обсуждении доклада приняли участие академик Академии наук Узбекской ССР Ш. Ш. Шаабдурахманов, член-корреспондент Академии педагогических наук СССР М. А. Аскарлова, профессора А. Рустамов, А. А. Абдуазизов и др. Выступавшие отметили, что вопросы культуры речи в настоящее время приобрели большую актуальность, что делает необходимым расширение и углубление исследований теоретических вопросов культуры узбекской речи.

На заседании был рассмотрен и утвержден годовой рабочий план семинара. Тематику последующих семинаров текущего года было решено также посвятить актуальным вопросам культуры речи.

Н. М. Махмудов, А. М. Меметов

С О Д Е Р Ж А Н И Е

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- Н. А. Баскаков* (Москва). Огузский ареал в истории консолидации тюркских языков 3

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- Р. А. Юналеева* (Казань). Тюркизмы в системе заимствований русского языка 8
А. Б. Кубатов (Баку). О лексических элементах шахдагско-лезгинской общности в кубинских говорах азербайджанского языка 14
И. Г. Добродомов (Москва). Об одном тюркизме в дигорском 19

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- И. Л. Кызласов* (Москва). Земледельческое жертвоприношение древнехакасской общины 21
С. Г. Кляшторный (Ленинград). Девятая надпись с Уйбата 33
Г. Дёрфер (Геттинген, ФРГ). Махмуд Кашгари: аргу, халадж 37

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- А. Б. Джураев* (Москва). Ареалогия и исследование узбекских народных говоров 45
А. З. Абдуллаев, А. Г. Джавадов (Баку). О семантическом ядре азербайджанского сложноподчиненного предложения 52
А. Дж. Ализаде (Баку). Лексико-семантический анализ некоторых слов азербайджанского литературного языка XVI века 57
И. Г. Галяутдинов (Уфа). Письменные памятники Башкирии и некоторые проблемы их комплексного изучения 67
В. Б. Будагов (Баку). О структурно-семантических особенностях лингвистических терминов арабского происхождения в азербайджанском языке 75
Е. И. Убрятова (Новосибирск). Изучение тюркских языков Сибири 84

РЕЦЕНЗИИ

- И. М. Агаров* (Нальчик). Л. Ж. Жабелова. Сложные имена существительные в современном карачаево-балкарском языке 95
Ф. Р. Ахметжанова (Алма-Ата). С. Л. Ким. Семантика относительных прилагательных русского и узбекского языков 96
Р. Дж. Магеррамова (Баку). Ж. М. Гузеев. Семантическая разработка слова в толковых словарях тюркских языков 98
А. П. Хузангай (Чебоксары). В. Г. Родионов. Чувашское и тюркское стихосложение 101

PERSONALIA

<i>Е. Х. Жубанов, Ф. Ф. Алиев</i> (Алма-Ата). Смет Кенесбаевич Кенесбаев	104
<i>Ш. Ибраев</i> (Алма-Ата). Рахманкул Бердибаев	105
<i>А. Б. Бекбергенов</i> (Нукус). Досжан Сипатдинович Насыров	106

ХРОНИКА

<i>Н. М. Махмудов, А. М. Меметов</i> (Ташкент). «Актуальные проблемы культуры речи»	109
---	-----

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

<i>N. A. Baskakov</i> (Moscow). Oghuz areal in the history of consolidation of Turkic languages	3
---	---

LANGUAGES IN CONTACT

<i>R. A. Yunaleyeva</i> (Kazan). Turkisms in the borrowing system of Russian	8
<i>A. B. Kubatov</i> (Baku). On lexical elements of Shahdag—Lezghyn community in the Kuba dialect of the Azerbaijan language	14
<i>I. G. Dobrodomov</i> (Moscow). On one Turkism in Digor dialect	19

DISCUSSIONS

<i>I. L. Kyzlasov</i> (Moscow). Agricultural sacrifice in old Khakass commune	21
<i>S. G. Klyashtorniy</i> (Leningrad). Ninth inscription from Uybat	33
<i>G. Dörfer</i> (Gettingen, BRD). Mahmud Kashgary: argu, haladj	37

REPORTS, SURVEYS

<i>A. B. Jurayev</i> (Moscow). Areology and study of Uzbek dialects	45
<i>A. Z. Abdullayev, A. G. Javadov</i> (Baku). On semantic nucleus of Azerbaijan complex sentence	52
<i>A. J. Alizade</i> (Baku). Lexico-semantic analysis of some words in the Azerbaijan literary language of the XVI century	57
<i>I. G. Galyautdinov</i> (Ufa). Written monuments of Bashkiria and some problems of its composite research	67
<i>V. B. Budagov</i> (Baku). On structural and semantic changes of linguistic terms of Arabian origin in Azerbaijan	75
<i>Y. I. Ubryatova</i> (Novosibirsk). Study of Turkic languages in Siberia	84

REVIEWS

<i>I. M. Atarov</i> (Nalchik). Л. Ж. Жабелова. Сложные имена существительные в современном карачаево-балкарском языке	95
<i>F. R. Ahmetjanova</i> (Alma-Ata). С. Л. Ким. Семантика относительных прилагательных русского и узбекского языков	96
<i>R. I. Magerramova</i> (Baku). Ж. М. Гузеев. Семантическая разработка слова в толковых словарях тюркских языков	98
<i>A. P. Khuzangay</i> (Cheboksary). В. Г. Родионов. Чувашское и тюркское стихосложение	101

PERSONALIA

<i>Y. H. Jubanov, F. F. Aliyev</i> (Alma-Ata). Smet Kenesbayevitch Kenesbayev	104
<i>Sh. Ibrayev</i> (Alma-Ata). Rahmankul Berdibayev	105
<i>A. B. Bekbergenov</i> (Nukus). Dosjan Sipatdinovitch Nasyrov	106

CHRONICLE

<i>N. M. Mahmudov, A. M. Memetov</i> (Tashkent). «Actual problems of culture of speech» :	109
---	-----

© «Советская тюркология», 1987 г.

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*
Корректоры *А. Е. Сорокина, Г. В. Жилин*

Сдано в набор 9.07.87 г. Подписано к печати 20.10.87 г. ФГ 28761. Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 11,2. Уч. изд. л. 10,4.
Заказ 6686. Тираж 2210. Цена 1 руб. 10 коп.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.